This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ОКТ 1959

№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА — 45

Карамзин, Н. М.

ПИСЬМА
РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Н. М. КАРАМЗИНА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И РИСУНКАМИ

ПРОВЕРЕНО
Книгохранилище
1935 г.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

1262

ПЕРМСКАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
22. МАР. 1913
№ 2229

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

У. 1р. за 2 т.т.

D917
K3
1900
v.1

Разрѣшено къ печати 4-го марта 1900 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПЕТРОГРАДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
№

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ОКТ 1959

№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА — 45

Карамзин, Н. М.

ПИСЬМА
РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Н. М. КАРАМЗИНА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И РИСУНКАМИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПРОВЕРЕНО
Книгохранилище
1935 г.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

1262
1942

ПЕРМСКАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
22. МАР. 1913
№ 229

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

У. 1 р. за 2 т.т.

D917
K3
1900
v.1

Рукопись дозв. цензурой 4-го марта 1900 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Современное направленіе русской литературы называютъ иногда историческимъ; утверждаютъ, что въ нашемъ обществѣ развился большой интересъ къ запискамъ и воспоминаніямъ о прошломъ, къ стариннымъ письмамъ и дневникамъ. Наблюденіе это, конечно, не лишено справедливости; но вмѣстѣ съ тѣмъ должно сказать, что обращеніе наше къ прошлому было бы гораздо дѣльнѣе, добросовѣстнѣе и даже плодотворнѣе для настоящаго, если бы въ матеріалахъ о нашей недавней старинѣ мы меньше искали «пикантныхъ» разоблаченій и изучали бы ее болѣе спокойно, sine ira et studio. Бросаться на одно запретное, придавать цѣну и вѣрить только тому, что не могло быть оглашено въ свое время,—черта ребяческая, свидѣтельствующая только о мелкомъ любопытствѣ, а не о серьезной любознательности. Было бы истинно прискорбно, если бы современное русское общество, такъ глубоко обновленное умственнымъ движеніемъ послѣдняго тридцатилѣтія, не сумѣло, на-

конецъ, обратить спокойный взоръ на свое прошлое, гдѣ не все же было только мрачно и черно, не все достойно только обличеній «музы мести и печали».

Настоящимъ изданіемъ «Писемъ Русскаго Путешественника» мы желали послужить этой цѣли — возобновить въ памяти современныхъ читателей самое замѣчательное изъ произведеній русской литературы въ концѣ прошлаго вѣка, произведеніе, которое въ теченіе болѣе чѣмъ пятидесяти лѣтъ считалось одною изъ самыхъ увлекательныхъ книгъ на русскомъ языкѣ, и которое лишь въ послѣднюю четверть вѣка стало приходить въ забвеніе. Правда, въ произведеніи этомъ вы не найдете ни откровеній о тайныхъ пружинахъ, двигавшихъ событіями конца XVIII вѣка, ни картины тѣхъ невзгодъ и бѣдствій, которыя переживали тогдашніе люди, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и внѣ его; но зато вы увидите здѣсь идеалы образованнѣйшихъ русскихъ людей стараго времени, и все-таки идеалы, сопоставленные лицомъ къ лицу съ фактами дѣйствительной жизни — положимъ, не русской, но во всякомъ случаѣ такой, которая своимъ разнообразіемъ, своими свѣтлыми и темными сторонами представляетъ богатый матеріалъ для критики этихъ идеаловъ. Если взять притомъ въ расчетъ, что съ 1792 года по 1848 «Письма Русскаго Путешественника» выдержали семь изданій, что на нихъ воспитался цѣлый рядъ поколѣній русскихъ людей, находившихъ въ нихъ и просвѣщеніе, и усладу, — то станетъ ясно, что для пра-

вильной оцѣнки нашего недавняго прошлаго нельзя не обратить вниманія на столь крупное явленіе нашей умственной жизни, а напротивъ, слѣдуетъ ознакомиться съ нимъ обстоятельно, во всей его полнотѣ. Изящная форма этого произведенія и умѣренный его объемъ, при внутреннемъ интересѣ содержанія, облегчаютъ это знакомство.

Въ настоящемъ предисловіи мы, впрочемъ, не имѣемъ надобности говорить о значеніи «Писемъ Русскаго Путешественника» въ исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія. Этому важному вопросу посвящена прекрасная статья академика Ѳ. И. Буслаева, которую мы, съ любезнаго разрѣшенія автора, помѣщаемъ предъ самыми письмами [1]). Ограничиваемся поэтому лишь внѣшнею исторіей «Писемъ».

Карамзинъ писалъ свои письма, имѣя въ виду друзей своей молодости—Алексѣя Александровича Плещеева и его жену Настасію Ивановну. Впервые письма были напечатаны въ періодическомъ изданіи Карамзина Московскій Журналъ, выходившемъ въ 1791 и 1792 годахъ [2]); затѣмъ съ 1799 г.

---

[1]) Статья эта есть собственно рѣчь, произнесенная г. Буслаевымъ при празднованіи столѣтняго юбилея Карамзина въ Московскомъ университетѣ, 1 декабря 1867 года. Она была тогда же напечатана въ малораспространенномъ изданіи *Московскія Университетскія Извѣстія*. Нынѣ рѣчь г. Буслаева печатается съ нѣкоторыми его исправленіями.

[2]) Здѣсь «Письма Русскаго Путешественника» были напечатаны до письма изъ Парижа отъ 27-го марта 1790 г. включительно.

мовъ, какъ и первое отдѣльное изданіе «Писемъ» по-русски. Сужденіе свое о «Письмахъ» Рихтеръ высказываетъ въ предисловіи слѣдующими словами: «Они отличаются въ особенности нѣжностью чувствованія и наивностью изображенія, которыя всегда служатъ признаками прекрасной души» Оцѣнка вполнѣ вѣрная, хотя и не исчерпываетъ вполнѣ значенія «Писемъ Русскаго Путешественника» для русской литературы. Особенность нѣмецкаго перевода составляетъ то, что къ нему приложено нѣсколько гравюръ на мѣди, во вкусѣ Ходовецкаго, гравюръ, изображающихъ не виды какихъ либо замѣчательныхъ мѣстъ, посѣщенныхъ путешественникомъ, а нѣкоторыя сцены, описанныя въ его путешествіи, то есть, жанровыя картинки чувствительнаго или добродушно - комическаго характера, или же портреты самого «любезнаго» автора и его пріятеля и почитателя переводчика. Такой выборъ предметовъ для изображенія указываетъ на то, что̀, могло въ особенности интересовать тогдашняго читателя. А такъ какъ переводъ Рихтера изданъ не безъ содѣйствія Карамзина, то можно предположить его участіе и въ выборѣ сюжетовъ для иллюстрацій. Въ виду такихъ соображеній, мы сочли умѣстнымъ приложить къ нашему изданію «Писемъ Русскаго Путешественника» точные снимки съ гравюръ, сопровождающихъ переводъ Рихтера, за исключеніемъ, впрочемъ, одной — портрета переводчика. Изъ числа гравюръ, изображающихъ сцены, первая относится къ письму изъ Тильзита, отъ 17-го іюня 1789 г.,

вторая—къ письму, писанному за двѣ мили до Дрездена 10-го іюля, третья — къ письму изъ Франкфурта-на-Майнѣ отъ 30-го іюля, четвертая — къ письму изъ Брука въ августѣ, пятая—къ письму изъ долины Гасли въ сентябрѣ, шестая—къ письму отъ 1-го ноября изъ Женевы, седьмая—къ письму отъ января 1790 года оттута же, и восьмая—къ письму отъ марта того же года изъ Ліона.

Въ заключеніе замѣтимъ, что когда первыя книжки нѣмецкаго перевода «Писемъ Русскаго Путешественника» прибыли въ Рижскую таможню и затѣмъ поступили на разсмотрѣніе мѣстнаго цензора, то послѣдній задержалъ выпускъ этого сочиненія.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Рѣчь академика *Ѳ. И. Буслаева*, произнесенная при празднованіи столѣтняго юбилея Карамзина въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ 1-го декабря 1866 года.

Мм. Гг.

Первый столѣтній юбилей нашего великаго прозаика имѣетъ свое особенное значеніе. Торжество это не можетъ быть только воспоминаніемъ о важномъ литературномъ дѣлѣ, положенномъ въ основу русской народности; потому что дѣло это—не отшедшая старина, вообще дорогая для національнаго чувства, но одинъ изъ насущныхъ элементовъ современнаго русскаго просвѣщенія, который не пересталъ еще оказывать свою живительную силу въ каждомъ изъ насъ, здѣсь собравшихся. Поколѣнія старшія еще чувствуютъ на себѣ всю обаятельную свѣжесть непосредственнаго дѣйствія этой гармоніи мыслей и звуковъ, которою Карамзинъ на ихъ памяти плѣнялъ своихъ соотечественниковъ: поколѣнія младшія учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его

сочиненіямъ, на которыхъ и доселѣ основываются и русскій синтаксисъ, и русская стилистика: такъ что — если бы я думалъ изложить передъ вами заслуги Карамзина въ этомъ отношеніи, то мнѣ пришлось бы сдѣлать перечень параграфовъ учебника, съ указаніемъ, на сколько каждый изъ нихъ подчиненъ вліянію Карамзина.

Но я нахожу неумѣстнымъ подробностями критическихъ изслѣдованій о языкѣ и слогѣ удалить отъ вашего вниманія живой образъ того, память о которомъ мы празднуемъ. Лучше всего удовлетворило бы общему желанію жизнеописаніе Карамзина съ подробными выдержками изъ его сочиненій; но этотъ предметъ невмѣстимъ въ предѣлахъ моего настоящаго чтенія. Ограничиваясь немногимъ, я избираю изъ жизни Карамзина только полтора года, — знаменательное время перехода отъ молодости къ зрѣлому возрасту, когда опредѣлилась нравственная и литературная физіономія писателя, именно 1789—1790 годы, описанные имъ самимъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника.

Опасаясь умалить заслуги автора, нынѣ чествуемаго, я не рѣшаюсь назвать эти Письма лучшимъ изъ его собственно литературныхъ произведеній; однако, кажется, не обинуясь могу утверждать, что послѣ Исторіи Государства Россійскаго, они болѣе прочихъ его сочиненій оказали свое дѣйствіе на образованіе русской публики, оказываютъ и теперь, составляя одно изъ лучшихъ украшеній всякой хорошей хрестоматіи русской словесности

Своими письмами изъ-за границы Карамзинъ впервые внесъ въ нашу литературу самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ европейской цивилизаціи, которыя были тѣмъ наставительнѣе, что относились къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, когда господство французскаго направленія стало уступать новымъ идеямъ, продолжившимъ свое развитіе и въ первой половинѣ текущаго столѣтія; такъ что — «Письма Русскаго Путешественника» даже въ періодъ дѣятельности Пушкина не теряли своего современнаго значенія, частью имѣютъ они его и теперь, потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка.

Необычайная цивилизующая сила этихъ писемъ, кромѣ высокаго дарованія и обширныхъ свѣдѣній автора, много зависѣла отъ самой формы этого рода сочиненій. Вмѣсто систематическихъ трактатовъ объ исторіи и статистикѣ западныхъ народовъ, о ихъ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, передъ читателями постоянно является симпатическая личность русскаго человѣка, высоко образованнаго, на сколько это было возможно въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ высшей степени впечатлительнаго и даровитаго, который съ каждымъ шагомъ на своемъ пути созрѣваетъ, неутомимо учится и изъ книгъ и изъ бесѣдъ съ знаменитостями того времени, и по мѣрѣ успѣховъ — передаетъ плоды своего развитія своимъ немногим друзьямъ, кругъ которыхъ долженъ былъ расш

риться на всю читающую русскую публику, какъ скоро были изданы въ свѣтъ «Письма Русскаго Путешественника», и многочисленные читатели ихъ по всѣмъ концамъ нашего отечества нечувствительно воспитывались въ идеяхъ европейской цивилизаціи, какъ бы созрѣвали сами вмѣстѣ съ созрѣваніемъ молодого Русскаго путешественника, учась смотрѣть на образованіе его глазами, чувствовать его благородными чувствами, мечтать его прекрасными мечтами.

Если русская литература, со временъ Петра Великаго, довершая дѣло преобразованія, имѣла своею задачею внести къ намъ плоды западнаго просвѣщенія, то Карамзинъ блистательно исполнилъ свое назначеніе. Онъ воспиталъ въ себѣ человѣка, чтобы потомъ — съ полнымъ сознаніемъ — явить въ себѣ русскаго патріота. Любовь къ человѣчеству была для него основою разумной любви къ родинѣ; и западное просвѣщеніе было ему дорого потому, что онъ чувствовалъ въ себѣ силу водворить его въ своемъ отечествѣ.

Стремясь на Западъ учиться для блага своего отечества, онъ шелъ по пути, проложенному Петромъ Великимъ и Ломоносовымъ, и въ свою очередь далъ собою образецъ поколѣніямъ новѣйшимъ, оставивъ имъ изъ своего опыта такое завѣщаніе: «Ни гдѣ способы ученія не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи: и кого Платнеръ, кого Гейне не заставитъ полюбить науки, тотъ, конечно, не имѣетъ ужъ никакой способности»

Своими письмами изъ-за границы Карамзинъ впервые внесъ въ нашу литературу самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ европейской цивилизаціи, которыя были тѣмъ наставительнѣе, что относились къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, когда господство французскаго направленія стало уступать новымъ идеямъ, продолжившимъ свое развитіе и въ первой половинѣ текущаго столѣтія; такъ что — «Письма Русскаго Путешественника» даже въ періодъ дѣятельности Пушкина не теряли своего современнаго значенія, частью имѣютъ они его и теперь, потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка.

Необычайная цивилизующая сила этихъ писемъ, кромѣ высокаго дарованія и обширныхъ свѣдѣній автора, много зависѣла отъ самой формы этого рода сочиненій. Вмѣсто систематическихъ трактатовъ объ исторіи и статистикѣ западныхъ народовъ, о ихъ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, передъ читателями постоянно является симпатическая личность русскаго человѣка, высоко образованнаго, насколько это было возможно въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ высшей степени впечатлительнаго и даровитаго, который съ каждымъ шагомъ на своемъ пути созрѣваетъ, неутомимо учится и изъ книгъ и изъ бесѣдъ съ знаменитостями того времени, и по мѣрѣ успѣховъ — передаетъ плоды своего развитія своимъ немногимъ друзьямъ, кругъ которыхъ долженъ былъ расши-

молодости восхищался англичанами и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для своего сердца землею. Видѣть Парижъ и Лондонъ — всегда было его мечтою, и нѣкогда самъ онъ собирался писать романъ и въ воображеніи объѣздить тѣ же земли, въ которыя послѣ поѣхалъ. Потомъ дѣтскія мечты замѣнились основательнымъ желаніемъ: онъ хотѣлъ провести свою юность въ Лейпцигѣ: туда стремились его мысли; въ тамошнемъ университетѣ хотѣлъ онъ собрать нужное для исканія той истины, о которой — по его собственному выраженію — съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ его сердце.

Раздѣляя вкусъ своихъ современниковъ, онъ коротко былъ знакомъ съ французскими писателями XVIII столѣтія и поклонялся Жанъ-Жаку Руссо; но вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ раннихъ лѣтъ привыкъ онъ уважать и литературу нѣмецкую и англійскую: такъ что, когда въ чужихъ краяхъ ему случалось предстать передъ знаменитыми личностями того времени и видѣть знаменитые предметы, онъ не только не поражался новизною, но, какъ давно знакомое и любимое, соединялъ видѣнное и слышанное съ своими воспоминаніями. Въ Лондонѣ осматриваетъ онъ картины, съ сюжетами изъ Шекспировскихъ драмъ и, уже зная твердо Шекспира, почти не имѣетъ нужды справляться съ описаніемъ въ каталогѣ, и, смотря на картины, угадываетъ содержаніе. Въ Лозанѣ, въ одномъ саду, видитъ надпись, взятую изъ Аддиссоновой оды, и при томъ воспоминаетъ, какъ нѣкогда просидѣлъ онъ

цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ этой самой оды и какъ восходящее солнце освѣтило его тогда за такою работой. «Это утро, присовокупляетъ молодой путешественникъ, — было одно изъ лучшихъ въ моей жизни». Въ Лейпцигѣ онъ знакомится съ извѣстнымъ въ то время литераторомъ Вейсе, статьи котораго изъ Друга Дѣтей онъ уже переводилъ прежде. Въ Цюрихѣ отыскиваетъ архидіакона Тоблера, имя котораго ему хорошо было знакомо по переводу Томсоновыхъ Временъ Года, изданныхъ Геснеромъ. Въ томъ же городѣ является къ Лафатеру, съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ еще въ Москвѣ, и который принимаетъ его, какъ стараго друга. Въ Парижѣ нисколько не удивляетъ его французскій театръ, потому что, какъ онъ по этому предмету выразился: «Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ: она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда немногихъ) Нѣмцевъ».

Самый планъ молодого Русскаго путешественника — во всѣхъ городахъ Европы лично знакомиться съ знаменитыми литераторами того времени—былъ столько же результатомъ его обширной образованности, сколько и повѣркою ея, строгимъ испытаніемъ. «Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, говоритъ онъ Виланду въ Веймарѣ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать автора лично». «Вы видите передъ собою такого человѣка,—такъ онъ представился въ Женевѣ Бонне-

ту, автору Палингенезіи,—который съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно». И вездѣ былъ радушно встрѣчаемъ молодой Русскій путешественникъ, вездѣ былъ привѣтствуемъ, не только какъ человѣкъ просвѣщенный, но и какъ достойный представитель своихъ соотечественниковъ. «Я Русскій, говорилъ онъ Бартелеми въ Парижской Академіи надписей, читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться твореніемъ великихъ, безсмертныхъ талантовъ. Итакъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жертву моего глубокаго почтенія». «Онъ всталъ съ кресла, продолжаетъ Карамзинъ, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ благорасположеніи и наконецъ отвѣчалъ: «Я радъ вашему знакомству; люблю сѣверъ, и герой, мною избранный, вамъ не чужой». «Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое нибудь сходство. Я въ академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса».—Вы молоды, путешествуете, и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства»

Заитересованный Россіею и ея литературой, Лафатеръ предлагалъ Карамзину, чтобъ онъ выдалъ на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. «Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ Карамзину, я буду пересылать къ вамъ черезъ почту рукописный оригиналъ», а когда нашъ путешественникъ оставилъ Цюрихъ, авторъ физіономики снабдилъ его одиннадцатью рекоменда-

тельными письмами въ разные города Швейцаріи и увѣрилъ его въ неизмѣнности своего дружелюбнаго къ нему расположенія. Въ Женевѣ Карамзинъ сообщилъ свое желаніе Боннету тоже перевести на русскій языкъ его Созерцаніе Природы и Палингенезію, и въ письмѣ отъ него получилъ такой отвѣтъ: «Авторъ будетъ вамъ весьма благодаренъ за то, что вы познакомите съ его сочиненіями такую націю, которую онъ уважаетъ», а когда послѣ того Карамзинъ пришелъ къ нему: «Вы рѣшились переводить Созерцаніе Природы, сказалъ онъ: начните же переводить его въ глазахъ автора, и на томъ столѣ, на которомъ оно было сочиняемо. Вотъ книга, бумага, чернилица, перо». Даже самъ Виландъ, который сначала принялъ Карамзина холодно и надменно, потомъ до того съ нимъ сблизился, что на разставаньи просилъ его, чтобъ онъ хотя изрѣдка писалъ къ нему письма: «Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были». Въ Кенигсбергѣ Карамзинъ бесѣдуетъ съ великимъ Кантомъ о будущей жизни и удивляется обширнымъ историческимъ и географическимъ познаніямъ философа; въ Лейпцигѣ для изученія эстетики входитъ въ личныя сношенія съ профессоромъ Платнеромъ; въ Веймарѣ бесѣдуетъ съ Гердеромъ объ античной литературѣ и искусствѣ, и о Гёте; въ Ліонѣ сводитъ дружбу съ Маттисономъ, извѣстнымъ того времени нѣмецкимъ поэтомъ.

Русскій путешественникъ отправился на Западъ съ опредѣленною цѣлію — довершить свое

образованіе въ такъ называемыхъ изящныхъ наукахъ, которымъ онъ, по его собственному признанію въ Лейпцигѣ профессору Платнеру, себя посвящаетъ: то есть, съ точки зрѣнія литературы и искусства, Карамзинъ интересовался вообще европейскою цивилизаціей.

Какъ ни обширенъ былъ кругъ литературнаго образованія Карамзина, все же сосредоточивался онъ на Франціи. Въ то время Баттё и Лагарпъ были для всѣхъ наставниками въ литературѣ; Вольтеръ и Жанъ-Жакъ Руссо еще господствовали надъ умами, хотя и не безусловно. Русскій путешественникъ слышалъ о французскихъ классикахъ уже неблагопріятные отзывы въ самомъ Парижѣ, слышалъ, какъ любимый имъ философъ Боннеѣъ называлъ Жанъ-Жака только риторомъ, а его философію воздушнымъ замкомъ; и, однако, сила времени и привычки такъ велики, что Вольтеръ и Руссо были главными руководителями его убѣжденій.

Съ благоговѣйнымъ вниманіемъ ученаго археолога, посѣщающаго римскія развалины, Русскій путешественникъ посѣщалъ и изслѣдовалъ мѣста, гдѣ жили и откуда поучали своими твореніями весь свѣтъ эти два знаменитые французскіе писателя.

Не увлекаясь крайностями въ ученіи Вольтера, Карамзинъ отдаетъ ему справедливость въ томъ, «что онъ (слова Карамзина) распространилъ сію взаимную терпимость въ вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе

посрамилъ гнусное лжевѣріе», которое нашъ путешественникъ видитъ въ католическихъ монастыряхъ, называя ихъ жилищемъ фанатизма, наполненнымъ страшилами, основаннымъ учредителями, которые худо знали нравственность человѣка, образованную для дѣятельности; издѣвается надъ католическими реликвіями и надъ иконами Богородицы, изображающими портреты извѣстныхъ прелестницъ. Согласно съ этими воззрѣніями, онъ вообще не любитъ среднихъ вѣковъ и готическаго стиля; хотя и признаетъ въ немъ смѣлость, но видитъ въ немъ бѣдность разума человѣческаго; въ барельефахъ Страсбургскаго собора замѣчаетъ только странное и смѣшное, а мысль и работу барельефовъ Дагоберовой гробницы, съ изображеніями извѣстной легенды о борьбѣ Св. Діонисія съ дьяволами за душу Дагобера, почитаетъ достойными варварскихъ временъ, какими онъ почитаетъ средніе вѣка. Съ тѣмъ же изысканнымъ вкусомъ француза XVIII вѣка относится онъ къ старинной литературѣ. Мистеріи и народныя драмы для него — глупыя пьесы; Чосеръ—писалъ неблагопристойныя сказки; Рабле — авторъ романовъ, «наполненныхъ остроумными замыслами, гадкими описаніями, темными аллегоріями и нелѣпостью»; даже Эразмова Похвала Глупости (по Карамзину—Дурачеству), несмотря на нѣкоторое остроуміе, книга довольно скучная для тѣхъ, «которые уже читали сочиненія Вольтеровъ и Виландовъ осьмаго-надесять столѣтія».

И вмѣстѣ съ тѣмъ, Карамзинъ находилъ вполнѣ согласнымъ съ своею теоріей вкуса любоваться холодными аллегорическими изображеніями Натуры и Поэзіи, которыя льютъ слезы на надгробную урну Геснера, или—Безсмертія, Храбрости и Мудрости на монументѣ Тюреня, а чудомъ искусства признавалъ Магдалину Лебрюна, потому что въ ея видѣ художникъ изобразилъ Герцогиню Лавальеръ. Таково еще было обаяніе этой чисто-условной, но обольстительной для глазъ роскоши изнѣженнаго искусства, что самымъ удобнымъ находили тогда переводить свои ощущенія на языкъ античной миѳологіи. Въ Булонской виллѣ графа д'Артуа, на картинахъ улыбалась Карамзину сама любовь, а въ альковахъ мечтались аллегорическіе восторги; на развалинахъ рыцарскихъ замковъ воображалась ему сидящею богиня меланхоліи, и въ безмолвной рощѣ не шутя взывалъ онъ къ античному Сильвану.

Однако, какъ человѣкъ новаго направленія, Русскій путешественникъ уже не вполнѣ довольствовался ложнымъ классицизмомъ, предпочиталъ античную скульптуру французской, и съ Павзаніемъ въ рукахъ рѣшался находить недостатки въ произведеніяхъ Пигаля. Онъ уже зналъ и изъ бесѣдъ съ Гердеромъ убѣдился, что Нѣмцы лучше другихъ народовъ понимаютъ классическую древность: «и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили нынѣ (это слова Карамзина) Нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Го-

меръ: та же неискусственная благородная простота въ языкѣ, которая была душою древнихъ временъ, когда царевны ходили по воду и цари знали счетъ своимъ баранамъ».

Еще сильнѣе замѣтно освобожденіе Карамзина изъ-подъ французскаго вліянія въ его сужденіяхъ о поэзіи драматической, которыми онъ былъ обязанъ изученію Шекспира и нѣмецкихъ писателей. Къ концу прошлаго столѣтія великій британскій драматургъ былъ оцѣненъ по достоинству; произведенія его игрались на театрахъ въ Англіи, Германіи и даже, въ плохихъ передѣлкахъ, во Франціи; въ Лондонѣ была основана Шекспирова галлерея, составленная изъ картинъ, сюжеты которыхъ взяты изъ драмъ Шекспира. Въ какой городъ Германіи Карамзинъ ни пріѣзжалъ, вездѣ могъ видѣть на сценѣ произведенія новой нѣмецкой драмы, столь отличныя отъ классической французской. Въ Берлинѣ при немъ играли драму Коцебу: Ненависть къ людямъ и раскаяніе, и Шиллерову трагедію Донъ-Карлосъ. Я не буду приводить восторженныхъ похвалъ Карамзина Шекспиру, столь извѣстныхъ, и въ настоящее время вполнѣ оправданныхъ; но для характеристики тонкаго эстетическаго вкуса нашего путешественника не могу миновать слѣдующій его отзывъ: «Читая Шекспира, читая лучшія нѣмецкія драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть актеру, и какъ что произнести; но при чтеніи французскихъ трагедій рѣдко могу пред-

ставить себѣ, какъ можно въ нихъ играть актеру хорошо, или такъ, чтобы меня тронуть».

Воззрѣнія, противоположныя ложному классицизму XVIII столѣтія и болѣе согласныя со вкусомъ нашего времени, у Карамзина имѣли характеръ еще односторонній, будучи приведены въ одну систему съ господствовавшею тогда теоріей Жанъ-Жака Руссо о неограниченныхъ правахъ природы надъ человѣкомъ. Всякая цивилизація, а слѣдовательно и античная, должна уступать этимъ всемогущимъ правамъ: и Карамзинъ въ характеристикѣ произведеній Рафаэля, Джуліо Романо, Рубенса и другихъ живописцевъ, отдавая предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые болѣе слѣдовали природѣ, нежели антикамъ, не только говоритъ правду вообще, но и въ частности, какъ человѣкъ своего времени, миритъ свой вкусъ съ теоріей Руссо.

Этою же теоріей оправдывался въ живописи господствовавшій тогда ландшафтъ, а въ литературѣ—описательная, или, какъ называетъ ее Карамзинъ, живописная поэзія, отечествомъ которой онъ полагалъ Англію: «Французы и Нѣмцы, говоритъ онъ, переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми Временами года: ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры». Эта поэзія, объясняемая философіею Жанъ-Жака Руссо, давала нашему молодому путешественнику неизсякаемый источникъ сентиментальныхъ во-

сторговъ при созерцаніи красотъ природы. Потому такъ любилъ онъ Швейцарію, въ которой, по его выраженію, «все, все забыть можно, все, кромѣ Бога и Натуры». Самое искусство казалось ему ничтожною игрушкой передъ явленіями природы: «что значатъ всѣ наши своды передъ сводомъ неба? восклицаетъ онъ, остановившись подъ куполомъ Св. Павла въ Лондонѣ: сколько надобно ума и трудовъ для произведенія столь неважнаго дѣйствія? Не есть ли искусство самая безстыдная обезьяна природы, когда она хочетъ спорить съ нею въ величіи?»

По теоріи Карамзина, человѣкъ созданъ наслаждаться и быть счастливымъ. Источникъ счастія — природа, которая даетъ всему созданному вмѣстѣ съ бытіемъ и наслажденіе имъ. Союзы семейный и общественный потому намъ дороги и милы, что основаны на природѣ. Самая смерть, какъ явленіе естественное, прекрасна, и ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы.

Своимъ дѣйствіемъ на счастіе человѣка искусства дополняютъ природу. Все прекрасное радуетъ, въ какой бы формѣ оно ни было. Въ мірѣ нравственномъ прекрасна добродѣтель: «одинъ взглядъ на добраго есть счастіе для того, въ комъ не загрубѣло чувство добра». Религія ведетъ людей къ добру и дѣлаетъ ихъ лучшими. Декартъ великъ потому, что «своимъ нравоученіемъ возвеличиваетъ санъ человѣка, убѣдительно доказывая бытіе Творца, чистую безтѣлесность души, свя-

тость добродѣтели». Въ этихъ истинахъ молодой Русскій путешественникъ укрѣплялся, бесѣдуя съ Кантомъ, Гердеромъ, Лафатеромъ, Боннетомъ, находилъ имъ доказательства въ своемъ собственномъ сердцѣ и въ радостяхъ, доставляемыхъ природою и искусствомъ, и наконецъ насладился не малымъ удовольствіемъ въ жизни, когда, «опершись на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи».

Мм. гг., вы, безъ сомнѣнія, ожидаете, чтобъ въ характеристикѣ Русскаго путешественника я коснулся одной крупной черты, которая, какъ живительный лучъ, освѣщаетъ привѣтливымъ свѣтомъ всѣ его путевыя впечатлѣнія, всѣ его думы, надежды и мечтанія. Это — самая горячая любовь его къ родинѣ, мысль о которой никогда его не покидаетъ. Бесѣдуетъ ли онъ съ Виландомъ о литературѣ, онъ не преминетъ сказать, что и на русскій языкъ переведены нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій. Веселится ли съ лейпцигскими профессорами за бутылкою вина, онъ сообщаетъ имъ, что и на русскій языкъ переведено десять пѣсенъ Мессіады Клопштока, и, чтобъ познакомить ихъ съ гармоніей нашего языка, читаетъ имъ русскіе стихи. Вслушивается въ мелодіи швейцарскихъ пѣсенъ, и ищетъ въ нихъ сходства съ нашими народными, «столько для него трогательными». Въ Лондонѣ изучаетъ англійскій языкъ, и приходитъ къ убѣжденію въ превосходствѣ передъ нимъ языка русскаго: «Да будетъ же честь и слава нашему языку, воскли-

цаетъ онъ: который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ — и вдругъ, если надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса».

Если Русскій путешественникъ всегда являлся передъ иностранцами самымъ краснорѣчивымъ и ловкимъ адвокатомъ за Россію, то потому именно, что искренно убѣжденъ былъ въ ея достоинствахъ. Во многомъ давалъ онъ ей предпочтеніе даже передъ самою Англіей, благосостояніемъ и устройствомъ которой онъ столько восхищался, и несравненно выше Людовика XIV ставилъ Петра Великаго, котораго — говорилъ онъ — «почитаю какъ великаго мужа, какъ героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля». Въ преобразованіяхъ Петра онъ видѣлъ разумное примиреніе любви къ родинѣ съ любовью ко всему цивилизованному человѣчеству.

Будущій авторъ Исторіи Государства Россійскаго посѣтилъ западную Европу, когда во Франціи зачинался громадный переворотъ, который долженъ былъ потрясти всю Европу. Карамзину суждено было провести три мѣсяца въ Парижѣ, въ роковой періодъ времени между штурмомъ Бастиліи и казнію французскаго короля.

Былъ ли молодой Русскій путешественникъ настолько приготовленъ, чтобъ уразумѣть откры-

вавшійся на его глазахъ новый порядокъ вещей? Находилъ ли онъ въ себѣ самомъ нравственную опору, чтобы руководствоваться твердыми убѣжденіями, когда все кругомъ его расшатывалось, чтобы принять новый видъ? Наконецъ, въ какой мѣрѣ образовало его историческій взглядъ непосредственное наблюденіе надъ однимъ изъ важнѣйшихъ событій новой исторіи?

Карамзинъ былъ воспитанъ въ идеяхъ XVIII столѣтія, которыя много способствовали французской революціи.

Права человѣчества, основанныя на законахъ природы, а не на искусственныхъ условіяхъ, свобода мысли и совѣсти и свободныя учрежденія — вотъ тѣ мечты, которыя молодой путешественникъ вывезъ съ собою еще изъ Россіи, и которыя въ его воображеніи приняли видъ дѣйствительности, когда онъ очутился въ странѣ республиканской: «И такъ я уже въ Швейцаріи — писалъ онъ изъ Базеля — въ странѣ живописной натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ, и я съ гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ».

Но эта дѣйствительность очень скоро оказалась мнимою. Уже и Базельская республика не во всемъ Карамзину полюбилась; что же касается до республики Женевской, то онъ увидѣлъ въ ней наконецъ не болѣе, какъ прекрасную игрушку.

Идеалъ свободныхъ учрежденій остался идеаломъ; молодой мечтатель не переставалъ въ него вѣрить, но, какъ свѣтлую цѣль — далеко отодвинулъ ее, когда лицомъ къ лицу увидѣлъ недостойное для достиженія ея средство, попавши, какъ человѣкъ, застигнутый врасплохъ, въ самую сумятицу переворота, сквозь тяжелую атмосферу котораго въ тысячѣ грязныхъ и безсмысленныхъ случайностей не могъ онъ прозрѣть въ ближайшемъ будущемъ ничего утѣшительнаго.

Уже по самой организаціи своей нѣжной души не терпѣлъ онъ ничего насильственнаго, рѣзкаго, болѣзненнаго. Не могъ онъ равнодушно слышать жалобъ нищеты, и видъ физическаго страданія въ больницѣ до того поражалъ его, что долго потомъ стонъ больныхъ отзывался въ его ушахъ; самоубійство считалъ онъ страшнымъ нарушеніемъ законовъ природы; во имя человѣчества готовъ онъ былъ уничтожить тюрьмы, и въ самой войнѣ, даже въ побѣдѣ, видѣлъ только жестокую необходимость. Могъ ли же онъ иначе, какъ съ омерзеніемъ, относиться къ ужаснымъ сценамъ, которыхъ онъ былъ во Франціи очевидцемъ?

Потому-то такъ унылы и мрачны были его мысли, когда, направляясь отъ Ліона къ Парижу, онъ бросаетъ взоры на плодоносныя поля по берегамъ Сены, мечтая о ихъ первобытной дикости, и опасаясь, чтобъ опять когда нибудь не водворилось на нихъ прежнее варварство: «Одно утѣшаетъ меня — присовокупляетъ онъ — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ

человѣческій: одни уступаютъ свое мѣсто другимъ».

То есть, въ необъятномъ горизонтѣ историческаго созерцанія, въ глазахъ будущаго русскаго историка,—французская революція сокращалась до жалкихъ размѣровъ случайности, которая болѣе имѣетъ силу разрушающую, нежели зиждительную.

Именно въ этомъ самомъ смыслѣ касается онъ тогдашнихъ событій — въ письмѣ изъ Лондона: «Здѣсь (т. е. въ Англіи) была не одна французская революція. Сколько добродѣтельныхъ патріотовъ, министровъ, любимцевъ королевскихъ положило свою голову на эшафотъ! Какое остервенѣніе въ сердцахъ! Какое изступленіе умовъ! Кто полюбитъ Англичанъ, читая ихъ исторію!»

Какъ человѣкъ образованный, онъ отдаетъ справедливость французской монархіи, столько совершившей для образованія, и страшится приближающагося ея паденія. Какъ послѣдователь Жанъ-Жака Руссо, онъ любитъ человѣчество на всѣхъ ступеняхъ общественности, но въ уличныхъ забіякахъ, безсмысленныхъ и безчеловѣчныхъ, не рѣшается видѣть представителей французской націи. «Не думайте (однакожь)— писалъ онъ изъ Парижа,—чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ,

ПИСЬМА
РУСКАГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Кто въ миръ и любви имѣетъ мнѣнъ съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія.
1797.

ПИСЬМА

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

191, 197, 208, 212, 250, 257
293

Тверь, 18 Маія 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь?—Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои—на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце—на готическій домъ, любезный предметъ глазъ

моихъ въ часы ночные—однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но зато мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьми; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, разтроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ, и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать!—Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милой Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его;—тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости*! Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? Есть ли бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ!...

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову

ни одной радостной мысли: а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ карикатурами королевы Французской и Римскаго Императора хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ.—Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно.—Простите! дай Богъ вамъ утѣшеній!—Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

С.-Петербургъ, 26 Маія 1789.

Проживъ здѣсь пять дней, друзья мои, черезъ часъ поѣду въ Ригу.

Въ Петербургѣ я не веселился. Пріѣхавъ къ своему Д**, нашелъ его въ крайнемъ уныніи. Сей достойный, любезный человѣкъ *) открылъ мнѣ свое сердце: оно чувствительно—онъ нещастливъ!.. «Состояніе мое совсѣмъ твоему противоположно, сказалъ онъ со вздохомъ: главное твое желаніе исполняется: ты ѣдешь наслаждаться, веселиться; а я поѣду искать смерти, которая одна можетъ окончить мое страданіе». Я не смѣлъ утѣшать его и довольствовался однимъ сердечнымъ участіемъ въ его горести. Но не думай, мой другъ,—сказалъ я ему,—чтобы ты видѣлъ передъ собою человѣка, довольнаго своею судьбою; пріобрѣтаю одно, лишаюсь другаго, и жалѣю.—Оба мы вмѣстѣ отъ всего сердца жаловались на нещастный жребій человѣчества, или молчали. По вечерамъ прохажи-

*) Его ужъ нѣтъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

вались въ Лѣтнемъ саду, и всегда больше думали, нежели говорили; каждый о своемъ думалъ. До обѣда бывалъ я на биржѣ, чтобы видѣться съ знакомымъ своимъ Англичаниномъ, черезъ котораго надлежало мнѣ получить вексели. Тамъ, смотря на корабли, я вздумалъ - было ѣхать водою въ Данцигъ, въ Штетинъ или въ Любекъ, чтобы скорѣе быть въ Германіи. Англичанинъ мнѣ то же совѣтовалъ и сыскалъ Капитана, который черезъ нѣсколько дней хотѣлъ плыть въ Штетинъ. Дѣло, казалось, было съ концомъ: однакожъ вышло не такъ. Надлежало объявить паспортъ въ Адмиралтействѣ; но тамъ не хотѣли надписать его, потому что онъ данъ изъ Московскаго, а не изъ Петербургскаго Губернскаго Правленія, и что въ немъ не сказано, какъ я поѣду; то есть, не сказано, что поѣду моремъ. Возраженія мои не имѣли успѣха—я не зналъ порядка, и мнѣ оставалось ѣхать сухимъ путемъ, или взять другой паспортъ въ Петербургѣ. Я рѣшился на первое; взялъ подорожную—и лошади готовы. И такъ простите, любезные друзья! Когда-то будетъ мнѣ веселѣе! А до сей минуты все грустно. Простите!

Рига, 31 Мая 1789.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, пріѣхалъ я въ Ригу, и остановился въ Hôtel de Petersbourg. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вамъ извѣстна: надлежало еще итти сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ, къ нещастью, ѣхать изъ Петербурга *на перекладныхъ*, и нигдѣ не *находилъ* хорошихъ кибитокъ. Все меня сер-

дило. Вездѣ, казалось, брали съ меня лишнее на каждой перемѣнѣ держали слишкомъ долго. Но нигдѣ не было мнѣ такъ горько, какъ въ Нарвѣ. Я пріѣхалъ туда весь мокрый, весь въ грязи; насилу могъ найти купить двѣ рогожки, чтобы сколько нибудь закрыться отъ дождя, и заплатилъ за нихъ по крайней мѣрѣ какъ за двѣ кожи. Кибитку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отъѣхали съ полверсты, переломилась ось; кибитка упала въ грязь, и я съ нею. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а бѣдный вашъ другъ остался на сильномъ дождѣ. Этого еще мало: пришелъ какой-то Полицейской, и началъ шумѣть, что кибитка моя стояла середи дороги. Спрячь ее въ карманъ! сказалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ, и завернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту! Всѣ пріятныя мысли о путешествіи затмились въ душѣ моей. О естьли бы мнѣ можно было тогда перенестись къ вамъ, друзья мои! Внутренно проклиналъ я то безпокойство сердца человѣческаго, которое влечетъ насъ отъ предмета къ предмету; отъ вѣрныхъ удовольствій къ невѣрнымъ, какъ скоро первыя уже не новы— которое настроиваетъ къ мечтамъ наше воображеніе, и заставляетъ насъ искать радостей въ неизвѣстности будущаго!

Есть всему предѣлъ; волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращается, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ — и въ самый тотъ мигъ, какъ сердце мое стало полно, явился хорошо одѣтый мальчикъ, лѣтъ тринадцати, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ мнѣ по-Нѣмецки: «У васъ изломалась кибитка? Жаль

очень жаль! Пожалуйте къ намъ—вотъ нашъ домъ — батюшка и матушка приказали васъ просить къ себѣ».—Благодарю васъ, государь мой! Только мнѣ нельзя отойди отъ своей кибитки; къ тому же я одѣтъ слишкомъ по-дорожному, и весь мокръ.—«Къ кибиткѣ приставимъ мы человѣка; а на платье дорожныхъ кто смотритъ? Пожалуйте, сударь, пожалуйте!»—Тутъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ стряхнуть воду съ шляпы своей—разумѣется, для того, чтобы съ нимъ итти. Мы взялись за руки, и побѣжали бѣгомъ въ большой каменный домъ, гдѣ въ залѣ перваго этажа нашелъ я многочисленную семью, сидящую вокругъ стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли такъ ласково, подчивали такъ сердечно, что я забылъ все свое горе. Хозяинъ, пожилой человѣкъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія разпрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человѣкъ, племянникъ его, недавно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ привезли ось, и все было готово. «Нѣтъ, еще постойте!» сказали мнѣ,—и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба. «Нашъ хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его». *Богъ съ вами!* примолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку: *Богъ съ вами!*—Я сквозь слезы благодарилъ его, желалъ, чтобы онъ и впередъ своимъ гостепріимствомъ утѣшалъ печальныхъ странниковъ, разставшихся съ милыми друзьями.—Гостепріимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго, и столь рѣдкая во

дни наши! естьли я когда нибудь тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои. Пусть вѣчно буду на землѣ странникомъ и нигдѣ не найду втораго Крамера! *) Простился со всею любезною семьею, сѣлъ въ кибитку и поскакалъ, обрадованный находкою добрыхъ людей!

Почта отъ Нарвы до Риги называется Нѣмецкою, для того, что Коммисары на станціяхъ Нѣмцы. Почтовые дома вездѣ одинакіе—низенькіе, деревянные, раздѣленные на двѣ половины: одна для проѣзжихъ, а въ другой живетъ самъ Коммисаръ, у котораго можно найти все нужное для утоленія голода и жажды. Станціи маленькія; есть по двѣнадцати и десяти верстъ. Вмѣсто ямщиковъ ѣздятъ отставные солдаты, изъ которыхъ иные помнятъ Миниха; разсказывая сказки, забываютъ они погонять лошадей, и для того пріѣхалъ я сюда изъ Петербурга не прежде, какъ въ пятый день. На одной станціи за Дерптомъ надлежало мнѣ ночевать: Г. З**, ѣдущій изъ Италіи, забралъ всѣхъ лошадей. Я съ полчаса говорилъ съ нимъ, и нашелъ въ немъ любезнаго человѣка. Онъ настращалъ меня песчаными Прусскими дорогами, и совѣтовалъ лучше ѣхать черезъ Польшу и Вѣну; однакожъ мнѣ не хочется перемѣнить своего плана. Пожелавъ ему щастливаго пути, бросился я на постелю: но не могъ заснуть до самаго того времени, какъ Чухонецъ пришелъ мнѣ сказать, что кибитка для меня впряжена.

Я не примѣтилъ никакой разницы между Эстляндцами и Лифляндцами, кромѣ языка и каф-

*) Одинъ изъ моихъ пріятелей, будучи въ Нарвѣ, читалъ Крамеру сіе письмо—онъ былъ доволенъ—я еще больше!

тановъ: одни носятъ черные, а другіе сѣрые. Языки ихъ сходны; имѣютъ въ себѣ мало собственнаго, много Нѣмецкихъ, и даже нѣсколько Славянскихъ словъ. Я замѣтилъ, что они всѣ Нѣмецкія слова смягчаютъ въ произношеніи: изъ чего можно заключить, что слухъ ихъ нѣженъ; но видя ихъ непроворство, неловкость и недогадливость, всякой долженъ думать, что они, просто сказать, глуповаты. Господа, съ которыми мнѣ удалось говорить, жалуются на ихъ лѣность, и называютъ ихъ сонливыми людьми, которые по волѣ ничего не сдѣлаютъ: и такъ надобно, чтобы ихъ очень неволили, потому что они очень много работаютъ, и мужикъ въ Лифляндіи, или Эстляндіи, приноситъ господину вчетверо болѣе нашего Казанскаго или Симбирскаго.

Сіи бѣдные люди, *работающіе господеви со страхомъ и трепетомъ* во всѣ будничные дни, за то уже безъ памяти веселятся въ праздники, которыхъ, правда, весьма немного по ихъ Календарю. Дорога усѣяна корчмами, и всѣ онѣ въ проѣздъ мой были наполнены гуляющимъ народомъ—праздновали Троицу.

Мужики и господа лютеранскаго исповѣданія. Церкви ихъ подобны нашимъ, кромѣ того, что на верху стоитъ не крестъ, а пѣтухъ, который долженъ напоминать о паденіи Апостола Петра. Проповѣди говорятся на ихъ языкѣ; однакожъ Пасторы всѣ знаютъ по-Нѣмецки.

Что принадлежитъ до мѣстоположеній, то въ этой сторонѣ смотрѣть не на что. Лѣса, песокъ, болота; нѣтъ ни большихъ горъ, ни пространныхъ долинъ.—Напрасно будешь искать и *такихъ деревень*, какъ у насъ. Въ одномъ мѣстѣ

видишь два двора, въ другомъ три, четыре, и церковь. Избы больше нашихъ, и раздѣлены обыкновенно на двѣ половины; въ одной живутъ люди, а другая служитъ хлѣвомъ. Тѣ, которые ѣдутъ не на почтовыхъ, должны останавливаться въ корчмахъ. Впрочемъ, я почти совсѣмъ не видалъ проѣзжихъ: такъ пуста эта дорога въ нынѣшнее время.

О городахъ говорить много нечего, потому что я въ нихъ не останавливался. Въ Ямбургѣ, маленькомъ городкѣ, извѣстномъ по своимъ суконнымъ фабрикамъ, есть изрядное каменное строеніе. Нѣмецкая часть Нарвы, или собственно такъ называемая Нарва, состоитъ по большей части изъ каменныхъ домовъ; другая, отдѣляемая рѣкою, называется Иванъ-городъ. Въ первой все на Нѣмецкую стать, а въ другой все на Русскую. Тутъ была прежде наша граница— о Петръ, Петръ!

Когда открылся мнѣ Дерптъ, я сказалъ: прекрасный городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось. Мужчины и женщины ходили по городу обнявшись, и въ окрестныхъ рощахъ мелькали гуляющія четы. *Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай.*—Здѣсь-то живетъ братъ нещастнаго Л** *). Онъ главный Пасторъ, всѣми любимъ, и доходъ имѣетъ очень хорошій. Помнитъ ли онъ брата? Я говорилъ объ немъ съ

*) Ленца, Нѣмецкаго автора, который нѣсколько времени жилъ со мною въ одномъ домѣ. Глубокая меланхолія, слѣдствіе многихъ несчастій, свела его съ ума; но въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ иногда своими піитическими идеями, а всего чаще трогалъ добродушіемъ и терпѣніемъ.

однимъ Лифляндскимъ дворяниномъ, любезнымъ, пылкимъ человѣкомъ. «Ахъ, государь мой! сказалъ онъ мнѣ:—самое то, что одного прославляетъ и щастливитъ, дѣлаетъ другаго злополучнымъ. Кто, читая Поэму шестнадцатилѣтняго Л**, и все то, что онъ писалъ до двадцати пяти лѣтъ, оне увидитъ *утренней зари великаго духа?* Кто не подумаетъ: вотъ юный Клопштокъ, юный Шекспиръ? Но тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не возсіяло. *Глубокая* чувствительность, безъ которой Клопштокъ не былъ бы Клопштокомъ и Шекспиръ Шекспиромъ, погубила его. Другія обстоятельства, и Л* безсмертенъ!»—

Лишь только въѣдешь въ Ригу, увидишь, что это торговый городъ—много лавокъ, много народа—рѣка покрыта кораблями и судами разныхъ націй—биржа полна. Вездѣ слышишь Нѣмецкій языкъ—гдѣ-гдѣ Русской—и вездѣ требуютъ не рублей, а талеровъ. Городъ не очень красивъ; улицы узки—но много каменнаго строенія, и есть хорошіе домы.

Въ трактирѣ, гдѣ я остановился, хозяинъ очень услужливъ: самъ носилъ паспортъ мой въ Правленіе и Благочиніе, и сыскалъ мнѣ извощика, который за тридцать червонцевъ нанялся довезти меня до Кенигсберга, вмѣстѣ съ однимъ французскимъ купцомъ, который нанялъ у него въ свою коляску четырехъ лошадей; а я поѣду въ кибиткѣ.—Илью отправлю отсюда прямо въ Москву.

Милые друзья! всегда, всегда о васъ думаю, когда могу думать. Я еще не выѣхалъ изъ Россіи, но давно уже въ чужихъ краяхъ, потому *что давно съ вами разстался.*

Курляндская корчма, 1 Іюня 1789.

Еще не успѣлъ я окончить письма къ вамъ любезнѣйшіе друзья, какъ лошади были впряжены и трактирщикъ пришелъ сказать мнѣ, что черезъ полчаса запрутъ городскія вороты. Надобно было дописать письмо, расплатиться, укласть чемоданъ и приказать кое-что Ильѣ. Хозяинъ воспользовался моимъ недосугомъ и подалъ мнѣ аптекарскій счетъ; то есть, за однѣ сутки онъ взялъ съ меня около девяти рублей!

Удивляюсь еще, какъ я въ такихъ торопяхъ ничего не забылъ въ трактирѣ. Наконецъ все было готово, и мы выѣхали изъ воротъ. Тутъ простился я съ добродушнымъ Ильею—онъ къ вамъ поѣхалъ, милые!—Начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодаго путешественника, и не чувствовалъ, какъ прошла ночь. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими; мы приближались къ заставѣ, маленькому домику съ рогаткою. Парижскій купецъ пошелъ со мною къ Маіору, который принялъ меня учтиво, и послѣ осмотра велѣлъ насъ пропустить. Мы въѣхали въ Курляндію — и мысль, что я уже внѣ отечества, производила въ душѣ моей удивительное дѣйствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ отмѣннымъ вниманіемъ, хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые, еще не чувствовалъ. Скоро открылась Митава. Видъ сего города некрасивъ, но для меня былъ привлекателенъ! Вотъ первый иностранный городъ,

думалъ я—и глаза мои искали чего нибудь отмѣннаго, новаго. На берегу рѣки Аа, черезъ которую мы переѣхали на плоту, стоитъ дворецъ Герцога Курляндскаго, не малый домъ, впрочемъ по своей наружности весьма не великолѣпный. Стекла почти вездѣ выбиты или вынуты: и видно, что внутри комнатъ передѣлываютъ. Герцогъ живетъ въ лѣтнемъ замкѣ, не далеко отъ Митавы. Берегъ рѣки покрытъ лѣсомъ, которымъ самъ Герцогъ исключительно торгуетъ, и который составляетъ для него немалый доходъ. Стоявшіе на караулѣ солдаты казались инвалидами. Что принадлежитъ до города, то онъ великъ, но не хорошъ. Домы почти всѣ маленькіе, и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садовъ и пустырей много!

Мы остановились въ трактирѣ, который считался лучшимъ въ городѣ. Тотчасъ окружили насъ жиды съ разными бездѣлками. Одинъ предлагалъ трубку, другой старый Лютеранскій молитвенникъ и Готшедову Грамматику, третій зрительное стекло, и каждый хотѣлъ продать товаръ свой такимъ добрымъ господамъ за самую сходную цѣну. Француженка, ѣдущая съ Парижскимъ купцомъ, женщина лѣтъ въ сорокъ пять, стала оправлять свои сѣдые волосы передъ зеркаломъ, а мы съ купцомъ, заказавъ обѣдъ, пошли ходить по городу—видѣли какъ молодой Офицеръ училъ старыхъ солдатъ, и слышали, какъ пожилая курносая Нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ пьянымъ мужемъ своимъ, сапожникомъ.

Возвратясь, мы обѣдали съ добрымъ аппетитомъ, и послѣ обѣда мы имѣли время напиться

кофе, чаю, и поговорить довольно. Я узналъ отъ спутника своего, что онъ родомъ Италіянецъ, но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свое отечество и торгуетъ въ Парижѣ; много путешествовалъ, и въ Россію пріѣзжалъ отчасти по своимъ дѣламъ, а отчасти для того, чтобы узнать всю жестокость зимы; и теперь возвращается опять въ Парижъ, гдѣ намѣренъ навсегда остаться.—За все вмѣстѣ заплатили мы въ трактирѣ по рублю съ человѣка.

Выѣхавъ изъ Митавы, увидѣлъ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земля гораздо лучше Лифляндіи, которую не жаль проѣхать зажмурясь. Намъ попались Нѣмецкіе извощики изъ Либау и Пруссіи. Странные экипажи! Длинные фуры цугомъ, лошади пребольшія, и висящія на нихъ гремушки производятъ несносный для ушей шумъ.

Отъѣхавъ пять миль, остановились мы ночевать въ корчмѣ. Дворъ хорошо покрытъ; комнаты довольно чисты, и въ каждой готова постеля для путешественниковъ.

Вечеръ пріятенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы течетъ чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкою зеленою травою, и осѣненъ въ иныхъ мѣстахъ густыми деревами. Я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ, и вспомнилъ одинъ Московскій вечеръ, въ который, гуляя съ Пт. подъ Андроньевымъ монастыремъ, съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на заходящее солнце. Думалъ ли я тогда, что ровно черезъ годъ буду наслаждаться пріятностями вечера въ Курляндской корчмѣ? Еще другая мысль пришла мнѣ въ голову. Нѣкогда началъ было я писать романъ, и хотѣлъ въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли, въ которыя те-

перь ѣду. Въ мысленномъ путешествіи, выѣхавъ изъ Россіи, остановился я ночевать въ корчмѣ: и въ дѣйствительномъ то же случилось. Но въ романѣ писалъ я, что вечеръ былъ самый ненастный; что дождь не оставилъ на мнѣ сухой нитки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушиться передъ каминомъ: а на дѣлѣ вечеръ выдался самый тихій и ясный. Сей первый ночлегъ былъ нещастливъ для романа; боясь, чтобы ненастное время не продолжалось и не обезпокоило меня въ моемъ путешествіи, сжегъ я его въ печи, въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ Прудахъ.—Я легъ на травѣ подъ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернилицу и перо, и написалъ то, что вы теперь читали.

Между тѣмъ вышли на берегъ два Нѣмца, которые въ особливой кибиткѣ ѣдутъ съ нами до Кенигсберга; легли подлѣ меня на травѣ, закурили трубки, и отъ скуки начали бранить Русскій народъ. Я, переставъ писать, хладнокровно спросилъ у нихъ, были ли они въ Россіи далѣе Риги? Нѣтъ, отвѣчали они. А когда такъ, государи мои, сказалъ я, то вы не можете судить о Русскихъ, побывъ только въ пограничномъ городѣ. Они не разсудили за благо спорить, но долго не хотѣли признать меня Русскимъ, воображая, что мы не умѣемъ говорить иностранными языками. Разговоръ продолжался. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ щастіе быть въ Голландіи, и скопилъ тамъ много полезныхъ знаній. «Кто хочетъ узнать свѣтъ, говорилъ онъ, тому надобно ѣхать въ Роттердамъ. Тамъ-то живутъ славно, и всѣ гуляютъ на шлюпкахъ! Нигдѣ не увидишь того, что тамъ

кофе, чаю, и поговорить довольно. Я узналъ отъ спутника своего, что онъ родомъ Италіянецъ, но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свое отечество и торгуетъ въ Парижѣ; много путешествовалъ, и въ Россію пріѣзжалъ отчасти по своимъ дѣламъ, а отчасти для того, чтобы узнать всю жестокость зимы; и теперь возвращается опять въ Парижъ, гдѣ намѣренъ навсегда остаться.—За все вмѣстѣ заплатили мы въ трактирѣ по рублю съ человѣка.

Выѣхавъ изъ Митавы, увидѣлъ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земля гораздо лучше Лифляндіи, которую не жаль проѣхать зажмурясь. Намъ попались Нѣмецкіе извощики изъ Либау и Пруссіи. Странные экипажи! Длинные фуры цугомъ, лошади пребольшія, и висящія на нихъ гремушки производятъ несносный для ушей шумъ.

Отъѣхавъ пять миль, остановились мы ночевать въ корчмѣ. Дворъ хорошо покрытъ; комнаты довольно чисты, и въ каждой готова постеля для путешественниковъ.

Вечеръ пріятенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы течетъ чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкою зеленою травою, и осѣненъ въ иныхъ мѣстахъ густыми деревами. Я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ, и вспомнилъ одинъ Московскій вечеръ, въ который, гуляя съ Пт. подъ Андроньевымъ монастыремъ, съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на заходящее солнце. Думалъ ли я тогда, что ровно черезъ годъ буду наслаждаться пріятностями вечера въ Курляндской корчмѣ? Еще другая мысль пришла мнѣ въ голову. Нѣкогда началъ было я писать романъ, и хотѣлъ въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли, въ которыя те-

цовъ. Мнѣ поручено было узнать ихъ состояніе. Открылось, что они купцы. Всѣ сомнѣнія исчезли, и съ того времени они съ нами обѣдаютъ; а какъ Италіянецъ съ Француженкою не разумѣютъ по-Нѣмецки, а они по Французски, то я долженъ служить имъ переводчикомъ. Нѣмецъ, который въ Роттердамѣ сталъ человѣкомъ, увѣрялъ меня, что онъ прежде совершенно зналъ Французскій языкъ, и забылъ его весьма недавно; а чтобы еще болѣе увѣрить въ этомъ меня и товарища своего, то при всякомъ поклонѣ Француженкѣ говоритъ онъ: *оплише Мадамъ!* obligé, Madame!

На Польской границѣ осмотръ былъ не строгій. Я далъ приставамъ копѣекъ сорокъ: послѣ чего они только заглянули въ мой чемоданъ, вѣря, что у меня нѣтъ ничего новаго.

Море отъ корчмы не далѣе двухъ сотъ саженъ. Я около часа сидѣлъ на берегу и смотрѣлъ на пространство волнующихся водъ. Видъ величественный и унылый! Напрасно глаза мои искали корабли или лодки! Рыбакъ не смѣлъ показаться на морѣ: порывистый вѣтеръ опрокинулъ бы челнъ его.—Завтра будемъ обѣдать въ Мемелѣ, откуда отправлю къ вамъ это письмо, друзья мои!

Мемель, 15 Іюня 1789.

Я ожидалъ, что при въѣздѣ въ Пруссію на самой границѣ насъ остановятъ; однакожъ этого не случилось. Мы пріѣхали въ Мемель въ одиннадцатомъ часу, остановились въ трактирѣ—и дали нѣсколько грошей осмотрщикамъ, чтобы *они не перерывали* нашихъ вещей.

Городъ не великъ; есть каменныя строенія, но мало порядочныхъ. Цитадель очень крѣпка; однакожъ наши Русскіе умѣли взять ее въ 57 году.

Мемель можно назвать хорошимъ торговымъ городомъ. Курляндскій Гафъ, на которомъ онъ лежитъ, очень глубокъ. Пристань наполнена разными судами, которыя грузятъ по большей части пенькою и лѣсомъ для отправленія въ Англію и Голландію.

Изъ Мемеля въ Кенигсбергъ три пути; по берегу Гафа считается до Кенигсберга 18 миль, а черезъ Тильзитъ 30: большая разница! Но извощики всегда почти избираютъ сей послѣдній путь, жалѣя своихъ лошадей, которыхъ весьма утомляютъ ужасные пески набережной дороги. Всѣ они берутъ здѣсь билеты, платя за каждую лошадь и за каждую милю до Кенигсберга. Нашъ Габріель заплатилъ три талера, сказавъ, что онъ поѣдетъ берегомъ. Мы же въ самомъ дѣлѣ ѣдемъ черезъ Тильзитъ; но Русскій человѣкъ смекнулъ, что за 30 миль взяли бы съ него болѣе, нежели за 18! Третій путь водою черезъ Гафъ, самый кратчайшій въ хорошую погоду, такъ что въ семь часовъ можно быть въ Кенигсбергѣ. Нѣмцы наши, которые наняли извощика только до Мемеля, ѣдутъ водою: что имъ обоимъ будетъ стоить только два червонца. Габріель уговаривалъ и насъ съ Италіянцомъ— съ которымъ обыкновенно говоритъ онъ или знаками, или черезъ меня—ѣхать съ ними же: что было бы для него весьма выгодно; но мы предпочли покойное и вѣрное безпокойному и невѣрному, а въ случаѣ бури и опасному.

За обѣдомъ ѣли мы живую, вкусную рыбу,

которою Мемель изобилуетъ; а какъ намъ сказали, что Прусскія корчмы очень бѣдны, то мы запаслись здѣсь хорошимъ хлѣбомъ и виномъ.

Теперь, милые друзья, время отнести письмо на почту; у насъ лошадей впрягаютъ.

Что принадлежитъ до моего сердца. . . . благодаря судьбѣ! оно стало повеселѣе. То думаю о васъ, моихъ милыхъ — но не съ такою уже горестію, какъ прежде—то даю волю глазамъ своимъ бродить по лугамъ и полямъ, ничего не думая; то воображаю себѣ будущее, и почти всегда въ пріятныхъ видахъ.—Простите! Будьте здоровы, покойны, и воображайте себѣ странствующаго друга вашего *рыцаремъ веселаго образа*!—

Корчма, въ милѣ за Тильзитомъ,
17 Іюня 1789, 11 часовъ ночи.

Все вокругъ меня спитъ. Я и самъ-было легъ на постелю; но около часа напрасно ожидалъ сна, рѣшился встать, засвѣтить свѣчу и написать нѣсколько строкъ къ вамъ, друзья мои!

Я радъ, что изъ Мемеля не согласился ѣхать водою. Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, очень пріятны. То обширныя поля съ прекраснымъ хлѣбомъ, то зеленые луга, то маленькія рощицы и кусты, какъ будто бы въ искусственной симметріи расположенные, представлялись глазамъ нашимъ. Маленькія деревеньки вдали составляли также пріятный видъ. Qu'il est beau ce pays-ci! твердили мы съ Италіянцомъ.

Вообще, кажется, земля въ Пруссіи еще лучше обработана, нежели въ Курляндіи, и въ хорошіе

годы во всей здѣшней сторонѣ хлѣбъ бываетъ очень дешевъ; но въ прошедшій годъ урожай былъ такъ худъ, что Правительству надлежало довольствовать народъ хлѣбомъ изъ заведенныхъ магазиновъ. Пять, шесть лѣтъ хлѣбъ родится хорошо, въ седьмой годъ худо, и поселянину ѣсть нечего — отъ того, что онъ всегда излишно надѣется на будущее лѣто, не представляя себѣ ни засухи, ни града, и продаетъ все сверхъ необходимаго.—Тильзитъ есть весьма изрядно выстроенный городокъ и лежитъ среди самыхъ плодоноснѣйшихъ долинъ на рѣкѣ Мемелѣ. Онъ производитъ знатный торгъ хлѣбомъ и лѣсомъ, отправляя все водою въ Кенигсбергъ.

Насъ остановили у городскихъ воротъ, гдѣ стояли на караулѣ не солдаты, а граждане: для того, что полки, составляющіе здѣшній гарнизонъ, не возвращались еще со смотру. Толстый часовой, у котораго подъ брюхомъ моталась маленькая шпажонка, поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ сдѣлалъ три шага впередъ и престраннымъ голосомъ закричалъ мнѣ: Wer sind Sie? *Кто вы?* Будучи занятъ разсматриваніемъ его необыкновенной физіогноміи и фигуры, не могъ я тотчасъ отвѣчать ему. Онъ надулся, искривилъ глаза и закричалъ еще страшнѣйшимъ голосомъ: Wer seyd ihr? гораздо уже неучтивѣе! Нѣсколько разъ надлежало мнѣ сказать свою фамилію, и при всякомъ разѣ шаталъ онъ головою, дивясь чудному Русскому имени. Съ Италіянцомъ исторія была еще длиннѣе. Напрасно отзывался онъ незнаніемъ Нѣмецкаго языка: толстобрюхой часовой непремѣнно хотѣлъ, чтобъ онъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, вѣроятно съ великимъ трудомъ наизусть вы-

тверженные. Наконецъ я былъ призванъ въ помощь, и насилу добились мы до того, чтобы насъ пропустили.—Въ городѣ показывали мнѣ башню, въ разныхъ мѣстахъ простреленную Русскими ядрами.

Въ Прусскихъ корчмахъ не находимъ мы ни мяса, ни хорошаго хлѣба. Француженка дѣлаетъ намъ des oeufs au lait, или Русскую яишницу, которая съ молошнымъ супомъ и салатомъ составляетъ нашъ обѣдъ и ужинъ. За то мы съ Италіянцомъ пьемъ въ день чашекъ по десяти кофе, которое вездѣ находили.

Лишь только расположились мы въ корчмѣ, гдѣ теперь ночуемъ, услышали лошадиный топотъ и черезъ полминуты вошелъ человѣкъ въ темномъ фракѣ, въ пребольшой шляпѣ и съ длиннымъ хлыстомъ; подошелъ къ столу, взглянулъ на насъ—на Француженку, занятую вечернимъ туалетомъ; на Италіянца, разсматривавшаго мою дорожную ландкарту, и на меня, пившаго чай—скинулъ шляпу, пожелалъ намъ добраго вечера, и оборотясь къ хозяйкѣ, которая лишь только показала лобъ изъ другой горницы, сказалъ: «Здравствуй, Лиза! Какъ поживаешь?»

Лиза (сухая женщина лѣтъ въ тридцать). А, Господинъ Поручикъ! Добро пожаловать! Откуда? откуда?

Поручикъ. Изъ города, Лиза. Баронъ фонъ М** писалъ ко мнѣ, что у нихъ Комедіанты. «Пріѣзжай, братъ, пріѣзжай! Шалуны повеселятъ насъ за наши гроши!» Чортъ меня возьми! Естьли бы я зналъ, что за твари эти Комедіанты, ни изъ чего бы не поѣхалъ.

Лиза. И, ваше благородіе! Развѣ вы не жалуете Комедіи?

Поручикъ. О! я люблю все, что забавно, и переплатилъ въ жизнь свою довольно полновѣсныхъ талеровъ за Доктора Фауста съ Гансъ Вурстомъ *).

Лиза. Гансъ Вурстъ очень смѣшенъ, сказываютъ. — А что играли Комедіанты, Господинъ Поручикъ?

Поручикъ. Комедію, въ которой не было ничего смѣшнаго. Иной кричалъ, другой кривлялся, третій таращилъ глаза, а путнаго ничего не вышло.

Лиза. Много было въ Комедіи, Господинъ Поручикъ?

Поручикъ. Развѣ мало дураковъ въ Тильзитѣ?

---

*) Докторъ Фаустъ, по суевѣрному народному преданію, есть великой колдунъ, и по сіе время бываетъ обыкновенно героемъ глупыхъ піесъ, играемыхъ въ деревняхъ или въ городахъ на площадныхъ Театрахъ *странствующими* Актерами. Въ самомъ же дѣлѣ Іоаннъ Фаустъ жилъ какъ честной гражданинъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, около средины нынѣшняго-надесять вѣка; и когда Гуттенбергъ, Майнцской уроженецъ, изобрѣлъ печатаніе книгъ, Фаустъ вмѣстѣ съ нимъ пользовался выгодами сего изобрѣтенія. По смерти Гуттенберговой, Фаустъ взялъ себѣ въ помощники своего писаря, Петра Шоффера, который искусство книгопечатанія довелъ до такого совершенства, что первыя вышедшія книги привели людей въ изумленіе; и какъ простолюдины того вѣка приписывали дѣйствію сверхъ-естественныхъ силъ все то, что они изъяснить не умѣли, то Фаустъ провозглашенъ былъ сообщникомъ дьявольскимъ, которымъ онъ слыветъ и понынѣ между черніо и въ сказкахъ. А Гансъ Вурстъ значитъ на площадныхъ Нѣмецкихъ Театрахъ то же, что у Италіянцовъ Арлекинъ.

Лиза. Господинъ Бургомистръ съ сожительницею изволилъ ли быть тамъ?

Поручикъ. Развѣ онъ изъ послѣднихъ? Толстобрюхой дуракъ зѣвалъ, а чванная супруга его безпрестанно терла себѣ глаза платкомъ, какъ будто бы попалъ въ нихъ табакъ, и толкала его подъ бокъ, чтобы онъ не заснулъ и пересталъ пялить ротъ.

Лиза. То-то насмѣшникъ!

Поручикъ. (Садясь и кладя свою шляпу на столъ подлѣ моего чайника). Um Vergebung, mein Herr! Простите, государь мой!—Я усталъ, Лиза. Дай мнѣ кружку пива. Слышишь ли?

Лиза. Тотчасъ, Господинъ Поручикъ.

Поручикъ (вошедшему слугѣ своему). Каспаръ! набей мнѣ трубку.—(Оборотясь къ Француженкѣ). Осмѣлюсь спросить съ моимъ почтеніемъ, жалуете ли вы табакъ?

Француженка. Monsieur!—Qu'est ce qu'il demande, Mr. Nicolas! (Такъ она меня называетъ).

Я. S'il peut fumer.—Курите, курите, Г. Поручикъ. Я вамъ за нее отвѣчаю.

Француженка. Dites qu'oui.

Поручикъ. А! Мадамъ не говоритъ по-Нѣмецки. Жалѣю, весьма жалѣю, Мадамъ. — Откуда ѣдете, естьли смѣю спросить, государь мой?

Я. Изъ Петербурга, Господинъ Поручикъ.

Поручикъ. Радуюсь, радуюсь, государь мой. Что слышно о Шведахъ, о Туркахъ?

Я. Старая пѣсня, Г. Поручикъ: и тѣ и другіе бѣгаютъ отъ Русскихъ.

Поручикъ. Чортъ меня возьми! Русскіе стоятъ крѣпко.—Скажу вамъ по пріязни, государь мой, что естьли бы Король мой не отговорилъ мнѣ, то давно бы я былъ не послѣднимъ Штабъ-

Офицеромъ въ Русской службѣ. У меня вездѣ не безъ друзей. На примѣръ, племянникъ мой служитъ старшимъ Адъютантомъ у князя Потемкина. Онъ ко мнѣ обо всемъ пишетъ. Постойте—я покажу вамъ письмо его. Чортъ меня возьми! я забылъ его дома. Онъ описываетъ мнѣ взятіе Очакова. Пятнадцать тысячъ легло на мѣстѣ, государь мой, пятнадцать тысячъ!

Я. Не правда, Г. Поручикъ.

Поручикъ. Не правда? (съ насмѣшкою). Вы конечно сами тамъ были?

Я. Хотя и не былъ, однакожъ знаю, что Турковъ убито около 8000, а Русскихъ 1500.

Поручикъ. О! я не люблю спорить, государь мой; а что знаю, то знаю. (Принимаясь за кружку, которую между тѣмъ принесла ему хозяйка). Разумѣете ли государь мой?

Я. Какъ вамъ угодно, Г. Поручикъ.

Поручикъ. Ваше здоровье, государь мой!—Ваше здоровье, Мадамъ! — (Италіянцу). Ваше здоровье!—Пиво изрядно, Лиза. — Послушайте, государь мой! — Теперь вы называете меня Господиномъ Поручикомъ: для чего?

Я. Для того, что хозяйка васъ такъ называетъ.

Поручикъ. Скажите, отъ того, что я (надѣвъ шляпу) поклонился моему Королю—и безвременно пошелъ въ отставку. А то теперь говорили бы вы мнѣ (приподнявъ шляпу): «Господинъ Маіоръ, здравствуйте!» (Допивая кружку). Разумѣете ли? Чортъ меня возьми, естьли я не по уши влюбился въ свою Анюту! Правда, что она была какъ розовая пышка. И теперь еще не худа, государь мой, даромъ что уже четверыхъ принесла мнѣ.—Лиза! скажи, какова моя Анюта?

Лиза. И, Г. Поручикъ! какъ будто вы сами этого не знаете!—Чего говорить, что пригожа!—Скажу вамъ смѣхъ, Г. Поручикъ. Какъ вы на Святой недѣлѣ вечеромъ проѣхали въ городъ, ночевалъ у меня молодой господинъ изъ Кенигсберга—правду сказать, баринъ добрый, и заплатилъ мнѣ честно за всякую бездѣлку. Кушать онъ много не спрашивалъ — —

Поручикъ. Ну гдѣ же смѣхъ, Лиза?

Лиза. Такъ этотъ добрый господинъ стоялъ на крыльцѣ, и увидѣлъ Госпожу Поручицу, которая сидѣла въ коляскѣ на правой сторонѣ—такъ ли, Господинъ Поручикъ.

Поручикъ. Ну что же онъ сказалъ?

Лиза. То-то баба! сказалъ онъ—ха! ха! ха!

Поручикъ, Видно, онъ не глупъ былъ—ха ха! ха!

Я. И такъ любовь заставила васъ итти въ отставку, Г. Поручикъ?

Поручикъ. Проклятая любовь, государь мой.—Каспаръ, трубку!—Правда, я надѣялся на хорошее приданое. Мнѣ сказали, что у старика фонъ Т* золотыя горы. Дѣвка добра, думалъ я: дай женимся! Старикъ радъ былъ выдать за меня дочь свою; только она никакъ не хотѣла итти за служиваго. «Мамзель Анюта! сказалъ я: люблю тебя какъ душу; только люблю и службу Королевскую». На миленькихъ ея глазенкахъ навернулись слезы. Я топнулъ ногою, и—пошелъ въ отставку. Что же вышло! На другой день послѣ свадьбы любезной мой тестюшка, вмѣсто золотыхъ горъ, наградилъ меня тремя сотнями талеровъ. Вотъ тебѣ приданое!—Дѣлать было нечего, государь мой. Я поговорилъ съ нимъ крупно, а послѣ за бутылкою стараго Рейнскаго вина

очилъ вѣчный миръ. Правду сказать ста-
былъ добросердеченъ — помяни Богъ его
Мы жили дружно. Онъ умеръ на рукахъ
ь, и оставилъ намъ въ наслѣдство дворян-
домъ.

перервемъ разговоръ, который занялъ уже
комъ двѣ страницы, и начинаетъ утомлять
ряное перо мое*). Словоохотный Поручикъ
сяти часовъ наговорилъ съ три короба,
ыхъ я, жалѣя Габріелевыхъ лошадей, не
у съ собою. Между прочимъ, услышавъ,
изъ Кенигсберга поѣду въ публичной ко-
, совѣтовалъ мнѣ: 1) занять мѣсто въ сре-
и 2) естьли будутъ со мной дамы, потчи-
ихъ во всю дорогу чаемъ и кофе. Въ заклю-
желалъ, чтобы я путешествовалъ съ поль-
гакъ какъ извѣстный Баронъ Тренкъ, съ
ымъ онъ будто бы очень друженъ. — Госпо-
Поручикъ, всунувъ свою трубку въ сапогъ,
на коня и пустился во всю прыть, закри-
мнѣ: *щастливый путь, государь мой!*
не напишешь въ минуту безсонницы! —
ите до Кенигсберга. —

Кенигсбергъ, Іюня 19, 1789.

ра, въ семь часовъ утра, пріѣхалъ я сюда,
ные друзья мои, и сталъ, вмѣстѣ съ сво-
опутникомъ, въ трактирѣ у Шенка.
игсбергъ, столица Пруссіи, есть одинъ изъ
ихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ ок-
ости около пятнадцати верстъ. Нѣкогда

*) Всѣ свои замѣчанія писалъ я въ дорогѣ серебрянымъ

былъ онъ въ числѣ славныхъ *Ганзейскихъ* городовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна. Рѣка Прегель, на которой онъ лежитъ, хотя не шире 150 или 160 футовъ, однакожъ такъ глубока, что большія купеческія суда могутъ ходить по ней. Домовъ считается около 4,000, а жителей 40,000—какъ мало по величинѣ города! Но теперь онъ кажется многолюднымъ, потому что множество людей собралось сюда на ярмарку, которая начнется съ завтрашняго дня. Я видѣлъ довольно хорошихъ домовъ, но не видалъ такихъ огромныхъ, какъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, хотя вообще Кенигсбергъ выстроенъ едва ли не лучше Москвы.

Здѣшній гарнизонъ такъ многочисленъ, что вездѣ попадаются въ глаза мундиры. Не скажу, чтобы Прусскіе солдаты были одѣты лучше нашихъ; а особливо не нравятся мнѣ ихъ двуугольныя шляпы. Что принадлежитъ до Офицеровъ, то они очень опрятны, а жалованья получаютъ, выключая Капитановъ, малымъ чѣмъ болѣе нашихъ. Я слыхалъ, будто въ Прусской службѣ нѣтъ такихъ молодыхъ Офицеровъ, какъ у насъ; однакожъ видѣлъ здѣсь по крайней мѣрѣ десять пятнадцатилѣтнихъ. Мундиры синіе, голубые и зеленые съ красными, бѣлыми и оранжевыми отворотами.

Вчера обѣдалъ я за общимъ столомъ, гдѣ было старыхъ Маіоровъ, толстыхъ Капитановъ, осанистыхъ Поручиковъ, безбородыхъ Подпоручиковъ и Прапорщиковъ человѣкъ съ тридцать. Содержаніемъ громкихъ разговоровъ былъ прошедшій смотръ. Офицерскія шутки также со всѣхъ сторонъ сыпались. Напримѣръ: «Что за причина, Г. Ритмейстеръ, что у васъ нынѣ и

днемъ окна закрыты? Конечно вы не письмомъ занимаетесь? ха! ха! ха!»—«То-то фонъ-Кребсъ! Все знаетъ, что у меня дѣлается!—и проч. и проч. Однакожъ они учтивы. Лишь только наша Француженка показалась, всѣ встали, и за обѣдомъ служили ей съ великимъ усердіемъ.—Какъ бы то ни было, только въ другой разъ разсудилъ я за благо обѣдать одинъ въ своей комнатѣ, растворивъ окна въ садъ, откуда лились въ мой Нѣмецкой супъ ароматическія испаренія сочной зелени.

Вчерась же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канта, глубокомысленнаго, тонкаго Метафизика, который опровергаетъ и Малебранта и Лейбница, и Юма и Боннета—Канта, котораго Іудейской Сократъ, покойный Мендельзонъ, иначе не называлъ, какъ der alles zermalmende Kant, т. е. *все сокрушающій Кантъ*. Я не имѣлъ къ нему писемъ; но смѣлость города беретъ - и мнѣ отворились двери въ кабинетъ его. Меня встрѣтилъ маленькой, худенькой старичекъ, отмѣнно бѣлый и нѣжный. Первыя слова мои были: «Я Русской Дворянинъ, люблю великихъ мужей, и желаю изъявить мое почтеніе Канту». Онъ тотчасъ попросилъ меня сѣсть, говоря: «Я писалъ такое, что не можетъ нравиться всѣмъ; не многіе любятъ метафизическія тонкости». Съ полчаса говорили мы о разныхъ вещахъ: о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель. Надобно было удивляться его историческимъ и географическимъ знаніямъ, которыя, казалось, могли бы одни загромоздить магазинъ человѣческой памяти; но это у него, какъ Нѣмцы говорятъ, *дѣло постороннее*. Потомъ я, безъ скачка, обратилъ разговоръ на природу и нрав-

ственность человѣка: и вотъ что могъ удержать въ памяти изъ его разсужденій:

«Дѣятельность есть наше опредѣленіе. Человѣкъ не можетъ быть никогда совершенно доволенъ обладаемымъ, и стремится всегда къ пріобрѣтеніямъ. Смерть застаетъ насъ на пути къ чему нибудь, что мы еще имѣть хотимъ. Дай человѣку все, чего желаетъ; но онъ въ ту же минуту почувствуетъ, что это *все* не есть *все*. Не видя цѣли или конца стремленія нашего въ здѣшней жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно развязаться. Сія мысль тѣмъ пріятнѣе для человѣка, что здѣсь нѣтъ никакой соразмѣрности между радостями и горестями, между наслажденіемъ и страданіемъ. Я утѣшаюсь тѣмъ, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ, и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вступить въ другую, лучшую. Помышляя о тѣхъ услажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ сообразно съ *закономъ нравственнымъ*, начертаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь. Говорю о *нравственномъ законѣ:* назовемъ его совѣстію, чувствомъ добра и зла—но онъ *есть*. Я солгалъ; никто не знаетъ лжи моей, но мнѣ стыдно.— Вѣроятность не есть очевидность, когда мы говоримъ о будущей жизни; но, сообразивъ все, разсудокъ велитъ намъ вѣрить ей. Да и что бы съ нами было, когда бы мы, такъ сказать, *глазами видѣли ее?* Естьли бы она намъ очень полюбилась, мы бы не могли уже заниматься нынѣшнею жизнію и были въ безпрестанномъ томленіи; а въ противномъ случаѣ не имѣли бы утѣшенія сказать себѣ въ горестяхъ здѣшней

жизни: *авось тамъ будетъ лучше!*—Но говоря о нашемъ опредѣленіи, о жизни будущей и проч., предполагаемъ уже бытіе Всевѣчнаго Творческаго разума, все для чего нибудь, и все благо творящаго. Что? Какъ?... Но здѣсь первый мудрецъ признается въ своемъ невѣжествѣ. Здѣсь разумъ погашаетъ свѣтильникъ свой, и мы во тьмѣ остаемся: одна фантазія можетъ носиться во тьмѣ сей и творить несобытное». — Почтенный мужъ! прости, естьли въ сихъ строкахъ обезобразилъ я мысли твои!

Онъ знаетъ Лафатера, и переписывался съ нимъ. «Лафатеръ весьма любезенъ по добротѣ своего сердца, говоритъ онъ: но имѣя чрезмѣрно живое воображеніе, что ослѣпляется мечтами, вѣритъ Магнетизму и пр.»—Коснулись до его непріятелей. «Вы ихъ узнаете», сказалъ онъ, «и увидите, что они всѣ добрые люди».

Онъ записалъ мнѣ титулы двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я не читалъ: Kritik der practischen Vernunft и Metaphisik der Sitten — и сію записку буду хранить какъ священный памятникъ.

Вписавъ въ свою карманную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чтобы рѣшились всѣ мои сомнѣнія; потомъ мы съ нимъ разстались.

Вотъ вамъ, друзья мои, краткое описаніе весьма любопытной для меня бесѣды, которая продолжалась около трехъ часовъ.—Кантъ говоритъ скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха. Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ... его Метафизики.

—

Здѣшняя каѳедральная церковь огромна. Съ великимъ примѣчаніемъ разсматривалъ я тамъ древнее оружіе, латы и шишакъ благочестивѣйшаго изъ Марггграфовъ Бранденбургскихъ и храбрѣйшаго изъ рыцарей своего времени. Гдѣ вы—думалъ я—гдѣ вы, мрачные вѣки, вѣки варварства и героизма? Блѣдныя тѣни ваши ужасаютъ робкое просвѣщеніе нашихъ дней. Одни сыны вдохновенія дерзаютъ вызывать ихъ изъ бездны минувшаго—подобно Улиссу, зовущему тѣни друзей изъ мрачныхъ жилищъ смерти—чтобы въ унылыхъ пѣсняхъ своихъ сохранять память чудеснаго измѣненія народовъ.—Я мечталъ около часа, прислонясь къ столбу.—На стѣнѣ изображена Марггграфова беременная супруга, которая, забывая свое состояніе, бросается на колѣни и съ сердечнымъ усердіемъ молитъ Небо о сохраненіи жизни Героя, идущаго побѣждать враговъ. Жаль, что здѣсь искусство не соотвѣтствуетъ трогательности предмета! — Тамъ же видно множество разноцвѣтныхъ знаменъ, трофеевъ Марггграфовыхъ.

Французъ, наемный лакей, провожавшій меня, увѣрялъ, что оттуда есть подземный ходъ за городъ въ старую церковь, до которой будетъ около двухъ миль, и показывалъ мнѣ маленькую дверь съ лѣстницею, которая ведетъ подъ землю. Правда-ли это или нѣтъ, не знаю; но знаю то, что въ средніе вѣка на всякой случай прокапывали такіе ходы, чтобы сохранять богатство и жизнь отъ руки сильнаго.

Вчера ввечеру простился я съ своимъ товарищемъ господиномъ Ф***, котораго пріязни не забуду никогда. Не знаю, какъ ему, а мнѣ *грустно* было съ нимъ разставаться. Онъ съ Францу-

женкою поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ, можетъ быть, еще увижу его.

Нынѣ былъ я у нашего Консула, господина И***, который принялъ меня ласково. Онъ разсказывалъ мнѣ много кое-чего, что я съ удовольствіемъ слушалъ; и хотя уже давно живетъ въ Нѣмецкомъ городѣ, и весьма хорошо говоритъ по-Нѣмецки, однако же ни мало не *обгермакился*, и сохранилъ въ цѣлости Русской характеръ. Онъ далъ мнѣ письмо къ Почтмейстеру, въ которомъ просилъ его отвести мнѣ лучшее мѣсто въ почтовой коляскѣ.

Вчера судьба познакомила меня съ однимъ молодымъ Французомъ, который называетъ себя искуснымъ зубнымъ лекаремъ. Узнавъ, что въ трактиръ къ Шенку пріѣхали иностранцы—ему сказали, Французы—явился онъ къ Господину Ф*** съ ношею комплиментовъ. Я тутъ былъ— и такъ мы познакомились. «Въ Парижѣ есть мнѣ равные въ искусствѣ, сказалъ онъ: для того не хотѣлъ я тамъ остаться, поѣхалъ въ Берлинъ, перелечилъ, перечистилъ Нѣмецкіе зубы: но я имѣлъ дѣло съ великими скрягами, и для того — уѣхалъ изъ Берлина. Теперь ѣду въ Варшаву. Польскіе господа, слышно, умѣютъ цѣнить достоинства и таланты: попробуемъ, полечимъ, почистимъ! А тамъ отправлюсь въ Москву—въ ваше отечество, государь мой, гдѣ конечно найду умныхъ людей болѣе, нежели гдѣ нибудь».—Нынѣ, когда я только-что управился съ своимъ обѣдомъ, пришелъ онъ ко мнѣ съ бумагами, и сказавъ, что узнаетъ людей съ перваго взгляда, и что имѣетъ уже ко мнѣ полную довѣренность, началъ читать мнѣ... трактатъ о зубной болѣзни.

Между тѣмъ, какъ онъ читалъ, наемный лакей пришелъ сказать мнѣ, что въ другомъ трактирѣ, обо дворъ, остановился Русской курьеръ, Капитанъ Гвардіи. Allons le voir! сказалъ Французъ, спрятавъ въ карманъ свой трактатъ. Мы пошли вмѣстѣ — и вмѣсто Капитана нашелъ я Вахмистра конной Гвардіи, Господина *** молодаго любезнаго человѣка, который ѣдетъ въ Копенгагенъ. Онъ еще въ первый разъ посланъ курьеромъ, и не знаетъ по-Нѣмецки: чему Прусскіе Офицеры, окружившіе насъ на крыльцѣ, весьма дивились. Въ самомъ дѣлѣ не удобно ѣздить по чужимъ землямъ, зная только одинъ Французской языкъ, которымъ не всѣ говорятъ. — Въ то время, какъ мы разговаривали, одинъ изъ стоявшихъ на крыльцѣ получилъ письмо изъ Берлина, въ которомъ пишутъ къ нему, что близъ сей столицы разбили почту, зарѣзали почталіона и отняли нѣсколько тысячь талеровъ: непріятная вѣсть для тѣхъ, которые туда ѣдутъ! — Я пожелалъ земляку своему щастливаго пути.

—

Въ старинномъ замкѣ, или во дворцѣ, построенномъ на возвышеніи, осматриваютъ путешественники цейгаузъ и библіотеку, въ которой вы найдете нѣсколько фоліантовъ и квартантовъ, окованныхъ серебромъ. Тамъ же есть такъ называемая *Московская зала*, длиною во 166 шаговъ, а шириною въ 30, которой сводъ сведенъ безъ столбовъ, и гдѣ показываютъ старинный осьмиугольный столъ, цѣною въ 40,000 талеровъ. *Для* чего сія зала называется Московскою, не

могъ узнать. Одинъ сказалъ, будто для того, что тутъ нѣкогда сидѣли Русскіе плѣнники; но это не очень вѣроятно.

Здѣсь есть изрядные сады, гдѣ можно съ удовольствіемъ прогуливаться. Въ большихъ городахъ весьма нужны народныя гульбища. Ремесленникъ, художникъ, ученый отдыхаетъ на чистомъ воздухѣ по окончаніи своей работы, не имѣя нужды итти за городъ. Къ тому же испаренія садовъ освѣжаютъ и чистятъ воздухъ, который въ большихъ городахъ всегда бываетъ наполненъ гнилыми частицами.

Ярманка начинается. Всѣ наряжаются въ лучшее свое платье, и толпа за толпою встрѣчается на улицахъ. Гостей принимаютъ на крыльцѣ, гдѣ подаютъ чай и кофе.

Я уже отправилъ свой чемоданъ на почту. Ѣдущіе въ публичной коляскѣ могутъ имѣть 60 фунтовъ безъ платы; у меня менѣе шестидесяти.

Adieu! Землякъ мой Габріель, который, говоря его словами, не нашелъ еще работы, пришелъ сказать мнѣ, что почтовая коляска скоро будетъ готова.

Я васъ люблю такъ же, друзья мои, какъ и прежде; но разлука не такъ уже для меня горестна. Начинаю наслаждаться путешествіемъ. Иногда, думая о васъ, вздохну; но легкій вѣтерокъ струитъ воду, не возмущая свѣтлости ея. Таково сердце человѣческое; въ сію минуту благодарю Судьбу за то, что оно таково.—Будьте только благополучны, друзья мои, и никогда обо мнѣ не безпокойтесь! Въ Берлинѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо.

—

Маріенбургъ, 21 Іюня, ночью.

Прусская, такъ называемая почтовая коляска совсѣмъ не похожа на коляску. Она есть не что иное, какъ длинная покрытая фура съ двумя лавками, безъ ремней и безъ ресоръ. Я выбралъ себѣ мѣсто на передней лавкѣ. У меня было двое товарищей, Капитанъ и Подпоручикъ, которые сѣли назади на чемоданахъ. Я думалъ, что мое мѣсто выгоднѣе; но послѣдствіе доказало, что выборъ ихъ былъ лучше моего. Слуга Капитанской и такъ называемый Ширмейстеръ, или проводникъ, сѣли къ намъ же въ коляску на другой лавкѣ. Печальныя мысли, которыми голова моя наполнилась при готическомъ видѣ нашего экипажа, скоро разсѣялись. Въ городѣ видѣлъ я вездѣ пріятную картину праздника— вездѣ веселящихся людей; Офицеры мои были весьма учтивы, и разговоръ, начавшійся между нами, довольно занималъ меня. Мы говорили о Турецкой и Шведской войнѣ, и Капитанъ отъ добраго сердца хвалилъ храбрость нашихъ солдатъ, которые, по его мнѣнію, *едва ли* хуже Прусскихъ. Онъ разсказывалъ анекдоты послѣдней войны, которые всѣ относились къ чести Прусскихъ воиновъ. Ему крайне хотѣлось, чтобы Королю миръ наскучилъ. «Пора снова драться, говорилъ онъ: солдаты наши пролежали бока; намъ нужна экзерцицiя, экзерцицiя!» Миролюбивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился противъ войны всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, описывая ужасы ея: стонъ, вопль нещастныхъ жертвъ, кровавою рѣкою на тотъ свѣтъ уносимыхъ; опустошеніе земель, тоску *отцовъ и* матерей, женъ и дѣтей, друзей и сród-

никовъ; сиротство Музъ, которыя скрываются во мракъ, подобно какъ въ бурное время бѣдныя малиновки и синички по кустамъ прячутся, и пр. Немилостивый мой Капитанъ смѣялся и кричалъ: «Намъ нужна экзерциція, экзерциція!» Наконецъ я примѣтилъ, что взялся за работу Данаидъ; замолчалъ и обратилъ все свое вниманіе на пріятныя окрестности дороги. Постилліонъ нашъ не жалѣлъ лошадей; и такимъ образомъ не примѣтно доѣхали мы до перемѣны, гдѣ только-что имѣли время отужинать на скорую руку.

Ночь была пріятна. Я нѣсколько разъ засыпалъ, но не надолго, и почувствовалъ выгоду, которую имѣли мои товарищи. Они могли лежать на чемоданахъ, а мнѣ надлежало дрематъ сидя. На разсвѣтѣ пріѣхали мы на другую станцію. Чтобы сколько нибудь ободриться послѣ безпокойной ночи, выпили мы съ Капитаномъ чашекъ по пяти кофе — что въ самомъ дѣлѣ меня оживило.

Мѣста пошли совсѣмъ не пріятныя, а дорога худая. Гейлигенбейль, маленькой городокъ въ семи миляхъ отъ Кенигсберга, приводитъ на мысль времена язычества. Тутъ возвышался нѣкогда величественный дубъ, безмолвный свидѣтель рожденія и смерти многихъ вѣковъ—дубъ священный для древнихъ обитателей сей земли. Подъ мрачною его тѣнію обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы, и славили его въ дикихъ своихъ гимнахъ. Вѣчное мерцаніе сего естественнаго храма и шумъ листьевъ наполняли сердце ужасомъ, въ которой жрецы язычества облекали Богопочитаніе. Такъ Друиды въ густотѣ лѣсовъ скрывали свою Религію, такъ

гласъ Греческихъ Оракуловъ исходилъ изъ глубины мрака! — Нѣмецкіе Рыцари въ третьемъ-надесять вѣкѣ, покоривъ мечемъ Пруссію, разрушили олтари язычества, и на ихъ развалинахъ воздвигнули храмъ Христіанства. Гордый дубъ, почтенный старецъ въ царствѣ растеній, претыканіе бурь и вихрей, палъ подъ сокрушительною рукою побѣдителей, уничтожавшихъ всѣ памятники идолопоклонства: жертва невинная!—Суевѣрное преданіе говоритъ, что долгое время не могли срубить дуба; что всѣ топоры отскакивали отъ толстой коры его, какъ отъ жесткаго алмаза; но что наконецъ сыскался одинъ топоръ, который разрушилъ очарованіе, отдѣливъ дерево отъ корня; и что въ память побѣдительной сѣкиры назвали сіе мѣсто Heiligenbeil т. е. *сѣкира Святыхъ*. Нынѣ эта *сѣкира Святыхъ* славится какимъ-то отмѣннымъ пивомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Браунсбергъ, гдѣ мы обѣдали и въ третій разъ перемѣняли лошадей, есть довольно многолюдный городокъ.

Здѣсь жилъ и умеръ Коперникъ, сказалъ мнѣ Капитанъ, когда мы проѣзжали черезъ одно маленькое мѣстечко.—«И такъ это Фрауенбергъ?»—Точно.

Какъ же досадно было мнѣ, что я не могъ видѣть тѣхъ комнатъ, въ которыхъ жилъ сей славный Математикъ и Астрономъ, и гдѣ онъ, по своимъ наблюденіямъ и вычетамъ, опредѣлилъ движеніе земли вокругъ ея оси и солнца—земли, которая, по мнѣнію его предшественниковъ, стояла неподвижно въ центрѣ Планетъ, и которую послѣ Тихо-де-Браге хотѣлъ-было опять остановить, но тщетно!—И такимъ обра-

зомъ Пиѳагоровы идеи, надъ которыми смѣялись Греки, вѣрившіе своимъ чувствамъ болѣе, нежели Философу, воскресли въ системѣ Николая Коперника!—Сей Астрономъ былъ щастливѣе Галилея! суевѣріе — хотя онъ жилъ еще подъ его скипетромъ — не заставило его клятвенно отрицаться отъ ученія истины. Коперникъ умеръ спокойно въ своемъ мирномъ жилищѣ, но Тихо-де-Браге долженъ былъ оставить свой философскій замокъ и отечество. Науки, подобно Религіи, имѣли своихъ страдальцовъ.—

Передъ вечеромъ пріѣхали мы въ Эльбингъ, небольшой, но торговый городъ, и весьма изрядно выстроенный, гдѣ стоятъ два или три полка. Почтѣ надлежало тутъ пробыть болѣе часа. Мы пошли въ трактиръ, гдѣ, кромѣ хозяина и гостей, все было довольно чисто. Выѣхавъ изъ Кенигсберга, еще не видалъ я порядочно одѣтаго человѣка. Двое играли въ билліардъ: одинъ въ зеленомъ кафтанѣ, дикомъ камзолѣ, и въ сальномъ парикѣ, человѣкъ лѣтъ за сорокъ, а другой молодой человѣкъ въ пестромъ кургузомъ фракѣ: первый игралъ очень худо и сердился: а другой хотѣлъ надъ нимъ шутить, смѣялся во все горло при каждомъ его промахѣ, поглядывалъ на насъ и въ зеркало, и оправлялъ безпрестанно свой толстый, запачканный галстукъ. Каррикатура за каррикатурою приходила въ трактиръ, и всякая каррикатура требовала пива и трубки. Мнѣ было очень скучно. Къ тому же я чувствовалъ сильное волненіе въ крови отъ кофе и отъ тряскаго движенія почтовой коляски.

Вышедши садиться, нашли мы у коляски молодаго Офицера и старую женщину, которые

рекомендовались въ нашу благосклонность, и объявили, что ѣдутъ съ нами. Такимъ образомъ стало намъ гораздо тѣснѣе. Офицеры мои рады были новому товарищу, съ которымъ могли они говорить о прошедшемъ смотрѣ. Женщина, родомъ изъ Шведской Помераніи, услышавъ, что я Русской, подняла руки къ небу и закричала: *Ахъ злодѣи! вы губите нашего бѣднаго Короля!* Офицеры смѣялись; и я смѣялся, хотя не совсѣмъ отъ добраго сердца.

Между тѣмъ прекрасный вечеръ настроилъ душу мою къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. На обѣихъ сторонахъ дороги разстилались богатые луга; воздухъ былъ свѣжъ и чистъ; многочисленныя стада блеяніемъ и ревомъ своимъ праздновали захожденіе солнца. Крестьянки доили коровъ, вдыхая въ себя цѣлебный паръ молока, которое составляетъ богатство всѣхъ тамошнихъ деревень. Жители принадлежатъ, естьли не ошибаюсь, къ сектѣ Перекрестителей, Wiedertäufer. Хвалятъ ихъ нравы, миролюбіе и честность. Рука ихъ не подымается на ближняго. Кровь человѣческая, говорятъ они, вопіетъ на небо. — Тишина наступившей ночи сомкнула глаза мои.

Теперь мы въ Маріенбургѣ, гдѣ я имѣлъ время написать къ вамъ столько страницъ. Сей городъ достоинъ примѣчанія только тѣмъ, что древній его замокъ былъ нѣкогда столицею Великихъ Мастеровъ Нѣмецкаго Ордена. — Отъ старой женщины, моей непріятельницы, мы здѣсь освободились; но мѣсто ея займетъ высокой Офицеръ, который теперь сидитъ подлѣ меня, дожидаясь отправленія почты. — Разсвѣтало.

Простите! Изъ Данцига надѣюсь еще что нибудь приписать.

Данцигъ, 22 Іюня, 1789.

Проѣхавъ черезъ предмѣстіе Данцига, остановились мы въ Прусскомъ мѣстечкѣ Штоценбергѣ, лежащемъ на высокой горѣ сего имени. Данцигъ у насъ подъ ногами какъ на блюдечкѣ, такъ что можно считать кровли. Сей прекрасно выстроенный городъ, море, гавань, корабли въ пристани и другіе, разсѣянные по волнующемуся, необозримому пространству водъ— все сіе вмѣстѣ образуетъ такую картину, любезнѣйшіе друзья мои, какой я еще не видывалъ въ жизни своей, и на которую смотрѣлъ два часа въ безмолвіи, въ глубокой тишинѣ, въ сладостномъ забвеніи самаго себя.

Но блескъ сего города померкъ съ нѣкотораго времени. Торговля, любящая свободу, болѣе и болѣе сжимается и упадаетъ отъ тѣснящей руки сильнаго. Подобно какъ монахи строжайшаго Ордена, встрѣтясь другъ съ другомъ въ унылой мрачности своихъ жилищъ, вмѣсто всякаго привѣтствія умирающимъ голосомъ произносятъ: *помни смерть!* такъ жители сего города, въ глубокомъ уныніи взываютъ другъ ко другу: *Данцигъ! Данцигъ! гдѣ твоя слава?*— Король Прусской наложилъ чрезмѣрную пошлину на всѣ товары, отправляемые отсюда въ море, отъ котораго Данцигъ лежитъ верстахъ въ пяти или шести.

Шотландцы, которые присылаютъ сюда сельди свои, пользовались въ Данцигѣ всѣми правами гражданства, для того, что нѣкогда Шот-

ланецъ Догласъ оказалъ городу важную услугу. Тѣ изъ жителей, съ которыми я говорилъ, не могли мнѣ сказать, въ чемъ именно состояла услуга Догласова. Такой знакъ благодарности дѣлаетъ честь сему городу.

Я не зналъ, что почта пробудетъ здѣсь такъ долго: а то бы успѣлъ осмотрѣть въ Данцигѣ нѣкоторыя примѣчанія достойныя вещи. Теперь уже поздно: хотятъ впрягать лошадей. Болѣе всего хотѣлось бы мнѣ видѣть славную Эйхелеву картину, въ главной Лютеранской церкви, представляющую страшный судъ. Король Французской — не знаю, который, — давалъ за нее 100,000 гульденовъ.—Хотѣлось бы мнѣ видѣть и Профессора Тренделенбурга, чтобы поблагодарить его за Греческую Грамматику, имъ сочиненную, которою я пользовался и впредь надѣюсь пользоваться *).—Огромнѣйшее зданіе въ городѣ есть Ратуша. Вообще всѣ домы въ пять этажей. Отмѣнная чистота стеколъ украшаетъ видъ ихъ.

Данцигъ имѣетъ собственныя деньги, которыя однакожъ внѣ города не ходятъ; и въ самомъ городѣ Прусскія предпочитаются.

На западъ отъ Данцига возвышаются три песчаныя горы, которыхъ верхи гораздо выше городскихъ башенъ: одна изъ сихъ горъ есть Штоценбергъ. Въ случаѣ осады непріятельскія батареи могутъ оттуда разрушить городъ. На горѣ Гагелсбергѣ былъ нѣкогда разбойничій замокъ, эхо ужаса его далеко отзывалось въ ок-

*) Авторъ начиналъ тогда учиться Греческому языку; но послѣ уже не имѣлъ времени думать о немъ.

рестностяхъ. Тамъ показываютъ могилу Русскихъ, убитыхъ въ 1734 году, когда графъ Минихъ штурмовалъ городъ. Осажденные знали, съ которой стороны будетъ приступъ; почему гарнизонъ и жители обратили туда всѣ силы свои, и дрались какъ отчаянные. Извѣстно, что городъ держалъ сторону Станислава Лещинскаго противъ Августа III, за котораго вступилась Россія. Наконецъ Данцигъ покорился.

Товарищи мои, Офицеры, хотѣли смотрѣть городскія укрѣпленія; но часовые не пустили ихъ и грозили выстрѣломъ. Они посмѣялись надъ излишнею строгостью, и возвратились назадъ. Солдаты по большой части старые, и одѣты неопрятно. Магистратъ поручаетъ Комендантское мѣсто обыкновенно какому нибудь иностранному Генералу съ большимъ жалованьемъ.

Первая станція отъ Данцига.

Въ Данцигѣ присоединились къ намъ Офицеръ, молодой Французской купецъ и Магистеръ. Для нихъ и для Капитанскаго слуги Ширмейстеръ взялъ тамъ открытую фуру. Офицеръ сѣлъ къ намъ въ коляску, гдѣ оставалось еще одно мѣсто, которое хотѣлъ занять Магистеръ; но Французъ поднялъ крикъ, доказывая свое старшинство, и Ширмейстеръ рѣшилъ дѣло въ его пользу, узнавъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ записался на почтѣ ранѣе. Магистеръ крайне упрашивалъ насъ, чтобы мы какъ нибудь потѣснились и дали ему мѣсто въ коляскѣ, представляя ученымъ образомъ, что ему съ Ширмейстеромъ и слугою будетъ скучно; но онъ *проповѣдывалъ глухимъ*

ушамъ, какъ говорятъ Нѣмцы. Французъ по дорожному очень хорошо одѣтый въ торжествѣ сѣлъ на лавкѣ между двухъ Офицеровъ, съ насмѣшкою жалѣя, что бѣднаго Магистра вымочитъ дождь, который накрапывалъ. Новый нашъ товарищъ, Офицеръ, желая сидѣть просторнѣе, взглядывалъ на него очень косо, и началъ его жать. Французъ весьма учтиво объявилъ, что ему становится *тѣсновато*. Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ ему Офицеръ съ сердцемъ; закурилъ трубку и началъ пускать ему въ носъ и въ ротъ дымныя облака. Французъ чихалъ, кашлялъ, и наконецъ спросилъ, *что бы это значило?* — «То, чтобы вы убрались въ фуру къ Магистру». — «Государь мой!» сказалъ Французъ съ гордымъ видомъ.—«Государь мой!» отвѣчалъ Офицеръ съ досадою: «вамъ говорятъ, чтобы вы убрались отъ насъ». — Французъ съ важностію увѣрялъ, что имѣетъ равное съ нимъ право сидѣть въ коляскѣ; но Офицеръ, худой Юристъ, началъ сыпать на него пепелъ съ огнемъ, говоря, что Везувій за дымомъ выбрасываетъ пламя. Еще мало: онъ уткнулъ ему въ бокъ ефесъ своей сабли. Бѣдный Французъ, видя, что терпѣніемъ не отдѣлаться, сквозь слезы просилъ Офицера оставить его въ покоѣ до первой перемѣны, обѣщаясь пересѣсть тамъ въ фуру. Старые мои товарищи, насмѣявшись досыта, сжалились надъ мученикомъ, и уговорили своего собрата, чтобы онъ удовольствовался его обѣщаніемъ. И я смѣялся; однакожъ искренно жалѣлъ о Французѣ, хотя онъ тотчасъ забылъ все, и сталъ веселъ.

Теперь перемѣняютъ лошадей и готовятъ намъ легкой ужинъ.

Выѣхавъ изъ Данцига, смотрѣлъ я на море,

которое синѣлось на правой сторонѣ. Болѣе не попадалось въ глаза ничего занимательнаго, кромѣ пространнаго Данцигскаго гульбища, гдѣ было очень мало людей, для того, что небо покрывалось со всѣхъ сторонъ тучами. Въ срединѣ идетъ большая дорога, а по сторонамъ въ алеяхъ прогуливаются.

Офицеры сговорились-было атаковать Магистра; но онъ довольно искусно отразилъ первые приступы, такъ что они наконецъ оставили его. Онъ ѣдетъ въ Италію разсматривать древности. Многіе восточные языки, по его словамъ, ему извѣстны. Онъ показывалъ мнѣ письмо Графа***, который прислалъ ему экземпляръ Алъ-Корана, напечатаннаго въ Петербургѣ. Мы другъ съ другомъ гораздо согласнѣе, нежели съ Офицерами *).

Штолпе, 24 Іюня.

Путешественники говорятъ всегда съ великимъ неудовольствіемъ о грубости Прусскихъ постилліоновъ. Нынѣшній Король издалъ указъ, по которому всѣ Почтмейстеры обязаны имѣть болѣе уваженія къ проѣзжимъ, и не держать никого долѣе часа на перемѣнахъ, а постилліонамъ запрещаются всѣ самовольныя остановки на дорогѣ. Нахальство сихъ послѣднихъ было несносно. У всякой корчмы они останавливались пить пиво, и нещастные путешествен-

---

*) Послѣ читалъ я о Магистрѣ Рингѣ въ прибавленіи къ Енскимъ Литературнымъ Вѣдомостямъ. Онъ извѣстенъ въ Германіи по своей учености.

ники должны были терпѣть, или выманивать ихъ деньгами. Указъ имѣлъ хорошія слѣдствія; однакожъ не во всей точности исполняется. Напримѣръ, не доѣзжая за милю до Штолпе, мы принуждены были съ часъ дожидаться пастилліоновъ, которые спокойно пили и ѣли въ корчмѣ, не смотря на позывы съ нашей стороны. Пріѣхавъ въ городъ, всѣ мои товарищи грудью приступили къ Почтмейстеру, и требовали, чтобы онъ наказалъ ихъ—*Выговоромъ?* спросилъ Почтмейстеръ.—*Палкою,* отвѣчали Офицеры.—«Я не имѣю права бить ихъ».—Вздоръ! вздоръ; сказалъ Капитанъ: или я самъ со всѣми управлюсь!»—Тутъ онъ страшнымъ образомъ стукнулъ въ полъ своею тростью. «Насиліе! насиліе!» закричалъ Почтмейстеръ: «хотятъ драться, бить меня!»—Капитанъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ тихо: «Я не хочу драться, а въ Берлинѣ поговорю объ васъ съ Министромъ». Сказалъ и вышелъ вонъ, а за нимъ и всѣ. Постилліоны, какъ будто бы ничего не зная, пришли къ намъ просить на вино. Ихъ выгнали—дверь затворилась и опять потихоньку стала отворяться—всѣ туда оборотили глаза, и увидѣли Почтмейстерову голову. Что вамъ угодно? спросилъ Капитанъ суровымъ голосомъ. Тутъ Почтмейстеръ всунулъ къ намъ въ горницу все свое туловище, началъ шаркать и кланяться Капитану, и называть его Господиномъ Капитаномъ, и опять Господиномъ Капитаномъ, и увѣрять его, что онъ имѣетъ къ нему почтеніе, и знаетъ Маіора его полку, и знаетъ его фамилію, и знаетъ, что онъ правъ, и отдаетъ ему въ полную власть тѣхъ постилліоновъ, которые повезутъ *насъ изъ* Штолпе, и проч. и проч.—Капи-

танъ смягчился, улыбнулся, и отвѣчалъ на все: «хорошо, хорошо, Господинъ Почтмейстеръ!»— Мы съ Магистромъ также улыбались; а Офицеры говорили тихонько: «дуракъ! трусъ!»—

Теперь не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что въ мѣстечкѣ Луповѣ, гдѣ мы обѣдали, есть прекрасныя форели и прекрасный бишофъ. И такъ естьли вы, друзья мои, будете когда въ Луповѣ, то вспомните, что другъ вашъ тамъ обѣдалъ,— вспомните, и велите подать себѣ форелей и бишофу.

Здѣсь остается тотъ Офицеръ, который мучилъ Француза; и такъ сей послѣдній сядетъ съ нами.—Adieu!

Штаргардъ, 26 Іюня.

О Штаргардѣ, куда мы пріѣхали ужинать, могу вамъ сказать единственно то, что онъ есть изрядный городокъ, и что здѣшняя церковь Маріи считается высочайшею въ Германіи.

Мы проѣхали черезъ Кеслинъ и Керлинъ, два маленькіе городка. Въ первомъ бросается въ глаза большое четвероугольное мѣсто со статуею Фридриха Вильгельма. Ты достоинъ сей почести! думалъ я, читая надпись. Не знаю, кого справедливѣе можно назвать *Великимъ*, отца или сына, хотя послѣдняго всѣ безъ разбора *величаютъ*. Здѣсь должно смотрѣть только на дѣла ихъ, полезныя для государства — не на ученость, не на острыя слова, не на авторство. Кто привлекъ въ свое государство множество чужестранцевъ? Кто обогатилъ его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населилъ

Пруссію? Кто всегда отходилъ отъ войны? Кто отказывался отъ всѣхъ излишностей, для того, чтобы его подданные не терпѣли недостатка въ нужномъ? Фридрихъ Вильгельмъ!—Но Кеслинъ будетъ для меня памятенъ не только по его монументу: тамъ миловидная трактирщица угостила насъ хорошимъ обѣдомъ! Неблагодаренъ путешественникъ, забывающій такіе обѣды, такихъ добрыхъ, ласковыхъ трактирщицъ! По крайней мѣрѣ я не забуду тебя, миловидная Нѣмка! Вспомнивъ статую Фридриха Вильгельма, вспомню и любезное твое угощеніе, пріятные взоры, пріятныя слова твои!..

«Что, будетъ ли у насъ война, Господа Офицеры?» спросилъ у моихъ товарищей старикъ, трактирщикъ въ Керлинѣ. Не думаю, отвѣчалъ Капитанъ. «Дай Богъ, чтобы и не было!» сказалъ трактирщикъ: «я боюсь не Австрійскихъ гусаровъ, а Русскихъ козаковъ. О! что это за люди!»—А по чему ты ихъ знаешь? спросилъ Капитанъ.—«По чему? Развѣ они не были въ Керлинѣ? Ничто не уйдетъ отъ ихъ пики. Къ тому же у нихъ такія страшныя лица, что меня по кожи подираетъ, когда воображу ихъ!» Да вотъ Русской казакъ! сказалъ Капитанъ, указавъ на меня. «Русской козакъ!» закричалъ трактирщикъ, и ударился затылкомъ въ стѣну. Мы всѣ засмѣялись, а трактирщикъ заохалъ, «за эту шутку вы заплатите мнѣ дороже, Господа!»—сказалъ онъ, взявъ кофейникъ изъ рукъ служанки.

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ разбойничьихъ замковъ. Онъ лежитъ на возвышеніи, и обведенъ со всѣхъ сторонъ широкими рвами, которые прежде были наполнены водою. Тутъ,

въ высокомъ теремѣ, сидѣли мать и дочь за пяльцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и отецъ какъ голодный левъ рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, ища добычи. «Ѣдетъ! ѣдетъ!» кричали онѣ, и мосты гремѣли и опускались—гремѣли и опять подымались—и грабитель былъ безопасенъ въ объятіяхъ своей жены и дочери. Тутъ раскладывались похищенныя богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ нещастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземную темницу, въ двадцать семь саженъ глубиною, гдѣ густой воздухъ спирался и тяготилъ дыханіе, и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ первымъ привѣтствіемъ. Иногда бѣдный отецъ прибѣгалъ къ симъ широкимъ рвамъ, и смотря на сіи острыя башни, восклицалъ: «Отдайте мнѣ сына, и возьмите все, что имѣю! Нещастная мать день и ночь крушится; печальная невѣста всякой часъ слезами обливается. Отдайте матери сына и невѣстѣ жениха!»

Стой, воображеніе! сказалъ я самъ себѣ, и—заплатилъ два гроша сухой старухѣ и уродливому мальчику, которые показывали мнѣ замокъ. Онъ издавна стоитъ пустой и начинаетъ уже разваливаться.

Теперь накрываютъ намъ столъ. Ужинъ будетъ прощальной. Всѣ мои товарищи, кромѣ Капитана, ѣдутъ отсюда въ Штетинъ, куда мнѣ не дорога. Вѣроятно, что намъ уже никогда не видать другъ друга. Правда, что эта мысль для меня не очень горестна. Я не поблагодарилъ бы судьбы, есть ли бы она велѣла мнѣ всегда жить съ такими людьми. Съ ними можно говорить только о смотрахъ, маршахъ и тому по-

добномъ. Самый языкъ ихъ страненъ. Не зная по-Французски, употребляютъ они въ разговорѣ множество Французскихъ словъ, произнося ихъ по своему. Наприм. Da ist eine Precipice—ich habe ein Ture gemacht—ich schanschire es, и проч.

Къ намъ присталъ еще молодой человѣкъ, Почтмейстерской сынъ, который ѣдетъ учиться въ университетъ. Слыша, что Офицеры въ шутку назвали меня Докторомъ, вздумалъ онъ показать мнѣ свою ученость, и спросилъ, какъ, *по моему мнѣнію*, можно перевести на Нѣмецкой Латинское слово ratio? Потомъ началъ говорить о *духѣ языковъ*, и проч. Надобно знать, что Магистеръ уже отъ насъ отсталъ; а то бы онъ не далъ ему много говорить. Офицеры не полюбили сего ученаго Почтмейстерскаго сына, и старались его дурачить. Пріѣхавъ сюда, вынулъ онъ изъ кармана превеликія шпоры, и положилъ на столъ. Офицеры, находя страннымъ, что человѣкъ, ѣдущій учиться въ Университетъ, вмѣсто книгъ везетъ въ карманѣ такую вещь, стали смѣяться. Французъ подскочилъ съ ларнетомъ, и началъ разсматривать шпоры съ великимъ вниманіемъ. Смѣхъ умножился. Что вы находите въ нихъ? спросилъ Капитанъ. «Знакомыя черты», съ важностію отвѣчалъ Французъ: «кажется, какъ будто бы я видалъ ихъ прежде; однакожъ нѣтъ—я видѣлъ только ихъ изображеніе на эстампахъ въ Донъ-Кишотѣ!» Тутъ Офицеры во все горло захохотали, а Студентъ осердился. Насмѣявшись досыта, Капитанъ сказалъ мнѣ: «Естьли когда нибудь издадите вы журналъ своего путешествія, то прошу васъ не забыть шпоръ». Не забудьте шпоръ! закри-

чали всѣ Офицеры. Ваше желаніе исполню, отвѣчалъ я.—

Надобно сказать нѣчто о Прусскихъ допросахъ. Во всякомъ городкѣ и мѣстечкѣ останавливаютъ проѣзжихъ при въѣздѣ и выѣздѣ, и спрашиваютъ, кто, откуда и куда ѣдетъ? Иные въ шутку сказываются смѣшными и разными именами, т. е. при въѣздѣ однимъ, а при выѣздѣ другимъ; изъ чего выходятъ чудныя донесенія начальникамъ. Иной называется Луциферомъ, другой Мамономъ; третій въ городъ въѣдетъ Авраамомъ, а выѣдетъ Исаакомъ. Я не хотѣлъ шутить, а для того Офицеры просили меня въ такихъ случаяхъ притворяться спящимъ, чтобы имъ за меня отвѣчать. Иногда былъ я какой нибудь Баракоменеверусъ, и ѣхалъ отъ горы Араратской; иногда Аристидъ, выгнанный изъ Аѳинъ; иногда Альцибіадъ, ѣдущій въ Персію; иногда Докторъ Панглосъ, и проч. и проч.

Кушанье поставили. Простите!

Берлинъ, 30 іюня, 1789.

Вчера пріѣхалъ я въ Берлинъ, друзья мои; а нынѣ, къ великому своему удовольствію, получилъ отъ васъ письмо, котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Извѣстіе, что вы остались здоровы, меня утѣшило, успокоило. Но начто вы иногда грустите? Этого не было въ уговорѣ. А естьли вы и впредь будете такъ немилостивы къ себѣ и къ другу своему, который за нѣсколько тысячь верстъ беретъ участіе даже въ минутной вашей непріятности: то онъ, въ от-

мщеніе вамъ, самъ будетъ грустить съ утра до вечера.

Послѣднее письмо отправилъ я къ вамъ изъ Штаргарда. Мы выѣхали оттуда въ полночь. Кромѣ Капитана, было у меня двое новыхъ товарищей: Офицеръ, ѣдущій въ Имперію для набора рекрутъ, и купецъ Штаргардской. Я сѣлъ въ коляскѣ назади, на своемъ чемоданѣ; могъ протянуть ноги, могъ прилечь на подушку; спина моя распрямилась, и движеніе крови стало ровнѣе; тряская коляска казалась мнѣ усыпительною колыбелью—и я, почитая себя блаженнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, заснулъ крѣпкимъ сномъ, и спалъ до первой перемѣны, гдѣ разбудили меня пить кофе.

Не доѣзжая за десять миль до Берлина, Капитанъ насъ оставилъ. Мы прощались другъ съ другомъ какъ пріятели, и я далъ ему слово сыскать его въ Кенигсбергѣ, когда поѣду обратно черезъ сей городъ. «Вѣдь намъ еще надобно хоть одинъ разъ въ жизни видѣться», сказалъ онъ, пожимая руку мою: «заѣзжайте ко мнѣ, и разскажите, что увидите въ свѣтѣ».— Хорошо, хорошо, Г. Капитанъ! Будьте между тѣмъ здоровы!—И такъ мы разстались.

Въ послѣднюю ночь нашего путешествія, приближаясь къ Берлину, начиналъ я думать, что тамъ дѣлать буду, и кого увижу. Ночью всякія мечты воображенія бываютъ живѣе и я такъ ясно представилъ себѣ любезнаго А*** *),

*) Алексѣя Михайловича Кутузова, добродушнаго и любезнаго человѣка, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того умеръ въ Берлинѣ, бывъ жертвою несчастныхъ обстоятельствъ.

идущаго ко мнѣ на встрѣчу съ трубкою и кричащаго: *кого вижу? братъ Рамзей въ Берлинѣ?* что руки мои протянулись обнять его; но вмѣсто моего дражайшаго пріятеля, который въ сію минуту былъ отъ меня такъ далеко, чуть не обнялъ я мокрой женщины, сидѣвшей съ нами въ коляскѣ. «Но какъ зашла къ вамъ мокрая женщина?» Вотъ какъ. Солнце сѣло, пошелъ дождь и вечеръ превратился въ глубокую ночь. Вдругъ коляска наша остановилась. Ширмейстеръ, сидѣвшій съ нами, выглянулъ и началъ съ кѣмъ-то бормотать; потомъ, оборотившись къ намъ, сказалъ: «Господа! позволите ли сѣсть въ коляску одной честной женщинѣ и доѣхать съ нами до перваго мѣстечка, куда она идетъ съ своимъ мужемъ? Дождь промочилъ ее насквозь, и она боится занемочь». А хороша ли она? спросилъ Офицеръ, ѣдущій въ Имперію. Теперь темно, отвѣчалъ Ширмейстеръ.—Пускай ее садится, сказалъ Офицеръ. Я то же сказалъ, и купецъ то же. Женщина взлѣзла къ намъ въ коляску, и была подлинно очень мокра, такъ что мы пятились отъ нее какъ можно далѣе, боясь воды, которая текла съ нее ручьями. Офицеръ вступилъ съ нею въ разговоръ, и узналъ отъ нее, что она жена портнаго мастера, очень любитъ своего мужа, и съ нимъ никогда не разстается; что они ужинали въ гостяхъ у своего дяди, зажиточнаго купца, который торгуетъ заморскими товарами, и пошли домой пѣшкомъ для того, чтобы наслаждаться пріятностями вечера, никакъ не ожидавъ дождя; что она взяла у дяди книжку, *жизнь Барона Тренка*, въ которой описываются самыя чудныя приключенія, и все

справедливыя; что дочь дяди ихъ, которой минуло уже девятнадцать лѣтъ, однажды не спала цѣлую ночь, читая эту книгу, а на другую ночь во снѣ увидѣла Тренка въ цѣпяхъ, и такъ закричала, что отецъ пришелъ къ ней со свѣчею посмотрѣть, что съ нею сдѣлалось, — и проч. и проч. Вотъ все дѣло.

Но естьли я не найду его въ Берлинѣ! пришло мнѣ вдругъ на мысль—и въ самую ту минуту встрѣтилась намъ коляска. Насилу могъ я удержаться, чтобы не закричать: *стой!* Это вѣрно онъ, думалъ я, это вѣрно онъ! Прости! Пріѣзжай благополучно въ наше отечество, къ своимъ друзьямъ! Ты увидишь моихъ любезныхъ; увидишь, и не скажешь имъ ничего обо мнѣ!—Между тѣмъ мы пріѣхали на станцію. Я тотчасъ пошелъ къ Почтмейстеру спросить, кто проѣхалъ въ коляскѣ. «Русской — купецъ изъ Риги», отвѣчалъ онъ. Тутъ я готовъ былъ вспрыгнуть отъ радости, что это былъ не нашъ А***.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Берлина начинается прекрасная алея изъ каштановыхъ деревьевъ, и дорога становится лучше и веселѣе. О видѣ Берлина нельзя было мнѣ судить по тому, что безпрестанный дождь мѣшалъ видѣть далеко впередъ. У воротъ мы остановились. Сержантъ вышелъ изъ караульни насъ допрашивать: *Кто вы? Откуда идете? Зачѣмъ пріѣхали въ Берлинъ? Гдѣ будете жить? Долго ли здѣсь пробудете? Куда поѣдете изъ Берлина?* Судите о любопытствѣ здѣшняго Правительства!— Наконецъ мы въѣхали въ улицу прекраснаго Берлина, гдѣ я надѣялся отдохнуть въ объятіяхъ сердечной пріязни, разсказывать Русскому о Россіи и другу о друзьяхъ, говорить о нашихъ

веселыхъ Московскихъ вечерахъ и философскихъ спорахъ!.. Но судьба смѣялась надо мной.

Коляска наша остановилась у почтоваго дома. Тамъ прежде всего спросилъ я у Секретаря, гдѣ живетъ А***? И что же? Съ хладнокровіемъ, совсѣмъ противнымъ моему нетерпѣнію, отвѣчалъ онъ: «Его уже здѣсь нѣтъ».—Его здѣсь нѣтъ?—Нѣтъ, сударь, повторилъ онъ и началъ перебирать письма.—Гдѣ же онъ?—Во Франкфуртѣ на Майнѣ. Подите къ своему священнику, тамъ лучше все узнаете». — Я бросился на стулъ и готовъ былъ заплакать. Секретарь взглянулъ на меня съ улыбкою. Вы думали его здѣсь найти? спросилъ онъ. «Думалъ, государь мой, думалъ!» и съ сими словами я хотѣлъ итти вонъ. «Постойте, сказалъ Секретарь: надобно осмотрѣть вашъ чемоданъ». То есть надобно было взять съ меня нѣсколько грошей.—Вообразите друга вашего, идущаго въ самыхъ горестныхъ размышленіяхъ по Берлинскимъ улицамъ, въ слѣдъ за инвалидомъ, который несъ чемоданъ мой! Ни огромные домы, ни многолюдство, ни стукъ каретъ не могли вывести меня изъ меланхолической задумчивости. Я самъ себѣ казался жалкимъ сиротою, бѣднымъ, нещастнымъ, и единственно отъ того, что А*** не хотѣлъ меня дождаться въ Берлинѣ!

«Жаль, жаль, государь мой—сказалъ мнѣ Г. Блумъ, трактирщикъ *Англійскаго Короля* въ *Братской улицѣ*—жаль, что у меня нѣтъ теперь для васъ мѣста. Въ домѣ моемъ заняты всѣ комнаты. Вы, думаю, знаете, что къ нашему Королю пожаловала гостья, его сестрица. Въ Берлинѣ будутъ праздники, и многіе господа пріѣхали сюда на это время. Повѣрите ли, что

я нынѣ отказалъ уже десяти человѣкамъ?»—И такъ, Г. Блумъ—«Вы изъ Россіи пріѣхали?»—Изъ Россіи. И такъ—«У васъ все войною занимаются?»—Да, Г. Блумъ, у насъ война. И такъ мнѣ остается — «Послушайте: теперь только опросталась у меня одна комната, и вы можете занять ее. Что же у васъ съ Турками дѣлается?»—Прикажите мнѣ указать комнату, а послѣ, естьли угодно,—«Очень хорошо! очень хорошо! Пойдемте, пойдемте!» Онъ привелъ меня въ маленькую горенку съ однимъ окномъ. «Не правда ли, что она очень хороша и очень уютна?»—Я доволенъ, Г. Блумъ. — Тутъ пришелъ ко мнѣ фельдшеръ, парикмахеръ. Г. Блумъ отъ меня не выходилъ, безпрестанно говорилъ и наконецъ мнѣ же вздумалъ разсказывать, что у насъ въ Россіи дѣлается. Послушайте, Г. Блумъ, сказалъ я, это все писано къ вамъ отъ перваго числа Апрѣля по старому или по новому стилю.—«Какъ, государь мой!»—Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я,—взялъ трость и пошелъ со двора.

Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ—сію истину живо чувствовало мое сердце, когда я шелъ къ Д***, желая найти въ немъ хотя часть любезныхъ свойствъ нашего А***, желая полюбить его, и говорить съ нимъ со всею дружескою искренностію, свойственною моему сердцу! — Благодарю Судьбу! Я нашелъ, чего желалъ—нашелъ въ Д* любезнаго, добродушнаго, искренняго человѣка. Онъ любилъ свое отечество; и я люблю его; онъ любитъ А***, и я люблю его; онъ сроденъ къ откровенности, и я тоже; и такъ долго ли было намъ познакомиться? Мы проговорили съ нимъ до вечера, и онъ захотѣлъ *еще проводить меня.*

Лишь только вышли мы на улицу, я долженъ былъ зажать себѣ носъ отъ дурнаго запаха: здѣшніе каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы ихъ не чистить? Не уже ли нѣтъ у Берлинцевъ обонянія?—Д*** повелъ меня черезъ славную *Липовую* улицу, которая въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Въ срединѣ посажены алеи для пѣшихъ, а по сторонамъ мостовая. Чище ли здѣсь живутъ, или испаренія липъ истребляютъ нечистоту въ воздухѣ—только въ сей улицѣ не чувствовалъ я никакого непріятнаго запаха. Домы не такъ высоки, какъ нѣкоторые въ Петербургѣ, но очень красивы. Въ алеяхъ, которыя простираются въ длину шаговъ на тысячу или болѣе, прогуливалось много людей.

Лишь только я въ своей комнатѣ расположился пить чай, пожаловалъ ко мнѣ Г. Блумъ съ бумажкою въ рукахъ. Вамъ надобно на это отвѣчать, сказалъ онъ. Я увидѣлъ на бумагѣ тѣ вопросы, которые дѣлали мнѣ при въѣздѣ въ городъ, съ прибавленіемъ одного: *въ какія ворота вы въѣхали?* Они напечатаны; и мнѣ надлежало подъ каждымъ писать отвѣтъ. Боже мой! какая осторожность! Развѣ Берлинъ въ осадѣ? — Г. Блумъ объявилъ мнѣ съ важнымъ видомъ, что завтра Берлинская публика узнаетъ черезъ газеты о моемъ пріѣздѣ!

Нынѣ поутру ходилъ я съ Д*** осматривать городъ. Его по справедливости можно назвать прекраснымъ; улицы и домы очень хороши. Къ украшенію города служатъ также большія площади; *Вильгельмова, Жандармская, Денюфская,* и пр. На первой стоятъ четыре большія мраморныя статуи славныхъ Прусскихъ Генераловъ: Шверина, Кейта, Винтерфельда и Зейдлица.

Шверинъ держитъ въ рукѣ знамя, съ которымъ онъ, въ жаркомъ сраженіи подъ Прагою, бросился на непріятеля, закричавъ своему полку: *дѣти! за мной!* Тутъ умеръ онъ смертію Героя, и Король сожалѣлъ о семъ искусномъ и храбромъ Генералѣ болѣе, нежели о потери двадцати тысячъ воиновъ. — Фридрихъ, принявъ Кейта въ свою службу, сказалъ: *я много выигралъ.* Фридрихъ зналъ людей, и Кейтъ оказалъ ему важныя услуги.—Говорятъ, что Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ похожъ на Винтерфельда. Я не имѣлъ щастія видѣть нашего Задунайскаго героя, и потому не могъ искать сего сходства въ хладномъ мраморѣ, изображающемъ Винтерфельда. — Зейдлицъ былъ любимецъ Королевской, пылкой, отважный воинъ. Отдавая справедливость его достоинствамъ, осуждаютъ въ немъ нѣкоторыя слабости, и говорятъ, что онѣ были причиною безвременной смерти его. Онъ умеръ не на полѣ чести, а на одрѣ мучительной болѣзни. Король тужилъ о немъ, какъ о своемъ любимцѣ.—Такимъ образомъ Фридрихъ хотѣлъ во мраморѣ предать вѣкамъ память своихъ полководцевъ. Юный воинъ, смотря на ихъ изображенія, чувствуетъ желаніе подражать Героямъ, и жить въ памяти потомства. Я самъ люблю разсматривать памятники славныхъ людей и представлять себѣ дѣла ихъ. — На такъ называемомъ *длинномъ мосту*, черезъ рѣку Шпре, стоитъ изъ мѣди вылитый монументъ Фридриха Вильгельма Великаго. Когда Русскія войска пришли сюда, то нѣкоторые изъ солдатъ въ забаву рубили его тесаками. Мнѣ показывали сіи знаки, которые возбуждаютъ въ Берлинцахъ непріятное воспоминаніе.

Мы пришли въ Королевскую библіотеку. Она огромна — и вотъ все, что могу сказать о ней! Болѣе всего занимало меня богатое анатомическое сочиненіе съ изображеніями всѣхъ частей человѣческаго тѣла. Покойный Король заплатилъ за него 700 талеровъ. Есть довольно восточныхъ рукописей, на которыя я только взглянулъ. Показывали мнѣ еще Лютеровъ Нѣмецкой манускриптъ; но я почти совсѣмъ не могъ разобрать его, не читавъ никогда рукописей того вѣка.—Книги давать на домъ запрещено; однакожъ извѣстный человѣкъ, задобривъ деньгами помощника Библіотекарскаго, можетъ имѣть нѣкоторыя. Такимъ образомъ Д*** взялъ для меня Николаево описаніе Берлина, которое хотѣлось мнѣ просмотрѣть. Библіотекою управляетъ нынѣ Г. Докторъ Бистеръ, который и живетъ въ семъ большомъ домѣ.

За столомъ у Господина Блума сидѣло человѣкъ тридцать: Офицеровъ, купцовъ и важныхъ Саксонскихъ Бароновъ, пріѣхавшихъ въ Берлинъ на праздники. Теперь все готовится ко встрѣчѣ Штатгальтерши, которая послѣзавтра будетъ сюда изъ Потсдама вмѣстѣ съ Королемъ. Объ этомъ только и говорятъ; да о разбойникахъ, которые близь Ораніенбурга разбили почту. — Ввечеру Д*** водилъ меня въ звѣринецъ. Онъ простирается отъ Берлина до Шарлотенбурга, и состоитъ изъ резныхъ алей: однѣ идутъ во всю длину его, другія поперегъ, иныя вкось и перепутываются: славное гульбище! Долго искалъ я того мѣста, о которомъ нѣкогда нашъ А*** писалъ ко мнѣ слѣдующее: «Я нашелъ въ звѣринцѣ длинную алею, состоящую изъ древнихъ соснъ; мрачность и непремѣняющаяся

зелень деревъ производитъ въ душѣ нѣкоторое священное благоговѣніе. Не забуду я одного утра, когда, гуляя въ звѣринцѣ одинъ, и предавшись стремленію своего воображенія, которое, какъ извѣстно тебѣ, склонно къ пасмурнымъ представленіямъ, вступилъ я нечаянно въ сію алею. До того мѣста освѣщало меня лучезарное солнце; но вдругъ исчезъ весь свѣтъ. Я поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою сей путь мрачности. Только вдали при выходѣ видѣнъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣлъ. Наконецъ одна мысль пробудила меня... Не есть-ли—думалъ я—не есть ли тьма сія изображеніе твоего состоянія, когда ты, разлучившись съ тѣломъ, вступишь въ неизвѣстный тебѣ путь? Мысль сія такъ во мнѣ усилилась, что я уже представилъ себя облегченнаго отъ земнаго бремени, идущаго къ оному вдали свѣтящемуся свѣту, и — съ того времени всякой разъ, когда бываю въ звѣринцѣ, захожу туда и часто поминаю тебя». Любезной меланхоликъ! я самъ думалъ о тебѣ, вступая въ сію алею, и стоялъ можетъ быть точно на томъ мѣстѣ, гдѣ ты обо мнѣ думалъ. Можетъ быть ты опять здѣсь стоять будешь, но я буду далеко, далеко отъ тебя!—

Въ звѣринцѣ много кофейныхъ домовъ. Мы заходили въ одинъ изъ нихъ, чтобы утолить жажду бѣлымъ пивомъ, которое мнѣ очень не полюбилось.—Садъ Принца Фердинанда, въ которой мы прошли изъ звѣринца, отворенъ для всѣхъ порядочно-одѣтыхъ людей. Я не взялъ бы тысячи такихъ садовъ за звѣринецъ. Тутъ прогуливался самъ Принцъ, и съ угрюмымъ видомъ отплатилъ намъ поклонъ.—Бьетъ часъ.

—

Іюля 1-го.

Нынѣ поутру, побывавъ у Господина М**, къ которому было у меня письмо отъ князя Д**, видѣлся я съ извѣстнымъ Николаемъ, Авторомъ и книгопродавцемъ, живущимъ въ той же улицѣ, гдѣ я живу, т. е. въ Brüderstrasse. Онъ встрѣтилъ меня съ такою ловкостью, съ такою учтивостію, какой бы нельзя было ожидать отъ Нѣмецкаго Ученаго и книгопродавца. «Васъ знаютъ и въ Россіи, сказалъ я ему: знаютъ, что Нѣмецкая Литтература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, спѣшилъ я видѣть друга Лессингова и Мендельзонова».—Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, и посадилъ меня на софѣ. Съ путешественникомъ всего ближе говорить о путешествіяхъ: и такъ, услышавъ, что я ѣду въ Швейцарію, началъ онъ говорить со мною о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно имѣть въ этой примѣчанія достойной землѣ, гдѣ онъ самъ былъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ. Но скоро обратилъ я разговоръ на Берлинской Іезуитизмъ. Надобно знать, что съ нѣкотораго времени начали писать въ Германіи—или, лучше сказать, въ Берлинѣ, и Николай первый подалъ къ тому мысль — будто есть тайные Іезуиты, которые всѣми силами стараются снова овладѣть Европою; будто Калліостро и подобные суть ихъ Миссіонеры, которые, обольщая легковѣрныхъ людей пышными обѣщаніями, порабощаютъ ихъ власти тайныхъ Іезуитскихъ начальниковъ, и проч. и проч. Съ сего времени стали вездѣ искать скрытыхъ Іезуитовъ: между Учеными и неучеными, между Пасторами и солдатами. Въ сочи-

неніяхъ нѣкоторыхъ Писателей нашли что-то Іезуитское. Началась ужасная война, и Берлинской Журналъ, издаваемый Бистеромъ и Гедике, избранъ былъ въ театръ сей войны. Съ Іезуитизмомъ слили въ одно Католицизмъ; доказывали, что *тотъ* и *тотъ* изъ извѣстныхъ Протестантскихъ Ученыхъ тайно приняли Католическую Религію; что они опасные люди, и проч. Тѣ, которыхъ наименовали, разсердились и начали браниться или отбраниваться, доказывая, что Берлинцы бредятъ. Все это еще и нынѣ продолжается. Вотъ что сказалъ мнѣ Николай:

«Извѣстно, что Іезуиты имѣли вездѣ связи, что у нихъ были свои банки, свои банкиры. Общество ихъ хотя и называло Папу своимъ покровителемъ, но цѣль его была тайная, и сокрывалась во внутренности Ордена. Папа, лишивъ Орденъ своего покровительства, могъ ли уничтожить существо его? Могъ ли заставить внутреннихъ начальниковъ, или хранителей тайны, отказаться отъ ихъ цѣли? Не уже ли закрылись всѣ тайные каналы, черезъ которые они дѣйствовали? Не уже ли исчезли всѣ банки ихъ? Я предложилъ свои чаянія, и хотѣлъ только возбудить вниманіе къ сему предмету. Гипотеза моя, казалось, могла изъяснить нѣкоторыя явленія нашихъ временъ.—Что принадлежитъ до Католицизма, то всякой Протестантъ имѣетъ причину не желать его распространенія. Мы, слава Богу! можемъ обо всемъ разсуждать, можемъ пользоваться своимъ разумомъ; но духъ Католицизма не терпитъ никакой свободы въ умствованіяхъ, и налагаетъ цѣпи на разумъ. Естьли вы читаете книги, выходящія въ Германіи, то конечно замѣтили великую разницу

между тѣми, которыя печатаются въ Протестантскихъ и Католическихъ земляхъ: гдѣ болѣе просвѣщенія?»—Все это очень хорошо, сказалъ я; но за чѣмъ съ такою жестокостію писать противъ нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ мужей Германіи, для того единственно, что они сомнѣваются въ существованіи тайныхъ Іезуитовъ, и въ томъ, чтобы Католики могли нынѣ быть опасны Протестантамъ? Признаться вамъ, я не могъ безъ досады читать колкаго отвѣта доктора Бистера господину Гарве, одному изъ первыхъ вашихъ философовъ, который съ такою скромностію предложилъ свои сомнѣнія.—«Однакожъ Гарве, отвѣчалъ Николай, перемѣнилъ свои мысли; мы съ нимъ нарочно для этого видѣлись. Не надобно думать, чтобы Католики совсѣмъ перестали нынѣ стараться обращать Протестантовъ въ свое исповѣданіе. Извѣстно ученіе ихъ Церкви, что внѣ ея нѣтъ спасенія: и такъ они, по нѣкоторому человѣколюбію, хотятъ распространить ея область. Однимъ словомъ, осторожность была нужна.— Впрочемъ всякой отвѣчаетъ за себя. Есть ли нѣкоторые зашли слишкомъ далеко, я не виноватъ. Только во многомъ насъ *хотятъ* криво толковать: къ чему Штаркъ *) и подобные имѣютъ свои причины. Правда, что дѣло, дѣлаемое съ добрымъ намѣреніемъ, можетъ имѣть нѣкоторыя худыя слѣдствія; но естьли оно имѣетъ несравненно болѣе

*) Придворный Дармштатской Проповѣдникъ, котораго Берлинцы объявили тайнымъ Католикомъ, Іезуитомъ, мечтателемъ; который судился съ издателями Берлинскаго журнала гражданскимъ судомъ, и писалъ цѣлыя книги противъ своихъ обвинителей.

добрыхъ, то нельзя не назвать его хорошимъ дѣломъ».— Завтра ѣдетъ Николай къ водамъ. Путешествіе есть для меня лекарство,—сказалъ онъ.—Я написалъ ему на карточкѣ свое имя, и пожелалъ щастливаго пути. Потомъ онъ также учтиво проводилъ меня, какъ встрѣтилъ.—Жаль, что онъ ѣдетъ. Я хотѣлъ бы еще поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ въ досужные для него часы. Признаться, сердце мое не можетъ одобрить тона, въ которомъ господа Берлинцы пишутъ. Гдѣ искать терпимости, естьли самые философы, самые просвѣтители – а они такъ себя называютъ—оказываютъ столько ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ не такъ, какъ они? Тотъ есть для меня истинный философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ; кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума человѣческаго, съ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи человѣку, что онъ ошибается и, почему; но не поноси сердца его, и не называй его безумцемъ. Люди, люди! подъ какимъ предлогомъ вы себя не мучите!—Лафатеръ есть одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Берлинцы бранятъ при всякомъ случаѣ; и естьли онъ у нихъ не совершенный Іезуитъ, то по крайней мѣрѣ великой мечтатель. Я къ Лафатеру не пристрастенъ, и обо многомъ думаю совсѣмъ не такъ, какъ онъ думаетъ; однакожъ увѣренъ, что его Физіогномическіе Фрагменты будутъ читаемы и тогда, когда забудутъ, что жилъ на свѣтѣ почтенный Докторъ Бистеръ. Но оставимъ ихъ.—Что принадлежитъ до Николаевой наружности, то въ ней хотя и нѣтъ ничего особеннаго, привлекательнаго, однакожъ *есть* что-то почтенное. Онъ высокъ, худощавъ,

смуглъ. Лафатеръ въ Физіогномикѣ своей говоритъ, что высокой лобъ его показываетъ весьма разсудительнаго человѣка.

У Г. Блума живетъ одинъ молодой Шведской купецъ. Нынѣ, когда мы сидѣли за столомъ, пришелъ къ нему Секретарь ихъ Посольства, и вызвалъ его. Минутъ черезъ пять возвратился нашъ Шведъ съ веселою улыбкою, и объявилъ всему столу, что Шведы въ одномъ дѣлѣ одержали верхъ надъ Русскими. Секретарь Датскаго Посольства, который тутъ же обѣдалъ, началъ смѣяться надъ его патріотическою ревностью. Прусскіе Офицеры хотѣли знать подробности дѣла, но Шведъ самъ не зналъ ихъ. Да еще вѣрить ли вашей побѣдѣ?—сказалъ Датчанинъ:— мы будемъ ждать подтвержденія.—Какого подтвержденія! — закричалъ Шведъ: — я вамъ ручаюсь. Датчанинъ смѣялся, а Шведъ горячился. Между тѣмъ Г. Блумъ, подошедши ко мнѣ, крайне упрашивалъ меня не входить въ разговоръ. «За чѣмъ вамъ тутъ мѣшаться? Вы видите, что Шведъ очень горячъ. Сохрани Боже, естьли бы что нибудь вышло у васъ съ нимъ въ моемъ домѣ!» Я увѣрялъ его, что ссоры у насъ не будетъ; но послѣ стола не могъ утерпѣть, чтобы не подойти къ Шведу и не вступить съ нимъ въ разговоръ. Г. Блумъ тотчасъ подлетѣлъ къ намъ, и посматривалъ то на меня, то на него, будучи готовъ затушить огонь при первомъ его воспыланіи. Однакожъ мы довольно спокойно разговаривали. Шведъ былъ въ Россіи и по мундиру моему тотчасъ узналъ, что я Русской. При началѣ войны меня выслали изъ Петербурга, сказалъ онъ, хотя мнѣ очень хотѣлось пожить тамъ. Жалуйтесь на своего Короля, отвѣчалъ я, который

объявилъ намъ войну безъ всякой справедливой причины. Тутъ Блумъ дернулъ меня за полу, боясь, чтобы Шведъ не разсердился; но онъ съ улыбкою сказалъ: Короли поступаютъ не по тѣмъ правиламъ, которыя для насъ, частныхъ людей, должны быть закономъ. «Это говоритъ Фридрихъ», сказалъ сквозь зубы Прусской Маіоръ, сидѣвшій за столомъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ Д***, и Г. Блумъ былъ очень радъ, что я убрался въ свою комнату. Онъ боялся поединка.

Послѣ обѣда былъ я въ Гарнизонной церкви, и видѣлъ монументы и портреты славныхъ воиновъ. Тамъ Клейстъ подлѣ Шверина и Винтерфельда, любезный Клейстъ, безсмертный пѣвецъ Весны, герой и патріотъ. Знаете ли вы конецъ его? Въ 1759 году, въ жаркомъ сраженіи при Куммерсдорфѣ, командовалъ онъ баталіономъ, и взялъ три батареи. У правой руки отстрѣлили у него два пальца! онъ взялъ шпагу въ лѣвую. Пулею прострѣлили ему лѣвое плечо! онъ взялъ шпагу опять въ правую руку. Въ самую ту минуту, какъ храбрый Клейстъ уже готовъ былъ лѣзть на четвертую батарею, картеча раздробила ему правую ногу. Онъ упалъ и закричалъ своимъ солдатамъ: *Друзья! не покиньте Короля!* Наѣхали козаки, раздѣли Клейста и бросили въ болото. Кто не подивится тому, что онъ въ сію минуту смѣялся отъ всего сердца надъ странною физіогноміею и ухватками одного козака, который снималъ съ него платье? Наконецъ, отъ слабости заснулъ онъ такъ покойно, какъ бы въ палаткѣ. Ночью нашли его наши гусары, вытащили на сухое мѣсто, положили близь огня на солому, и закрыли плащемъ. Одинъ изъ нихъ *хотѣлъ всунуть* ему въ руку нѣсколько тале-

ровъ; но какъ онъ не принялъ сего подарка, то гусаръ съ досадою бросилъ деньги на плащъ и ускакалъ съ своими товарищами. Поутру увидѣлъ Клейстъ нашего офицера, барона Бульдберга, и сказалъ ему свое имя. Баронъ тотчасъ отправилъ его во Франкфуртъ. Тамъ перевязали ему раны, и онъ спокойно разговаривалъ съ Философомъ Баумгартеномъ, нѣкоторыми Учеными и нашими Офицерами, которые посѣщали его. Черезъ нѣсколько дней умеръ Клейстъ съ твердостію Стоическаго Философа. Всѣ наши Офицеры присутствовали на его погребеніи. Одинъ изъ нихъ, видя, что на гробѣ у него не было шпаги, положилъ свою, сказавъ: *у такого храбраго Офицера должна быть шпага и въ могилѣ.*— Клейстъ есть одинъ изъ любезныхъ моихъ Поэтовъ. Весна не была бы для меня такъ прекрасна, естьли бы Томсонъ и Клейстъ не описали мнѣ всѣхъ красотъ ея.

Іюля 2.

Нынѣ пріѣхалъ сюда Король къ своею гостьею, Штатгальтершею. Не можете вообразить, что за пышная была ей встрѣча! Всѣ граждане стояли въ ружьѣ, и никакая сорочья стая не можетъ такъ пестриться, какъ пестрился этотъ фрунтъ. Офицеры отличались отъ рядовыхъ только тѣмъ, что у нихъ косы привиты были гораздо круче. Въ ожиданіи Штатгальтерши тянули они всѣмъ фрунтомъ водку, и такъ неосторожно, что нѣкоторые стукались лбами. Капитаны ходили и увѣщевали своихъ согражданъ отмахнуть на караулъ мастерски. «И конечно, конечно! кричали они: мы не ударимъ себя лицомъ въ грязь».

Не льзя было не смѣяться этому фарсу.—Купцы, всѣ въ красныхъ кафтанахъ, подъ начальствомъ одного банкира, выѣзжали встрѣчать Штатгальтершу за городъ.—И за то, что я посмѣялся надъ Берлинскими гражданами и взглянулъ на Штатгальтершу и Прусскаго Короля, вымочилъ меня дождь. Теперь начнутся здѣсь пиры.—Иду въ Театръ.

Въ 10 часовъ ночи. Давно уже не былъ я такъ пріятно растроганъ, какъ нынѣ въ Театрѣ. Представляли драму *Ненависть къ людямъ и раскаяніе,* сочиненную господиномъ Коцебу, Ревельскимъ жителемъ. Авторъ осмѣлился вывести на сцену жену невѣрную, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ любовникомъ; но она мила, нещастлива—и я плакалъ, какъ ребенокъ, не думая осуждать сочинителя. Сколько бываетъ въ свѣтѣ подобныхъ исторій!.. Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться. Жаль, что не имѣетъ вкуса или не хочетъ его слушаться! Послѣдняя сцена въ піесѣ несравненна.—Г. Флекъ играетъ роль мужа съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его доходитъ до сердца. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого Актера. Въ немъ соединены великія природныя дарованія съ великимъ искусствомъ. Гж. Унцельманъ представляетъ жену очень трогательно. Въ игрѣ ея обнаруживается какая-то нѣжная томность, которая дѣлаетъ ее любезною для зрителя.—Я думаю, что у Нѣмцевъ не было бы такихъ Актеровъ, естьли бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ Драматическихъ Авторовъ, которые съ такою же живостію представляютъ въ Драмахъ своихъ человѣка, каковъ

онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или Французскія румяны, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспира, читая лучшія Нѣмецкія Драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть Актеру, и какъ что произнести; но при чтеніи французскихъ Трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть Актеру хорошо или такъ, чтобы меня тронуть.—Вышедши изъ Театра, обтеръ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшній вечеръ причисляю я къ щастливѣйшимъ вечерамъ моей жизни? И пусть теперь доказываютъ мнѣ, что изящныя искусства не имѣютъ вліянія на щастіе наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ груди моей—пока будетъ оно чувствительно!

—

Іюля 4.

Вчера въ шесть часовъ утра поѣхали мы съ Д* верхомъ въ Потсдамъ. Ничего нѣтъ скучнѣе этой дороги: вездѣ глубокой песокъ, и никакихъ знаменательныхъ предметовъ въ глаза не попадается. Но видъ Потсдама, а особливо *Санъ-Суси*, очень хорошъ. Мы остановились въ трактирѣ, не доѣзжая до городскихъ воротъ, и заказавъ обѣдъ, пошли въ городъ. У воротъ записали наши имена; однакожь въ разсужденіи вопросовъ нынѣ нѣтъ такой строгости, какъ прежде. Покойный Король, живучи въ Потсдамѣ, хотѣлъ знать обо всѣхъ пріѣзжихъ. — На парадномъ мѣстѣ противъ дворца, украшенномъ колоннами, училась гвардія: прекрасные люди, пре-

красные мундиры! Видъ дворца со стороны сада очень хорошъ. Городъ вообще прекрасно выстроенъ; въ большой, такъ называемой *Римской улицѣ* много великолѣпныхъ домовъ, строенныхъ отчасти по образцу огромнѣйшихъ Римскихъ палатъ, и на собственныя деньги покойнаго Короля: онъ дарилъ ихъ кому хотѣлъ. Теперь сіи огромныя зданія пусты, или занимаются солдатами. Жителей очень мало: причиною то, что нынѣшній Король совсѣмъ оставилъ сей городъ, предпочитая ему Шарлотенбургъ. Не для того ли противенъ ему Потсдамъ, что онъ, будучи Принцемъ, имѣлъ тамъ много неудовольствій и досадъ? Вообразите, что цѣлый домъ въ два этажа можно нанять тамъ за пятьдесятъ рублей въ годъ; да и то нанимать не кому. На дверяхъ большихъ домовъ висятъ солдатскія сумы, камзолы и проч. Коротко сказать, Потсдамъ кажется такимъ городомъ, изъ котораго жители удалились, слыша о приближеніи непріятеля, и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защиты. Не можете вообразить, какъ печаленъ сей видъ пустоты!

Въ Потсдамѣ есть Русская церковь подъ надзираніемъ стараго Русскаго солдата, который живетъ тамъ со временъ царствованія Императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлой старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и слыша, что мы Русскіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Слава Богу! слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-Русски; но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ *товарищемъ* между собою говорили, того онъ

никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-Русски. «Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ: или я, можетъ быть, забываю его». И то и другое правда, отвѣчали мы. «Пойдемте въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника.» Старикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва прерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, который по Воскресеньямъ приходитъ туда читать святѣйшую изъ книгъ, приготовляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся въ сундукѣ. Отъ времени до времени старикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. «Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая отъ меня конечно уже не далеко, не кому будетъ смотрѣть за церковью.»—Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ, простились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему—тихой смерти.

Послѣ обѣда были мы въ Санъ-Суси. Сей увеселительный замокъ лежитъ на горѣ, откуда можно видѣть городъ со всѣми окрестностями: что составляетъ весьма пріятную картину. Здѣсь жилъ не Король, а Философъ Фридрихъ — не Стоической и не Циникъ—но Философъ любившій удовольствія и находившій ихъ въ Изящныхъ Искусствахъ и Наукахъ. Онъ хотѣлъ соединить здѣсь простоту съ великолѣпіемъ. Домъ низокъ и малъ; но, взглянувъ на него, всякой

назоветъ его прекраснымъ. Внутри комнаты отдѣланы со вкусомъ и богато. Въ круглой мраморной залѣ надобно удивляться колоннамъ, живописи и прекрасно-набранному полу. Комната, гдѣ Король бесѣдовалъ съ мертвыми и живыми Философами, убрана вся кедровымъ деревомъ. Съ горы, срытой уступами (которые одинъ другой закрываютъ, такъ, что взглянувъ снизу вверхъ, видишь только одну зеленую гладкую гору), сошли мы въ пріятный садъ, украшенный мраморными фигурами и группами. Здѣсь гулялъ Фридрихъ съ своими Вольтерами и Даланбертами. Гдѣ ты теперь? думалъ я. Сажень земли вмѣстила прахъ твой. Любезныя мѣста твои, для украшенія которыхъ призывалъ ты лучшихъ художниковъ, теперь осиротѣли и пусты. — Изъ сада прошли мы въ паркъ, гдѣ встрѣчается глазамъ Японской домикъ на лѣвой сторонѣ главной алеи; а далѣе, перешедши черезъ каменной мостъ, видишь на обѣихъ сторонахъ прекрасные храмики. Мы прошли къ *новому дворцу*, построенному покойнымъ Королемъ со всею царскою пышностію. Внутренность еще великолѣпнѣе внѣшности; и дивясь богатству, дивишься и вкусу, который видѣнъ въ уборѣ комнатъ. Болѣе шести милліоновъ талеровъ стоилъ Королю сей дворецъ.—Правда, я былъ тутъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ надобно разсматривать пышныя произведенія искусствъ. Кровь моя волновалась, голова болѣла, и я насилу могъ ходить. Оставивъ дворецъ, поѣхали мы назадъ въ городъ, чтобы отдохнуть нѣсколько въ томъ трактирѣ, гдѣ обѣдали.

День склонялся къ вечеру, и надобно было

думать о возвращеніи. Вода съ виномъ освѣжала меня, и мы поѣхали назадъ въ Берлинъ по Шарлотенбургской дорогѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть сей городокъ. Товарищъ мой тутъ не ѣзжалъ; но всѣ увѣряли насъ, что намъ не льзя сбиться съ дороги. Чѣмъ далѣе ѣхали мы, тѣмъ хуже мнѣ становилось. Разъ шесть сходилъ я съ лошади и отдыхалъ на травѣ. Ночь застала насъ въ большомъ лѣсу. Наконецъ я такъ ослабѣлъ, что не могъ ни ѣхать, ни итти пѣшкомъ, и какъ полумертвый лежалъ подъ деревомъ съ закрытыми глазами. Въ лѣсу царствовала глубокая тишина. Товарищъ мой стоялъ подлѣ меня, держа обѣихъ лошадей, и горевалъ, не зная, какъ мнѣ помочь. Однимъ словомъ, насъ можно было въ эту минуту изобразить на одномъ изъ тѣхъ эстамповъ, которыми украшаются модные романы! Д** вздумалъ-было искать по близости какого-нибудь селенія, нанять телѣгу и везти меня въ Берлинъ; но какъ же было остаться мнѣ одному, ночью, въ лѣсу и въ такой слабости? Пруссія не Аркадія, и нашъ вѣкъ не золотой: меня могли ограбить, а со мною было все мое богатство. Наконецъ, черезъ часъ, я всталъ, и пожавъ руку у моего любезнаго товарища, сказалъ ему, что мнѣ лучше. Съ версту прошли мы пѣшкомъ, и сѣли на лошадей. Смертельная жажда томила меня, и за стаканъ воды отдалъ бы я половину своихъ червонцевъ. Шарлотенбургъ былъ отъ насъ еще не близко. Нѣсколько разъ надѣялись мы видѣть его, подъѣзжали и видѣли—лѣсъ и мракъ. Наконецъ пріѣхали въ городъ; и съ жадностію, какой еще никогда въ жизни своей не чувствовалъ, лилъ я въ себя холодную воду. До Бер-

лина оставалась одна миля. Мнѣ хотѣлось какъ нибудь добраться до мѣста и мы въѣхали въ алею звѣринца. Луна взошла надъ нами; ясной свѣтъ ея разливался по зелени листьевъ; тихой и чистой воздухъ упитанъ былъ благовонными испареніями липъ. И я могъ жаловаться въ сіи минуты—тогда, какъ мать Природа дышала ароматами вокругъ меня? Эта ночь оставила во мнѣ какія-то романическія, пріятныя впечатлѣнія.—Городскія ворота были уже затворены; однакожь насъ впустили.

Нынѣ поутру всталъ я совершенно здоровъ, одѣлся и поѣхалъ къ Господину М**. Онъ повезъ меня къ Формею, Секретарю Берлинской Академіи, который принялъ насъ ласково. Сей старикъ все еще бодръ и веселъ. Онъ читалъ намъ письмо, полученное имъ изъ П* отъ своего родственника, который всякую недѣлю пишетъ къ нему, и не щадя бумаги. «Не повѣрите, съ какимъ удовольствіемъ я все это читаю!» сказалъ онъ. Г. Формей былъ знакомъ съ Вольтеромъ, и расказывалъ намъ нѣкоторые анекдоты касательно до его пребыванія въ Берлинѣ.—Въ слѣдующій Четвертокъ будетъ собраніе въ Берлинской Академіи, въ которое угодно было Господину Формею пригласить меня. Мы поѣхали къ зятю его, Господину М***, Профессору, содержателю большаго пансіона и также Члену Академіи. Онъ показывалъ намъ минеральный кабинетъ и библіотеку сестры покойнаго Короля, состоящую изъ Французскихъ, Англійскихъ, Итальянскихъ и Нѣмецкихъ книгъ—Философовъ, Историковъ и Поэтовъ.—Послѣ обѣда я былъ у Графа Н**: объ немъ *ни слова! Говорятъ*, что онъ въ старину имѣлъ

имя остроумнаго человѣка въ свѣтѣ. Австрійскій Посолъ, Князь Р*, бывшій у него въ гостяхъ, казался мнѣ ласковѣе хозяина.

Я поѣхалъ въ Оперу. Оперный домъ великъ и очень хорошъ. Тутъ видѣлъ я всю Королевскую фамилію и Штатгальтершу съ дочерью. Играли Оперу Медею, въ которой пѣла Тоди. Я слышалъ эту славную пѣвицу еще въ Москвѣ, и скажу—можетъ быть къ стыду своему — что ея пѣніе мало трогаетъ мое сердце. Для меня непріятно видѣть напряженіе, съ которымъ она поетъ. Впрочемъ, будучи только любителемъ музыки, не могу цѣнить искусства ея. Что принадлежитъ до декорацій, то онѣ были великолѣпны.—

—

Іюля 5.

Нынѣ былъ я у старика Рамлера, Нѣмецкаго Горація. Самый почтенный Нѣмецъ! Ваши сочиненія, сказалъ я ему, почитаются у насъ классическими. Ему пріятно было слышать, что и въ Россіи читаютъ его стихи и знаютъ ихъ цѣну. Рамлеръ напитался духомъ древнихъ, а особливо Латинскихъ Поэтовъ. Въ Одахъ его есть истинные восторги, высокое пареніе мыслей и языкъ вдохновенія. Только иногда присвоиваетъ онъ себѣ и чужіе восторги, и заимствуетъ огонь у Горація или другихъ древнихъ Поэтовъ — правда всегда искуснымъ образомъ. Теперь онъ уже прожилъ вѣкъ Поэзіи. Въ новыхъ его піесахъ надобно удивляться круглости, чистотѣ и гармоніи, т. е. искусству его въ механизмѣ стихотворства; но въ нихъ нѣтъ уже піитическаго жара, который всегда съ лѣтами

проходитъ. Кажется, что онъ самъ это чувствуетъ, и потому нынѣ мало сочиняетъ. Главное его упражненіе съ нѣкотораго времени состоитъ въ переводахъ Римскихъ Поэтовъ, въ которыхъ почти всегда соблюдаетъ мѣру оригинала. Сіи піесы, печатаемыя въ Берлинскомъ Журналѣ, могутъ служить примѣромъ въ искусствѣ переводить. «Теперь, сказалъ онъ мнѣ, принялся я за Марціала. Только немногія изъ его эпиграммъ были до сего времени извѣстны на Нѣмецкомъ языкѣ. Самъ Лессингъ перевелъ нѣкоторыя, не упоминая Марціанова имени.»—Еще при жизни Геснеровой началъ онъ перекладывать въ стихи его Идилліи. «Я подражаю Сократу—писалъ онъ къ Автору, своему другу—который въ старости своей перелагалъ въ стихи Езоповы басни.» Искусные Критики не довольны трудомъ его. Легкость и простота Геснерова языкъ, говорятъ они, пропадаетъ въ экзаметрахъ. Къ тому же въ Идилліяхъ Швейцарскаго Теокрита есть какая-то гармонія, которая не уступаетъ гармоніи стиховъ. Но Рамлеръ думаетъ и мнѣ сказалъ, что Геснеровы Идилліи были единственно потому несовершенны, что Авторъ писалъ ихъ не экзаметрами.—Стихи свои, еще въ рукописи, читаетъ онъ одной пріятельницѣ, которая, не будучи ученою, имѣетъ природное нѣжное *чувство изящнаго.* «Иногда, сказалъ онъ мнѣ, я спорю съ нею, когда она находитъ что нибудь противное въ моихъ сочиненіяхъ. *Говорите, что хотите,* отвѣчаетъ она: *я не могу опровергать васъ, но я остаюсь при своемъ чувствѣ.* Наконецъ, подумавъ хорошенько, нахожу, что она права и виноюсь передъ нею».—Мнѣ пришла на мысль

Аспазія, которой Аѳинскіе пѣвцы отдавали на судъ свои творенія; ушамъ ея вѣрили они болѣе, нежели своимъ—и я думаю, что женщины вообще могутъ чувствовать нѣкоторыя красоты Поэзіи живѣе мущинъ. — Рамлеръ возстаетъ противъ Греческихъ миѳологическихъ именъ, которыя Графъ Штолбергъ, Фосъ и другіе удерживали въ своихъ переводахъ. Мы уже привыкли къ Латинскимъ, говоритъ онъ: на что переучивать насъ безъ всякой нужды?—Онъ очень любитъ Театръ, и все, что я слышалъ отъ него объ искусствѣ представленія, мнѣ очень полюбилось. Славный Экгофъ утверждалъ, что Актеру не надобно чувствовать для того, чтобы хорошо играть; естьли не ошибаюсь, то и Энгель въ своей Мимикѣ то же говоритъ: но Рамлеръ думаетъ противное, и кажется, справедливѣе ихъ. Въ разговорѣ о Лейпцигскихъ Ученыхъ упомянулъ я о Вейсѣ. «Вейсе лучшій другъ мой», сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на стѣнѣ портретъ его.—Наконецъ я простился съ нимъ, и онъ на память подарилъ мнѣ Оду, сочиненную имъ нынѣшнему Королю, или, лучше сказать, кантатъ, выбранный изъ псалмовъ. Рамлеръ высокъ, худощавъ, долгоносъ; говоритъ отборно и протяжно.

Нынѣ представляли Донъ Карлоса, Шиллерову Трагедію. Несчастная любовь Принца къ его мачихѣ Елисаветѣ, которая прежде была его невѣстою, есть содержаніе сей Трагедіи. Характеръ Короля Филиппа II, о которомъ Исторія говоритъ столько худаго и добраго; который, для истребленія ереси, проливалъ кровь человѣческую, но услышавъ о погибели флота своего, разсѣяннаго вѣтромъ и разбитаго Ан-

гличанами, равнодушно сказалъ: *Я послалъ его противъ Англичанъ, а не противъ вѣтровъ: буди воля Божія!* и сіе нещастіе перенесъ съ твердостію Героя—сей характеръ изображенъ съ великимъ искусствомъ. Благородный и пылкій Донъ Карлосъ трогаетъ зрителя до глубины сердца. Великодушный Маркизъ Поза, другъ Принцовъ, пробуждающій въ немъ ревность къ добродѣтели и къ героическимъ дѣламъ, которую усыпила нещастная страсть, представленъ Авторомъ въ примѣръ истинно-великаго мужа. Есть трогательныя и ужасныя сцены.—Короля игралъ Флекъ, и я еще болѣе увѣрился въ томъ, что онъ великой Актеръ. Маттаушъ, молодой человѣкъ, представлявшій Донъ Карлоса, довольно хорошо выражалъ живость и пылкость Принцова характера. Къ тому же онъ очень не дуренъ собою, Что принадлежитъ до роли Маркиза Позы, то Унцельманъ игралъ ее какъ-то очень бездушно. Ему гораздо свойственнѣе представлять въ *Ненависти къ людямъ* стараго Генерала, который отъ скуки бьетъ мухъ, нежели важнаго Маркиза Позу. Ролю Королевы играла очень слабо какая-то молодая Актриса. Гж. Унцельманъ трогательно представляла молодую принцессу, влюбленную въ Принца.—Сія Трагедія есть одна изъ лучшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ піесъ, и вообще прекрасна. Авторъ пишетъ въ Шекспировомъ духѣ. Есть только слишкомъ фигурныя выраженія (такъ какъ и у самаго Шекспира), которыя хотя и показываютъ остроуміе Автора, однакожъ въ Драмѣ не у мѣста.

—

Берлинъ, Іюля 6.

Веди меня къ Морицу, сказалъ я нынѣ поутру наемному своему лакею. — «А кто этотъ Морицъ?»—Кто? Филиппъ Морицъ, Авторъ, Философъ, Педагогъ, Психологъ. — «Постойте, постойте! Вы мнѣ много насказали; надобно поискать его въ календарѣ подъ какимъ нибудь однимъ именемъ. И такъ *(вынувъ изъ кармана книгу)* и такъ онъ Философъ, говорите вы? Посмотримъ».—Простодушіе сего добраго человѣка, который съ важностію переворачивалъ листы въ своемъ всезаключающемъ календарѣ, и непремѣнно хотѣлъ найти въ немъ роспись Философовъ, заставило меня смѣяться. Посмотри его лучше между Профессорами — сказалъ я— пока еще число любителей мудрости не извѣстно въ Берлинѣ. — *Карлъ Филиппъ Морицъ живетъ въ*—Пойдемъ же къ нему».

Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, прочитавъ его Anton Reiser, весьма любопытную психологическую книгу, въ которой описываетъ онъ собственныя свои приключенія, мысли, чувства и развитіе душевныхъ своихъ способностей, Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser, предпочитаю я всѣмъ систематическимъ Психологіямъ на свѣтѣ.

Человѣку съ живымъ чувствомъ и съ любопытнымъ духомъ трудно ужиться на одномъ мѣстѣ; неограниченная дѣятельность души его требуетъ всегда новыхъ предметовъ, новой пищи. Такимъ образомъ Морицъ, накопивъ отъ Профессорскаго дохода своего нѣсколько луидоровъ, ѣздилъ въ Англію, а потомъ въ Италію, собирать новыя идеи и новыя чувства. По-

дробное и, можно сказать, оригинальное описаніе перваго путешествія его, которое издалъ онъ подъ титуломъ Reisen eines Deutschen in England, читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. О путешествія его по Италіи, откуда онъ недавно возвратился, Нѣмецкая Публика еще ничего не знаетъ.

Я представлялъ себѣ Морица—не знаю, почему — старикомъ; но какъ же удивился, нашедши въ немъ еще молодаго человѣка лѣтъ въ тридцать, съ румянымъ и свѣжимъ лицомъ!— «Вы еще такъ молоды, сказалъ я, а успѣли уже написать столько прекраснаго!» Онъ улыбнулся.—Я пробылъ у него часъ, въ которой мы перебрали довольно разныхъ матерій.

«Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ путешествовать, говоритъ Морицъ. Всѣ идеи, которыя мы получаемъ изъ книгъ, можно назвать мертвыми въ сравненіи съ идеями очевидца.—Кто хочетъ видѣть просвѣщенный народъ, который посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей степени утонченія въ жизни, тому надобно ѣхать въ Англію; кто хочетъ имѣть надлежащее понятіе о Древнихъ, тотъ долженъ видѣть Италію». — Онъ спрашивалъ меня о нашемъ языкѣ, о нашей Литтературѣ. Я долженъ былъ прочесть ему нѣсколько стиховъ разной мѣры, которыхъ гармонія казалась ему довольно пріятною. «Можетъ быть придетъ такое время, сказалъ онъ, въ которое мы будемъ учиться и Русскому языку; но для этого надобно вамъ написать что нибудь превосходное». Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ у меня изъ сердца. Всѣмъ новымъ языкамъ предпочитаетъ онъ Нѣмецкой, говоря, что ни въ которомъ изъ нихъ нѣтъ столько

значительныхъ словъ, какъ въ семъ послѣднемъ. Надобно сказать, что Морицъ есть одинъ изъ первыхъ знатоковъ Нѣмецкаго языка, и что, можетъ быть, никто еще не разбиралъ его такъ философически, какъ онъ. Весьма любопытны небольшія его піесы Über die Sprache in psychologischer Rücksicht, которыя сообщаетъ онъ въ своемъ Психологическомъ Магазинѣ. — «Намъ должно всегда *соединенными силами* искать истины, говоритъ онъ: она укрывается отъ *уединеннаго* искателя, и *утомленному* Философу часто призракъ истины кажется истиною». Морицъ въ ссорѣ съ Кампе, славнымъ Нѣмецкимъ Педагогомъ, который въ Вѣдомостяхъ разбранилъ его за то, что онъ вышелъ изъ связи съ нимъ, и не захотѣлъ болѣе печатать своихъ сочиненій въ его типографіи. «Я хотѣлъ отвѣчать ему въ такомъ же тонѣ, сказалъ Морицъ, и написалъ было уже листа два; однакожъ одумался, бросилъ въ огонь написанное, и хладнокровно предложилъ Публикѣ свое оправданіе». — Странные вы люди! думалъ я: вамъ нельзя ужиться въ мирѣ. Нѣтъ почти ни одного извѣстнаго Автора въ Германіи, который бы съ кѣмъ нибудь не имѣлъ публичной ссоры; и Публика читаетъ съ удовольствіемъ бранныя ихъ сочиненія!—Adieu, Г. Профессоръ!

Я хотѣлъ было видѣть Энгеля, сочинителя *Свѣтскаго Философа* и *Мимики;* но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома. Послѣ обѣда былъ на фарфоровой фабрикѣ, которая, по чистотѣ и твердости фарфора, есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Мнѣ показывали множество прекрасныхъ вещей, въ которыхъ надобно удивляться искусству рукъ человѣческихъ.

Въ Театрѣ представляли нынѣ Шредерову Familiengemählde — піесу, которая не сдѣлала во мнѣ никакого пріятнаго впечатлѣнія, можетъ быть отъ того, что ее худо играли — и Оперу *Два охотника*. Въ послѣдней ролю дѣвки молошницы играла та Актриса, которая въ Донъ-Карлосѣ представляла Королеву: какое превращеніе! Однакожь дѣвку молошницу играетъ она лучше, нежели Королеву.

—

Берлинъ, Іюля 7.

Нравственность здѣшнихъ жителей прославлена отчасти съ худой стороны. Г. Ц* называетъ Берлинъ Содомомъ и Гоморомъ; однакожь Берлинъ еще не провалился, и Небесный гнѣвъ не обращаетъ его въ пепелъ. Въ самомъ дѣлѣ Г. Ц*, писавъ это, забылъ, что во всѣхъ семьяхъ бываютъ уроды, и что по симъ уродамъ нельзя заключать о всей семьѣ. Мудрено и людямъ считаться между собою въ добродѣтеляхъ или порокахъ, а городамъ еще мудренѣе.—Однимъ словомъ, естьли бы Г. Лейбъ-Медикъ и Кавалеръ былъ непристрастенъ; естьли бы *нѣкоторые* люди въ Берлинѣ не зацѣпили его за живое, то бы онъ конечно не заговорилъ такимъ не-философскимъ для Космополита и Филантропа оскорбительнымъ языкомъ.

Говорятъ, что въ Берлинѣ много распутныхъ женщинъ; но естьли бы Правительство не терпѣло ихъ, то оказалось бы, можетъ быть, болѣе распутства въ семействахъ—или надлежало бы выслать изъ Берлина тысячи солдатъ, множество холостыхъ, праздныхъ людей, которые конечно не по Руссовой системѣ воспитаны, и ко-

торые по своему состоянію не могутъ жениться.

Мнѣ сказывали, что однажды ввечеру въ звѣринцѣ развращенныя Берлинскія Вакханты какъ Фуріи бросились на одного нещастнаго Орфея, который уединенно гулялъ въ темнотѣ алей; отняли у него деньги, часы, и сорвали бы съ него самое платье, естьли бы подошедшіе люди не принудили ихъ разбѣжаться. Но когда бы разсказали мнѣ и тысячу такихъ анекдотовъ, то я все не предалъ бы анаѳемѣ такого прекраснаго города, какъ Берлинъ.

Въ похвалу Берлинскихъ гражданъ говорятъ, что они трудолюбивы, и что самые богатые и знатные люди не расточаютъ денегъ на суетную роскошь, и соблюдаютъ строгую экономію въ столѣ, платьѣ, экипажѣ и проч. Я видѣлъ старика Ф** ѣдущаго верхомъ на такой лошади, на которой бы, можетъ быть, и я постыдился ѣхать по городу, и въ такомъ кафтанѣ, которой сшитъ конечно въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Нынѣшній Король живетъ пышнѣе своего предшественника; однакожь окружающіе его держатся по большей части старины.—Въ публичныхъ собраніяхъ бываетъ много хорошо одѣтыхъ молодыхъ людей; въ уборѣ Дамъ видѣнъ вкусъ.

Берлинъ, Іюля 8.

Естьли бы изъ народной брани можно было заключать о народномъ характерѣ, то бы изъ schwer Noth *), любимаго Нѣмецкаго слова, путешественникъ заключилъ, что въ Нѣмцахъ

*) Т. е. падучая болѣзнь.

много желчи; но что бы тогда должно было заключить изъ любимой брани нашего народа?

Здѣсь стоятъ на улицахъ наемныя кареты, такъ какъ у насъ извощичьи дрожки или сани. За восемь грошей—что по нынѣшнему курсу составитъ 40 копѣекъ — можно ѣхать въ городѣ куда угодно, только въ одно мѣсто. Карета и лошади очень изрядны.

Справедливо говорятъ, что путешественнику надобно всегда останавливаться въ первыхъ трактирахъ, не только для лучшей услуги, но и для самой экономіи. Тамъ есть всему опредѣленная цѣна, и лишняго ни съ кого не потребуютъ, а въ худыхъ трактирахъ стараются взять съ васъ какъ можно болѣе, если примѣтятъ, что въ кошелькѣ вашемъ есть золото. У Г. Блума плачу я за обѣдъ, который состоитъ изъ четырехъ блюдъ, 80 коп., за порцію кофе 15 коп., а за комнату въ день 50 коп. Наемный лакей всегда благодарилъ меня, когда я давалъ ему въ день полтину.

Нынѣ счелъ я, что дорога отъ Кенигсберга стоитъ мнѣ не болѣе пятнадцати червонныхъ. На ординарной почтѣ платятъ за милю 6 грошей или 30 копѣекъ; сверхъ того надобно давать постилліонамъ на вино.

За двѣ мили отъ Дрездена,
10 Іюля, 1789.

И такъ вашъ другъ уже въ Саксоніи!—Осьмаго числа отправилъ я къ вамъ свой пакетъ изъ Берлина, и думалъ еще пробыть тамъ по *крайней* мѣрѣ недѣлю; но l'homme propose, Dieu

dispose. Въ тотъ же вечеръ стало мнѣ такъ грустно, что я не зналъ, куда дѣваться. Бродилъ по городу, нахлобучивъ себѣ на глаза шляпу, и тростью своею считалъ по мостовой камни; но грусть въ сердцѣ моемъ не утихала. Прошелъ въ звѣринецъ, переходилъ изъ алеи въ алею, но мнѣ все было грустно. Что же дѣлать? спросилъ я самъ у себя, остановясь въ концѣ длинной липовой алеи, приподнявъ шляпу и взглянувъ на солнце, которое въ тихомъ великолѣпіи сіяло на западѣ. Минуты двѣ искалъ я отвѣта на лазоревомъ небѣ и въ душѣ своей; въ третью нашелъ его—сказалъ: *поѣдемъ дальше!* и тростью своею провелъ на пескѣ длинную змѣйку, подобную той, которую въ *Тристрамѣ Шанди* начертилъ Капралъ Тримъ (vol. vi, chap. xxiv), говоря о пріятностяхъ свободы. Чувства наши были конечно сходны. Такъ, добродушный Тримъ! nothing cad be so sweet as liberty*) думалъ я, возвращаясь скорыми шагами въ городъ; и кто еще не запертъ въ клѣтку—кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь—тотъ можетъ еще наслаждаться бытіемъ своимъ, и можетъ быть щастливъ, и долженъ быть щастливъ.

И такъ, не дожидаясь торжественнаго собранія Берлинской Академіи, рѣшился я на другой день ѣхать. Мнѣ надлежало бы еще побывать у Гр. К*, которая звала меня къ себѣ черезъ Господина М*; однакожь и это не могло меня остановить. — Вечеръ провелъ я очень пріятно съ любезнымъ Д*, а на другой день по утру, уклавъ свой чемоданъ и расплатясь съ Госпо-

*) Т. е. ничего не можетъ быть пріятнѣе свободы.

диномъ Блумомъ, отправился въ Саксонію—на ординарной почтѣ, въ открытой коляскѣ, съ двумя Студентами и однимъ молодымъ Лейпцигскимъ купцомъ.

Съ другой перемѣны поѣхалъ я на такъ называемой экстренной почтѣ. Въ проклятой Нѣмецкой фурѣ такъ растрясло меня, что и теперь чувствую боль въ груди. Сверхъ того остался у меня на щекѣ рубецъ, и я долженъ еще благодарить Судьбу, что глаза мои цѣлы. Надобно знать, что дорога къ Саксонскимъ границамъ идетъ по большой части лѣсомъ; а какъ почтовая коляска открыта и очень высока, то сидящіе въ ней безпрестанно должны нагибаться, чтобы не удариться головою объ дерево. Ввечеру я задремалъ и схватилъ отъ какого-то вѣтьвистаго дерева такую пощечину, что у меня искры изъ глазъ посыпались. Все это вмѣстѣ заставило меня проститься съ веселыми Студентами.

Экстренная почта стоитъ почти вчетверо дороже ординарной. Мнѣ даютъ пару лошадей съ коляскою, и берутъ съ меня за милю по талеру (120 коп).

Саксонскіе постилліоны отмѣнны отъ Прусскихъ только цвѣтомъ своихъ кафтановъ (на послѣднихъ синіе съ краснымъ воротникомъ, а на первыхъ желтые съ голубымъ); впрочемъ они также жалѣютъ своихъ лошадей, также любятъ пить въ корчмахъ и также грубы.

Дороги въ Саксоніи очень дурны, и отъ Берлина до сего мѣста не встрѣчалось глазамъ моимъ ни одного пріятнаго вида; только земля здѣсь, кажется, лучше обработана, нежели въ *Бранденбургѣ.* По крайней мѣрѣ извѣстно то,

что Саксонскіе земледѣльцы вообще гораздо богатѣе Прусскихъ.

Я долженъ описать вамъ одну встрѣчу, которая оставила во мнѣ пріятныя впечатлѣнія.

Въ мѣстечкѣ или въ маленькомъ городкѣ, гдѣ я нынѣ въ полдень перемѣнялъ лошадей, Почтмейстеръ не отправлялъ меня очень долго. Я прохаживался по двору, и думалъ—не знаю, о чемъ. Знаю только, что стукъ коляски, подъѣхавшей къ крыльцу почтоваго дома, перервалъ нить моихъ мыслей. Я взошелъ на крыльцо, и увидѣлъ молодую, прекрасную, нѣжную, бѣлокурую женщину,—въ маленькой черной шляпкѣ, въ Амазонскомъ зеленомъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ,—вышедшую изъ коляски съ пожилымъ, горбатымъ, долгоносымъ мущиною, котораго изображеніе было бы не послѣднею піесою между Гогардскими каррикатурами. Онъ подалъ ей руку, и когда они проходили мимо меня, я снялъ шляпу, и поклонился красавицѣ, — правда, не очень низко, для того, чтобы ни на секунду не выпустить изъ глазъ прелестей лица ея. Надобно думать, что взоръ мой стоилъ комплимента: на меня взглянули умильно, и даже ласково! Почтмейстеръ встрѣтилъ гостей въ сѣняхъ, отвелъ имъ комнату, и самъ побѣжалъ за ключевою водою, въ которой имѣла нужду красавица для освѣженія своихъ прелестей. Дверь затворилась, и я остался одинъ въ сѣняхъ. Но развѣ эта дверь не отворяется! вздумалъ я, и тихонько отворилъ ее. Красавица стояла передъ зеркаломъ, и бѣлымъ платкомъ отирала пыль съ бѣлаго лица своего; а сопутникъ ея сидѣлъ на креслахъ и зѣвалъ. «Извините, сказалъ я: у меня здѣсь осталась

книга». Горбатый кавалеръ кивнулъ головою, и указалъ мнѣ книгу мою, которая лежала на столѣ. Красавица отворотилась отъ зеркала, и взглянула на меня такими быстрыми проницательными глазами, что я вѣрно бы закраснѣлся, естьли бы у меня что нибудь дурное было на мысли; но я съ спокойствіемъ невинности смотрѣлъ на ея прекрасные голубые глаза, на ея правильный Греческой носъ, на ея розовыя губы и щеки, и любовался прелестями ея такъ, какъ молодой ваятель любуется Микель-Анджеловою статуею, или живописецъ Рафаэлевою картиною.—Красавица сѣла, а я стоялъ противъ нее, и все еще не бралъ своей книги. «День очень жарокъ,»—сказала она пріятнымъ голосомъ, взглянувъ на своего сопутника и на меня. Онъ зѣвнулъ, а я повторилъ ея слова: «день очень жарокъ.»Тутъ послѣдовало молчаніе. Зная, что женщины въ *рѣшительныхъ* случаяхъ жизни никогда не говорятъ перваго слова, я спросилъ наконецъ: «не въ Дрезденъ ли вы ѣдете, сударыня»?—«Нѣтъ, отвѣчала она: мы ѣдемъ въ деревню къ своему пріятелю. А вы конечно сами въ Дрезденъ ѣдете?—Такъ, сударыня: я надѣюсь быть тамъ завтра очень рано.—«Вы конечно иностранецъ, естьли смѣю спросить?»—Такъ, сударыня.—«Конечно, англичанинъ? Потому что англичане хорошо говорятъ по-нѣмецки».—Извините, сударыня: я москвитянинъ.—«Москвитянинъ? Ахъ, Боже мой! Я еще отъ роду не видывала москвитянъ».—А я видалъ, сказалъ горбатый кавалеръ, и началъ снова зѣвать.—«Да скажите пожалуйста, какъ вы къ намъ заѣхали?»—Изъ любопытства, сударыня.—«Надобно, чтобы вы были очень любопытны. Вѣдь

вы конечно оставили въ отечествѣ своемъ много любезнаго?» — Много, сударыня, много: я оставилъ отечество и друзей.—Не знаю, до чего бы мы съ нею договорились, естьли бы не пришелъ Почтмейстеръ съ водою, и не сказалъ мнѣ, что коляска моя готова. Я низко поклонился красавицѣ, а она пожелала мнѣ щастливаго пути. — «И только?» — Чтожъ дѣлать! Не хочу лгать.

Прекрасный лужекъ, прекрасная рощица, прекрасная женщина — однимъ словомъ, все прекрасное меня радуетъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ не находилъ его. Образъ милой Саксонки остался въ моихъ мысляхъ, къ украшенію картинной галлереи моего воображенія. — На сей послѣдней перемѣнѣ я рѣшился ночевать. Теперь бьетъ 10 часовъ. Въ четыре меня разбудять.

—

Дрезденъ, 12 Іюля.

Утро было прекрасное; птички пѣли, и молодые олени играли на дорогѣ. Тутъ вдругъ открылся мнѣ Дрезденъ, на большой долинѣ, по которой течетъ кроткая Эльба. Зеленые холмы на одной сторонѣ рѣки, и величественный городъ, и обширная плодоносная долина, составляютъ великолѣпный видъ.—Съ пріятными чувствами въѣхалъ я въ Дрезденъ, и при первомъ взглядѣ показался онъ мнѣ огромнѣе самаго Берлина.

Я остановился въ трактирѣ на почтовомъ дворѣ, и, одѣвшись, пошелъ къ Господину П*, къ которому было у меня письмо изъ Москвы. Онъ принялъ меня очень ласково, и вызвался-

было доставить мнѣ пріятныя знакомства въ Дрезденѣ; но какъ я пробуду здѣсь не болѣе трехъ дней, и слѣдственно не буду имѣть времени пользоваться знакомствами, то мнѣ оставалось только благодарить его за добрую волю. Мы пошли съ нимъ ходить по городу.

Дрезденъ едва ли уступаетъ Берлину въ огромности домовъ; но только улицы здѣсь гораздо тѣснѣе. Жителей считается въ Дрезденѣ около 35,000: очень немного по обширности города и величинѣ домовъ! Правда, что на улицахъ и немного людей встрѣчается; и на рѣдкомъ домѣ не прибито объявленія объ отдачѣ въ наемъ комнатъ. За двѣ или за три порядочно убранныя горницы платятъ здѣсь въ мѣсяцъ не болѣе семи или осьми талеровъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города видны еще слѣды опустошенія, произведеннаго въ Дрезденѣ прусскими ядрами въ 1760 году. — Съ часъ стоялъ я на мосту, соединяющемъ такъ называемый *Новый городъ* съ Дрезденомъ, и не могъ насытиться разсматриваніемъ пріятной картины, которую образуютъ обѣ части города и прекрасные берега Эльбы.—Сей мостъ, длиною въ 670 шаговъ, считается лучшимъ въ Германіи; на обѣихъ сторонахъ сдѣланы ходы для пѣшихъ и мѣста для отдохновенія.

Господинъ П* хотѣлъ, чтобы я у него обѣдалъ. Вы увидите мое семейство, сказалъ онъ. Насъ встрѣтила женщина лѣтъ въ сорокъ, почтеннаго вида, и молодая дѣвушка лѣтъ въ двадцать, не прекрасная, но миловидная и нѣжная. Вотъ все мое семейство! сказалъ мнѣ Господинъ П* — и я поцѣловалъ руку у той и другой. Обѣдъ былъ самый умѣренный, одна-

кожъ и не голодный. Хозяинъ и хозяйка разспрашивали меня о Россіи, и вопросы ихъ были такъ умны, что отвѣты не приводили меня въ затрудненіе. Господинъ П*, хотя и не есть Ученый, однакожъ много читалъ; и за бутылкою стараго Реинскаго вина, которую принесла намъ сама хозяйка, говорилъ съ великимъ жаромъ о твореніяхъ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ Поэтовъ. Миловидная Шарлотта по большей части молчала, но взоры и улыбки ея были краснорѣчивы. Послѣ обѣда она играла на клавесинѣ, хотя въ Нѣмецкомъ вкусѣ, однакожъ не безъ пріятности. — Отъ нихъ пошелъ я въ славную картинную галлерею, которая почитается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ тамъ три часа, но на многія картины не успѣлъ и глазъ оборотить; не три часа, а нѣсколько мѣсяцевъ надобно, чтобы хорошенько осмотрѣть сію галлерею. Я разсматривалъ со вниманіемъ Рафаэлеву *) Марію (которая дер-

*) Рафаэль, глава Римской школы, признанъ единогласно первымъ въ своемъ искусствѣ. Никто изъ живописцевъ не вникалъ столько въ красоты антиковъ, никто не учился Анатомія съ такою прилежностію, какъ Рафаэль—и потому никто не могъ превзойти его въ рисовкѣ. Но знанія, которыя симъ средствомъ пріобрѣлъ онъ въ формѣ человѣческой, не сдѣлали бы его такимъ великимъ живописцемъ, естьли бы Натура не одарила его творческимъ духомъ, безъ котораго живописецъ есть не что иное, какъ бѣдный копистъ. Небесный огонь оживляетъ черты кисти его, когда онъ изображаетъ Божество; въ чертахъ Героевъ его видно непобѣдимое мужество; въ образѣ Венеры или Роксаны умѣлъ онъ соединить всѣ женскія прелести, а въ образѣ Маріи красоту, невинность и святость. Лица тирановъ, имъ изображенныя, приводятъ въ ужасъ; въ лицахъ Мучениковъ

житъ на рукахъ младенца, и передъ которою стоятъ на колѣняхъ Св. Сикстусъ и Варвара); Корреджіеву *) *ночь*, о которой столько писано и говорено было, и въ которой наиболѣе удивляются смѣси свѣта съ тьмою; Микель-Анджe-

---

его надобно удивляться живымъ чертамъ небеснаго терпѣнія. — Правда, что картины его неравной цѣны; послѣднія несравненно превосходнѣе первыхъ. Преображеніе Христово считается лучшимъ его произведеніемъ. — Сей великій художникъ скончалъ жизнь свою преждевременно, отъ чрезмѣрной склонности къ женскому полу, склонности, которая вовлекла его въ распутство. Онъ родился въ Урбино въ 1483, а умеръ въ Римѣ въ 1520 году.

*) Корреджіо, первый Ломбардскій живописецъ, почти безъ всякаго руководства достигъ до высочайшей степени совершенства въ своемъ искусствѣ, не выѣзжалъ никогда изъ своего отечества, и не видавъ почти никакихъ хорошихъ картинъ, ни антиковъ. Кисть его ставится въ примѣръ нѣжности и пріятности. Рисовка не совсѣмъ правильна, однакожь искусна; головы прекрасны, а краски несравненны. Нагое тѣло писалъ онъ весьма живо, а лица его говорятъ. Однимъ словомъ, картины его отмѣнно милы даже и для незнатоковъ; и естьли бы Корреджіо видѣлъ всѣ прекрасныя творенія искусства въ Римѣ и въ Венеціи, то превзошелъ бы, можетъ быть, самаго Рафаэля. — Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности, былъ скроменъ, доволенъ малымъ и человѣколюбивъ. Причина его смерти достойна замѣчанія. Продавъ въ Пармѣ одну картину свою, взялъ онъ за нее мѣшокъ мѣдныхъ денегъ и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ въ Корреджіо. День былъ жарокъ, и ему надлежало перейти четыре мили. Радуясь тому, что полученными деньгами можетъ на нѣкоторое время вывести изъ нужды семейство свое, не чувствовалъ онъ усталости; но пришедши домой занемогъ горячкою, которая черезъ нѣсколько дней прекратила жизнь его. Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

лову *) картину, представляющую осужденнаго на смерть человѣка, и вдали городъ; картины Юлія Романа **); Пана, который учитъ на флейтѣ

---

*) Микель-Анджело былъ великой Архитекторъ, живописецъ и рѣщикъ. Построенный имъ куполъ церкви Св. Петра служитъ доказательствомъ искусства его въ Архитектурѣ. Что принадлежитъ до картинъ его, то онѣ не столько пріятны, сколько удивительны: для того что онъ всегда хотѣлъ представлять трудное и чрезвычайное. Зная хорошо Анатомію, старался онъ слишкомъ сильно означать мускулы въ своихъ фигурахъ; а тѣло писалъ всегда кирпичнаго цвѣта. Но естьли Микель-Анджело не первый живописецъ по своей кисти, то едва ли кто нибудь превзошелъ его въ рисовкѣ.— Въ Скульптурѣ былъ онъ, кажется, еще искуснѣе. Его Купидонъ, Бахусъ и молодой Сатиръ, считаются лучшими твореніями сего художества. — Микель-Анджело былъ остроуменъ. Когда Папа Юлій спросилъ у него съ неудовольствіемъ, для чего онъ въ писанныхъ имъ картинахъ изъ Ветхаго завѣта не употребилъ золота, по примѣру старинныхъ живописцевъ, то онъ съ покорнымъ видомъ отвѣчалъ, что святые мужи, имъ изображенные, считали блескъ одежды за ложное украшеніе человѣка. Желая дать знать Рафаэлю, что онъ видѣлъ въ Фарнезскихъ палатахъ картину его, Галатею, начертилъ онъ углемъ на стѣнѣ Фаунову голову, которую и нынѣ тамъ показываютъ. Рафаэль, увидѣвъ ее, сказалъ, что никто, кромѣ Микеля-Анджело, не могъ начертить такой головы. — Показывая Микель - Анджелову картину Распятія Христова, разсказываютъ всегда, будто бы онъ, желая естественнѣе представить умирающаго Спасителя, умертвилъ человѣка, который служилъ ему моделью; но анекдотъ сей совсѣмъ невѣроятенъ. — Онъ родился въ 1474, а умеръ въ 1564 году.

**) Юлій Романъ, лучшій Рафаэлевъ ученикъ, имѣлъ плодотворное воображеніе, и былъ весьма искусенъ въ рисовкѣ. Всѣ фигуры его вообще очень хороши. Только жаль, что онъ слѣдовалъ антикамъ болѣе нежели Натурѣ! Можно сказать, что рисунки его слишкомъ правильны, и отъ того всѣ его

молодаго пастуха; играющую Цецилію окруженную Святыми, и проч.—Веронезовы *): Воскресеніе, похищеніе Европы, и проч.—Караччіевы **) Генія славы, летящаго по воздуху; Марію со Младенцемъ, Матѳеемъ и Іоанномъ, и проч.—Тинторетовы ***): Аполлона съ Музами, паденіе Анге-

---

лица слишкомъ единообразны. Тѣло онъ писалъ кирпичнаго цвѣта, такъ какъ Микель-Анджело, и краски его вообще темны. Онъ родился въ 1492, а умеръ въ 1546 году.

*) Картины Павла Веронеза превосходны по живости и пріятности фигуръ и по свѣжести красокъ. Натура была образцомъ его; однакожь, какъ великой художникъ, умѣлъ онъ исправлять ея недостатки.— Между прочимъ разсказываютъ объ немъ слѣдующій анекдотъ. Однажды въ окрестностяхъ Венеціи, застала его на дорогѣ буря съ дождемъ, и онъ принужденъ былъ требовать убѣжища въ загородномъ домѣ Прокуратора Пизани, который принялъ его такъ ласково и дружелюбно, что живописецъ не могъ выѣхать отъ него нѣсколько дней. Въ то время написалъ онъ тихонько Даріеву фамилію (картину, на которой изображено двадцать фигуръ во весь ростъ) и спряталъ ее подъ кровать; а прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ ему, что онъ оставилъ тамъ нѣчто въ знакъ своей благодарности за его угощеніе.—Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

**) Немногіе изъ живописцевъ имѣли такое плодотворное воображеніе, какъ Аннибалъ Караччи, и немногіе превзошли его въ рисовкѣ; а въ послѣднихъ его картинахъ, писанныхъ въ Римѣ, и самыя краски очень хороши. Лучшее произведеніе его кисти есть Фарнезская галлерея въ Римѣ, надъ которою онъ восемь лѣтъ трудился, и за которую заплатили ему весьма худо, для того, что у него было много завистниковъ и непріятелей. Онъ родился въ 1560, а умеръ 1609 году. Его погребли подлѣ Рафаэля, котораго онъ любилъ болѣе всѣхъ живописцевъ.

***) Тинторетъ. Венеціанской живописецъ старался въ своихъ картинахъ соединить вкусъ Микель-Анджело съ Тиціановымъ: т. е. первому подражалъ онъ въ рисункахъ, а вто-

ловъ, и проч. — Бассановы *): Израильской народъ въ пустынѣ, Ноево семейство, и проч. — Джіордановы **): похищеніе Сабинокъ, умирающаго Сократа, Сусанну въ купальнѣ, и проч.— Розовы ***): собственный его портретъ и ландшафтъ съ деревьями, гдѣ сидящій старикъ говоритъ съ двумя стоящими—Пуссеневы ****): Ноево

рому въ краскахъ. (Тиціанъ считается первымъ колористомъ въ свѣтѣ). Картины его весьма неравной цѣны, и потому говорили объ немъ, что онъ пишетъ иногда золотою, иногда серебряною, а иногда желѣзною кистью. Онъ родился въ 1512, а умеръ въ 1594 году.

*) Въ Бассановыхъ картинахъ надобно удивляться живости красокъ; а въ рисовкѣ былъ онъ не весьма искусенъ, подобно всѣмъ Венеціанскихъ живописцамъ. Тѣло писалъ очень живо, а платье не хорошо. Ландшафты его прекрасны.—Онъ родился въ 1570 а умеръ въ 1592 году.

**) Во всѣхъ Джюрдановыхъ картинахъ видна отмѣнная легкость кисти; но какъ онъ писалъ слишкомъ много, то почти всѣ картины его не додѣланы, и вообще рисовка не очень правильна. Главною его моделью былъ Павелъ Веронезъ; но онъ умѣлъ подражать всѣмъ лучшимъ живописцамъ, такъ что самые знатоки иногда обманывались, и принимали его подражаніе за оригиналъ.—Онъ родился въ Неаполѣ въ 1632, а умеръ въ 1705 году.

***) Сальваторъ Роза, Неаполитанской живописецъ, писалъ лучше ландшафты, нежели историческія картины. Фигуры его по большей части неправильны; однакожъ въ нихъ видна смѣлая кисть и отмѣнная живость. Дерева, горы и вообще всякіе виды писалъ онъ прекрасно. Родился въ 1615, а умеръ въ 1673 году.

****) Въ картинахъ Николая Пуссена, славнаго Французскаго живописца, видны высокія мысли и живое выраженіе страстей; рисовка его правильна, но краски не очень хороши. Въ семъ подобенъ онъ Римскимъ живописцамъ, которые вообще не уважаютъ колорита. Ландшафты его прекрасны. Онъ родился въ 1594, а умеръ въ 1663 году.

жертвоприношеніе, ландшафтъ съ двумя сидящими Нимфами и съ Нарциссомъ, который смотрится въ воду, и еще другой, гдѣ спитъ нагая Нимфа, которую разсматриваютъ изъ-за дерева двое мущинъ—Рубенсовы*): сидящую Марію съ Младенцемъ, которому Ангелы подаютъ плоды; Страшный Судъ, Христа спящаго на кораблѣ во время бури, похищеніе Прозерпины, пьянаго Силена съ Нимфами, Венеру съ Адонисомъ, наказываемаго Купидона, котораго одна женщина держитъ на рукахъ, а другая сѣчетъ лозою; Нептуна, укрощающаго море, и проч.—Фанъ Диковы**) изображеніе Королей Карла II и Якова II; Іеронима, у ногъ котораго лежитъ левъ, и проч.—

---

*) Рубенсъ по справедливости называется Фландрскимъ Рафаэлемъ. Какой піитическій духъ виденъ въ его картинахъ! какія богатыя мысли! какое согласіе въ цѣломъ! какія живыя краски, лица, платья! Онъ никакъ не хотѣлъ подражать антикамъ, и писалъ все съ натуры. Къ совершенству его картинъ недостаетъ той правильности въ рисовкѣ, которою славится Римская школа.—Рубенсъ способенъ былъ не только къ живописи, но и къ важнымъ Государственнымъ дѣламъ, и будучи Посланникомъ въ Англіи, умѣлъ согласить Карла I на миръ съ Гишпаніею. Возвратясь во Фландрію, женился онъ на Еленѣ Форманъ, славной красавицѣ, которая часто служила ему моделью. Онъ родился въ 1577, а умеръ 1640 году.

**) Фанъ Дикъ, Рубенсонъ ученикъ, есть конечно первый портретный живописецъ въ свѣтѣ. Колоритъ его не уступаетъ Рубенсову; головы и руки писалъ онъ прекрасно. Но для исторической живописи былъ уже не такъ способенъ, для того что не имѣлъ Рубенсова піитическаго духа. Король Карлъ I призвалъ его въ Англію, гдѣ онъ могъ бы обогатиться отъ своей работы, есть ли бы жилъ умѣреннѣе и не прилѣпился къ Алхиміи. Онъ родился въ 1599, а умеръ въ *1641 году*.

и наконецъ, Менгсовы, которыхъ очень много. Между прочими картинами есть прекрасныя перспективы и такія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, что хочется ихъ взять.— Самыя лучшія картины перешли въ Дрезденскую галлерею изъ Моденской, на прим. Корреджіева *ночь*. Августъ III, Польской Король, былъ великой любитель живописи, и не жалѣлъ денегъ на покупку хорошихъ картинъ.

Надзиратель сказывалъ, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ украли изъ галлереи картинъ десять, и притомъ самыхъ лучшихъ; но что, къ счастію, воровъ скоро отыскали, и картины возвратились на прежнее свое мѣсто.—Выходя, вручилъ я Господину надзирателю Голландской червонецъ.

Надобно было еще видѣть, такъ называемую *зеленую кладовую* (das Grüne Gevölbe), или собраніе драгоцѣнныхъ камней, которому въ цѣломъ свѣтѣ едва ли есть подобное; и чтобы взглянуть на этотъ блестящій кабинетъ Саксонскаго Курфирста и послѣ сказать: *я видѣлъ рѣдкость!* надобно заплатить Голландской червонецъ. Мнѣ сказывали, что одинъ знатный Французъ, смотря на камни, сказалъ Курфирсту: *Хорошо, очень хорошо; а что это стоитъ Вашей Свѣтлости?*

Послѣ картинной галлереи и *зеленой кладовой* третія примѣчанія достойная вещь въ Дрезденѣ есть библіотека, и всякой путешественникъ, имѣющій нѣкоторое требованіе на ученость, считаетъ за должность видѣть ее, то есть, взглянуть на ряды переплетенныхъ книгъ и сказать: *какая огромная библіотека!*—Между Греческими манускриптами показываютъ весьма древній списокъ одной Эврипидовой трагедіи, проданной въ биб-

ліотеку бывшимъ Московскимъ Профессоромъ Маттеемъ; за сей манускриптъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, взялъ онъ съ Курфирста около 1500 талеровъ. Спрашивается, гдѣ Г. Маттей досталъ сіи рукописи?

Ввечеру гулялъ я въ саду, который называется Zwinger Garten, и который хотя не великъ, однакожь пріятенъ. Посланника нашего нѣтъ въ Дрезденѣ. Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ.

—

Іюля 12.

Нынѣ поутру вошелъ я въ придворную Католическую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа; благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки Священниковъ—все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторый восхитительный трепетъ. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ Ангельской, и слышу гласы блаженныхъ Духовъ, славословящихъ Неизреченнаго. Ноги мои подогнулись; я сталъ на колѣни и молился отъ всего сердца.

—

Іюля 12, въ 10 часовъ вечера.

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодаго Священника, гдѣ познакомился еще съ Секретаремъ нашего Министра; а оттуда пошелъ одинъ гулять за городъ, въ такъ называемый *большой садъ.* Длинная алея вывела меня на обширный зеленый лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ-за котораго выставляются кровли разсѣянныхъ домиковъ и

шпицы башенъ. На правой сторонѣ поля, обогащенныя плодами, вездѣ вокругъ меня разстилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце кроткими лучами своими освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и—даже плакалъ; что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело!—Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: *любезная Природа!* и болѣе ни слова!! Но едва ли когда нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть щастливыми; и едва ли когда нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей.

А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду воспоминать прошедшее!

—

Мейсенъ, Іюля 13.

Я рѣшилъ нынѣ поутру ѣхать въ Лейпцигъ въ публичной почтовой коляскѣ (которая называется *желтою*, Gelbe Kutsche, для того что обита желтымъ сукномъ). Въ десять часовъ надлежало намъ отправиться. Отдавъ свой чемоданъ Шафнеру (такъ называется въ Саксоніи проводникъ почты), и сказавъ ему, что буду дожидаться коляски на дорогѣ, пошелъ я изъ Дрездена пѣшкомъ въ 9 часовъ утра. Наемный

слуга согласился за нѣсколько грошей быть моимъ путеводителемъ.

Скорыми шагами вышелъ я изъ города; но вышедши, почти на каждомъ шагу останавливался и любовался прекрасною Натурою и плодами трудолюбія. Дорога идетъ вдоль по берегу Эльбы. На лѣвой сторонѣ за рѣкою видны горы, покрытыя частымъ зеленымъ березникомъ и ольхами; а на правой плодоносная равнина съ полями и деревеньками, которую въ отдаленіи ограничиваютъ виноградные сады.

Какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, щастіе и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность. Онѣ чувствуютъ бытіе свое, и наслаждаются имъ! Каждый поселянинъ, идущій по лугу, казался мнѣ благополучнымъ смертнымъ, имѣющимъ съ избыткомъ все то, что потребно человѣку. Онъ здоровъ трудами—думалъ я—веселъ и щастливъ въ часъ отдохновенія, будучи окруженъ мирнымъ семействомъ, сидя подлѣ вѣрной своей жены, и смотря на играющихъ дѣтей. Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются обширностію его полей; цвѣтутъ поля, цвѣтетъ душа его.—Молодая крестьянка съ посошкомъ была для меня Аркадской пастушкою. Она спѣшитъ къ своему пастуху—думалъ я—который ожидаетъ ее подъ тѣнію каштановаго дерева,—тамъ на правой сторонѣ, близь виноградныхъ садовъ. Онъ чувствуетъ электрическое потрясеніе въ сердцѣ, встаетъ и видитъ любезную, которая издали грозитъ ему посошкомъ своимъ. Какъ же бѣжитъ онъ на *встрѣчу къ* ней! Пастушка улыбается; идетъ

скорѣе, скорѣе—и бросается въ отверстыя объятія милаго своего пастуха.—Потомъ видѣлъ я ихъ (разумѣется, мысленно) сидящихъ другъ подлѣ друга въ сѣни каштановаго дерева. Они цѣловались какъ нѣжныя горлицы.

Я сѣлъ на дорогѣ, и дождался почтовой коляски. У меня было довольно товарищей; между прочими Магистеръ, или деревенской Проповѣдникъ, въ рыжемъ парикѣ, и двое молодыхъ Студентовъ, Лейпцигской и Прагской, который сидѣлъ подлѣ меня, и тотчасъ вступилъ со мною въ разговоръ—о чемъ, думаете вы? Непосредственно о Мендельзоновомъ Федонѣ, о душѣ и тѣлѣ. «Федонъ, сказалъ онъ, есть можетъ быть самое *остроумнѣйшее* философическое сочиненіе: однакожь всѣ доказательства безсмертія нашего основываетъ Авторъ на одной гипотезѣ. Много вѣроятности, но нѣтъ увѣренія; и едва ли не тщетно будемъ искать его въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ Философовъ!» — Надобно искать его въ сердцѣ, сказалъ я.—«О! государь мой! возразилъ Студентъ; *сердечное* увѣреніе не есть еще *философическое* увѣреніе; оно не надежно; теперь чувствуете его, а черезъ минуту оно изчезнетъ, и вы не найдете его мѣста. Надобно, чтобы увѣреніе основывалось на доказательствахъ, а доказательства на тѣхъ врожденныхъ понятіяхъ чистаго разума, въ которыхъ заключаются всѣ вѣчныя, необходимыя истины. Сего-то увѣренія ищетъ Метафизикъ въ уединенныхъ сѣняхъ, во мракѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ лампады, забывая сонъ и отдохновеніе.—Ежели бы могли мы узнать точно, что такое есть душа *сама въ себѣ*, то намъ все бы открылось; но» — — —Тутъ вынулъ я изъ за-

писной книжки своей одно письмо добраго Лафатера, и прочиталъ Студенту слѣдующее:

«Глазъ, по своему образованію, не можетъ «смотрѣть на себя безъ зеркала. Мы созерцаем«ся только въ другихъ предметахъ. Чувство бы«тія, личность, душа—все сіе существуетъ един«ственно по тому, что внѣ насъ существуетъ,— «по феноменамъ или явленіямъ, которыя до насъ «касаются». — Прекрасно! сказалъ Студентъ, — прекрасно! Но естьли думаетъ онъ, что «— — Тутъ коляска остановилась; Шафнеръ отворилъ дверцы и сказалъ: «Госпожи и господа! извольте обѣдать».

Мы вошли въ трактиръ, гдѣ уже накрытъ былъ столъ. Намъ подали пивной супъ съ лимономъ, часть жареной телятины, салатъ и масло,—за что взяли послѣ съ каждаго копѣекъ по сороку.

Дорога до самаго Мейсена очень пріятна. Земля вездѣ наилучшимъ образомъ обработана. Виноградные сады, которые сперва видны были въ отдаленіи, подходятъ ближе къ Эльбѣ, и наконецъ, только одна дорога отдѣляетъ ихъ отъ рѣки. Тутъ стоятъ перпендикулярно огромныя гранитныя скалы! Нѣкоторыя изъ нихъ— чего не дѣлаетъ трудолюбіе!—покрыты землею и превращены въ сады, въ которыхъ родится лучшій Саксонскій виноградъ.—На другой сторонѣ Эльбы представляются развалины разбойничьихъ замковъ. Тамъ гнѣздятся нынѣ летучія мыши, свистятъ и воютъ вѣтры.

Одинъ древній Поэтъ сказалъ:

Est locus, Albiacis ubi Misna rigatur ab undis
Fertilis et viridi totus amoenus humo.

Въ этомъ мѣстѣ теперь я.——Мейсенъ лежитъ

частію на горѣ, частію въ долинѣ. Окрестности прекрасны; только городъ самъ по себѣ очень не красивъ. Улицы не ровны и не прямы, домы всѣ готическіе, и показываютъ странный вкусъ прошедшихъ вѣковъ. Главная церковъ есть большое зданіе, почтенное своею древностію. Старый дворецъ возвышается на горѣ. Нѣкогда воспитывались тамъ Герои отъ племени Виттекиндовъ (село славнаго Саксонскаго Князя, который столь храбро защищалъ свободу своего отечества, и котораго Карлъ Великій побѣдилъ не оружіемъ, а великодушіемъ своимъ). Нынѣ въ семъ дворцѣ дѣлаютъ славный Саксонскій фарфоръ. Чтобы видѣть фабрику, надобно выпросить билетъ у главнаго Надзирателя.

Г. Маттей былъ нѣсколько лѣтъ Директоромъ здѣшней школы; но недѣль за шесть передъ симъ оставилъ Мейсенъ и уѣхалъ въ Виттенбергъ. Ему конечно вездѣ дадутъ мѣсто. Онъ считается въ Германіи однимъ изъ лучшихъ Филологовъ.

Надобно садиться въ коляску, и проститься съ перомъ до Лейпцига.

Лейпцигъ, Іюля 14.

Дорога отъ Мейсена идетъ сперва по берегу Эльбы. Рѣка, кроткая и величественная въ своемъ теченіи, журчитъ на правой сторонѣ; а на лѣвой возвышаются скалы, увѣнчанныя зеленымъ кустарникомъ, изъ-за котораго въ разныхъ мѣстахъ показываются сѣдые мшистые камни.

Отъѣхавъ отъ Мейсена съ полмили, вышли мы съ Прагскимъ Студентомъ изъ коляски,

которая ѣхала очень тихо, и версты двѣ шли пѣшкомъ. Послѣ вопроса: женатъ ли я? Студентъ мой началъ говорить о женщинахъ, и притомъ не въ похвалу ихъ. «На гробѣ друга моего—сказалъ онъ—друга, который пошелъ въ землю отъ нещастной любви къ одной вѣтреной, легкомысленной женщинѣ, клялся я удаляться отъ этаго опаснаго для насъ пола, и вѣчно быть холостымъ. Науки занимаютъ всю мою душу—и, благодаря Бога! могу быть щастливъ самъ собою».—Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ я.

Стали находить облака, и мы сѣли опять въ коляску. Тутъ Магистеръ шумѣлъ съ Лейпцигскимъ Студентомъ о теологическихъ истинахъ. Сей послѣдній предлагалъ разныя сомнѣнія. Магистеръ брался все рѣшить; но, по мнѣнія Студента, не рѣшилъ ничего. Это его очень сердило. «Наконецъ я долженъ вспомнить—сказалъ онъ, потирая рукою свой красный лобъ—что нѣкоторые люди совсѣмъ не имѣютъ чувства истины. Головы ихъ можно уподобить бездонному сосуду, въ который ничего влить нельзя; или желѣзному шару, въ который ничто проникнуть не можетъ, и отъ котораго все отпрыгиваетъ»——И такія головы, прервалъ Студентъ, часто, бываютъ покрыты рыжими париками, и торчатъ на каѳедрахъ.—Государь мой! закричалъ Магистеръ, поправивъ свой парикъ: о комъ вы говорите?—О тѣхъ людяхъ, о которыхъ вы сами говорить начали,—спокойно отвѣчалъ Студентъ. Лучше замолчать; сказалъ Магистеръ.—Какъ намъ угодно, отвѣчалъ Студентъ.

Между тѣмъ наступила ночь. Магистеръ снялъ съ себя парикъ, положилъ его подлѣ себя, надѣлъ на голову колпакъ и началъ пѣть вечер-

нія молитвы нестройнымъ, дикимъ голосомъ. Лейпцигской Студентъ тотчасъ присталъ къ нему, и они, какъ добрые ослы, затянули такое *дуо*, что надобно было зажать уши. — Къ щастію, пѣвцы скоро унялись; въ коляскѣ все замолкло, и я заснулъ.

На разсвѣтѣ остановились мы перемѣнять лошадей, и когда стали выходить изъ коляски, чтобы итти въ трактиръ пить кофе, Магистеръ хватился своего парика, искалъ его подлѣ себя и на землѣ, и не могши найти, поднялъ крикъ и вопль: «Куда онъ дѣвался? Какъ мнѣ быть безъ него? какъ я бѣдный покажусь въ городъ?»— Онъ приступилъ къ Шафнеру, и требовалъ, чтобы парикъ его непремѣнно былъ отысканъ. Шафнеръ искалъ и не находилъ. Лейпцигской Студентъ тирански смѣялся надъ горестію бѣднаго Магистра, и наконецъ, какъ будто бы сжалясь надъ нимъ, совѣтовалъ ему поискать у себя въ карманахъ. Чего тутъ искать! сказалъ онъ: однакожь опустилъ руку въ карманъ своего кафтана, и — вытащилъ парикъ. Какая минута для живописца! Магистеръ отъ внезапной радости разинулъ ротъ, держалъ парикъ передъ собою, и не могъ сказать ни одного слова. «Вы ищите за милю того, что у васъ подъ носомъ»—сказалъ ему Шафнеръ съ сердцемъ; но душа Магистрова была въ сію минуту такъ полна, что ничто извнѣ не могло войти въ нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила естьли не мимо ушей его, то по крайней мѣрѣ сквозь ихъ, то есть (сообразно съ Боннетовою гипотезою о происхожденіи идей) не тронувъ въ его мозгу никакой новой или *дѣвственой* фибры (fibre vierge). Конечно [illegible]

минуты продолжалось его безмолвное восхищеніе. Наконецъ онъ засмѣялся, и надѣвая на себя парикъ, увѣрялъ насъ, что онъ Магистеръ не клалъ его въ карманъ; а какъ парикъ зашелъ туда, о томъ вѣдаетъ Сатана и— —Тутъ взглянулъ онъ на Лейпцигскаго Студента и замолчалъ.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній доѣхали мы до Лейпцига.

Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ передъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце! — Но Судьба не хотѣла исполнить моего желанія.

Воображая, *какъ бы* я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и *какъ* я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы въ глазахъ. — Не льзя возвратить потеряннаго!—

Въ 11 часовъ ночи. Я остановился въ трактирѣ у Мемеля противъ почтоваго двора. Комната у меня чиста и свѣтла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, разсказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, заведенномъ въ его домѣ, — о своемъ безкорыстіи, честности и проч. «Всѣ тѣ, которые жили у меня — говорилъ онъ — были мною довольны. Я получаю конечно не много барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава; за то у меня совѣсть чиста и покойна — а у кого покойна совѣсть, тотъ щастливъ въ здѣшней жизни, и ничего не боится, и ни отъ чего *не блѣднѣетъ*».— —Въ самую сію секунду гря-

нулъ громъ, и Г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ я.— «Ничего, отвѣчалъ онъ запинаясь, ничего; только надобно затворить окно, чтобы не было сквознаго вѣтру».

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слыхалъ такой грозы, какая была сегодня. Въ нѣсколько минутъ покрылось небо тучами, заблистала молнія, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло; солнце снова освѣтило небо и землю, и трактирщикъ мой опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну, и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

За ужиномъ познакомился я съ Гм. фонъ-Клейстомъ, который служилъ Прусскому Королю Тайнымъ Совѣтникомъ, но по нѣкоторымъ непріятнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ оставить Пруссію, и который, выгнавъ изъ воображенія своего всѣ призраки льстящей надежды, живетъ здѣсь въ философическомъ спокойствіи, наслаждаясь пріятностію дружбы и обхожденія съ просвѣщеннѣйшими мужами.— Ночь провелъ я въ коляскѣ безпокойно. Теперь глаза мои смыкаются.

—

Іюля 15.

Нынѣ познакомился я съ Гм. Мелли, молодымъ Женевцемъ, къ которому было у меня письмо изъ Петербурга отъ Ш*, Англійскаго купца, и который, принявъ меня учтиво, взялъ на себя продать здѣсь одинъ изъ векселей моихъ, а другой, Голландской, промѣнять на

Французской.—Отъ него зашелъ я въ теологическую Аудиторію; видѣлъ множество присутствующихъ, но мало слушающихъ. Дѣло шло о нѣкоторыхъ Еврейскихъ словахъ — это не мое дѣло — и я, постоявъ у дверей, ушелъ.

Потомъ бродилъ я нѣсколько часовъ изъ улицы въ улицу и вокругъ города, занимаясь мѣстными наблюденіями. Собственно такъ называемый городъ очень не великъ, но съ предмѣстіями, гдѣ много садовъ, занимаетъ уже довольное пространство. Мѣстоположеніе Лейпцига не такъ живописно, какъ Дрездена: онъ лежитъ среди равнинъ — но какъ сіи равнины хорошо обработаны и, такъ сказать, *убраны* полями, садами, рощицами и деревеньками, то взоръ находитъ тутъ довольно разнообразія и не скоро утомляется. Окрестности Дрезденскія прекрасны, а Лейпцигскія милы. Первыя можно уподобить такой женщинѣ, о которой всѣ при первомъ взглядѣ кричатъ: *какая красавица!* а послѣднія такой, которая всѣмъ же нравится, но только *тихо;* которую всѣ же хвалятъ, но только безъ восторга, о которой съ кроткимъ, пріятнымъ движеніемъ души говорятъ: *она миловидна*!

Домы здѣсь такъ же высоки, какъ и въ Дрезденѣ, т. е. по большой части въ четыре этажа; что принадлежитъ до улицъ, то онѣ очень не широки. Хорошо, что здѣсь по городу не ѣздятъ въ каретахъ, и пѣшіе не боятся быть раздавлены.

Я не видалъ еще въ Германіи такого многолюднаго города, какъ Лейпцигъ. Торговля и Университетъ привлекаютъ сюда множество иностранцевъ. —

Послѣ обѣда былъ я у Г. Бека, молодаго но

весьма уважаемаго, по его знаніямъ и талантамъ, Профессора. Я отдалъ ему письмо къ Магистру Р*, который у него жилъ, но котораго здѣсь уже нѣтъ. Г. Бекъ разсказалъ мнѣ, что Р* за нѣсколько времени передъ симъ былъ вызванъ изъ Лейпцига однимъ деревенскимъ Дворяниномъ, съ тѣмъ, чтобъ быть Проповѣдникомъ въ его деревнѣ; но что, пріѣхавъ туда, нашелъ онъ много препятствій со стороны Духовныхъ; что ему надлежало выдержать престрогой экзаменъ, на которомъ старались его разбить и запутать въ словахъ; что онъ, вышедши наконецъ изъ себя, схватилъ шляпу, пожелалъ высокоученымъ своимъ испытателямъ поболѣе любви къ ближнему, ушелъ и скрылся, неизвѣстно куда.

Профессоръ Бекъ есть тихой, скромной человѣкъ, осторожный въ своихъ сужденіяхъ, и говорящій съ великою пріятностію. Отъ него узналъ я о славѣ Анахарсиса, сочиненія Аббата Бартелеми. Лишь только онъ вышелъ въ свѣтъ, всѣ Французскіе Литераторы преклонили колѣни свои, и признали, что древняя Греція, столь для насъ любопытная—Греція, которой удивляемся въ ея развалинахъ и въ малочисленныхъ, до насъ дошедшихъ памятникахъ ея славы—никогда еще не была описана столь совершенно. Геттингенской профессоръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знатоковъ Греческой Литературы и Древностей, рецензировалъ Анахарсиса и въ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ, и прославилъ его въ Германіи. Г. Бекъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего экземпляра.

Никто изъ Лейпцигскихъ Ученыхъ такъ не

славенъ, какъ Докторъ Платнеръ, Эклектической Философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ: который на прим. въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ обоимъ. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метафизикою, тотъ легко можетъ понимать его. *Афоризмы* Платнеровы весьма уважаются, и человѣку, хотящему пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могутъ онѣ служить Аріадниною нитью. Мнѣ хотѣлось его видѣть, и отъ Г. Бека пошелъ я къ нему. Онъ живетъ за городомъ въ саду. Въ алеѣ встрѣтилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказала, что Господинъ Докторъ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ—высокой, сухощавый человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. «Я уже слышалъ объ васъ отъ Г. Клейста»—сказалъ онъ и ввелъ меня въ свой кабинетъ. «Признаюсь вамъ, что я теперь занятъ, продолжалъ онъ: мнѣ надобно писать письма, завтра, въ этотъ часъ, прошу васъ къ себѣ»—и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ. «Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили?» спросилъ онъ. *Изящнымъ,* отвѣчалъ я, и закраснѣлся, — знаю, отъ чего,—можетъ быть и вы, друзья мои, знаете.

Ввечеру я бродилъ по садамъ и по алеямъ. Рихтеровъ садъ великъ и хорошъ. Дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ, лѣтъ двѣнадцати, подала мнѣ при выходѣ букетъ цвѣтовъ. Это мнѣ очень полюбилось. Я изъявилъ ей свою благодарность двумя грошами!!

Въ Вендлеровомъ саду видѣлъ я Геллертовъ монументъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора Профессоромъ Эзеромъ. Тутъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельнаго мужа, дружбою сооруженный, вспомнилъ я то щастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку; когда читая его *Инкле и Ярико*, обливался я горькими слезами, или, читая *зеленаго осла*, смѣялся отъ всего сердца; когда Профессоръ **, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, Мораль по Геллертовымъ лекціямъ (Moralische Vorlesungen), съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои! будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете щастливы!» Воспоминанія растрогали мое сердце. Исторія жизни моей представилась мнѣ въ картинѣ: довольно тѣни! И что еще въ будущемъ ожидаетъ меня?

Я пошелъ изъ сада въ церковь Св. Іоанна, гдѣ поставленъ Геллерту учениками и друзьями его иной памятникъ, представляющій Религію, которая изъ металла вылитый и лаврами увѣнчанный образъ его подаетъ Добродѣтели (прекрасная мысль!). Обѣ статуи сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. Внизу имя его и слѣдующая надпись, сочиненная другомъ его Гейне: «Сему учителю и примѣру добродѣтели и Религіи посвятило сей памятникъ общество друзей его и современниковъ, бывшихъ свидѣтелями его достоинствъ».— Пріятно, восхитительно для всякаго чувствительнаго сердца видѣть такія надписи, и знать, что не лесть, а истина начертала ихъ. Всѣ, знавшіе покойнаго Геллерта, единогласно называли его мужемъ добродѣтельнымъ. Жизнь его была сильнѣйшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ

людей, которые, находя порокъ во всякомъ уголкѣ сердца человѣческаго, считаютъ добродѣтель за одно пустое имя,—и тѣхъ, которые утверждаютъ, что Религія не дѣлаетъ людей лучшими. «Всѣмъ, что есть во мнѣ добраго—говаривалъ покойникъ тысячу разъ друзьямъ своимъ—всѣмъ обязанъ я Христіянству». — Описаніе его жизни заключается сими словами: «Невѣрно то удивленіе и безсмертіе, котораго ожидать могутъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ народовъ перемѣняется со временемъ; но честь его нравственнаго характера нетлѣнна и непреходяща, подобно Религіи и Добродѣтели, которыхъ вѣкъ есть—вѣчность!»

Нѣтъ, Г. Мемель, я не пойду ужинать. Сяду подъ окномъ, буду читать Вейсееву Элегію на смерть Геллерта, Крамерову и Денисову Оду; буду читать, чувствовать и—можетъ быть плакать. Нынѣшній вечеръ посвящу памяти добродѣтельнаго. Онъ здѣсь жилъ и училъ добродѣтели!

—

Іюля 16.

Нынѣ поутру слышалъ я Эстетическую лекцію Доктора Платнера.

Эстетика есть *наука вкуса*. Она трактуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартенъ первый предложилъ ее какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ наукъ, которая—оставляя Логикѣ образованіе высшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка — занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственнаго, т. е. воображенія съ его дѣйствіями. Однимъ словомъ, Эстетика учитъ наслаждаться изящнымъ.

Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что негдѣ было упасть яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Платнеръ говорилъ уже на каѳедрѣ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распространяться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако же не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніи. Геній, сказалъ онъ, не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго — кромѣ Натуры и человѣка въ цѣломъ. И такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ *особливую* способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ вещахъ, и часто видитъ связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ никакой не видитъ, и потому человѣку, котораго взоръ простирается не далеко, кажется бездѣлкою. Лейбницъ, великій Лейбницъ, проѣхалъ всю Германію и Италію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили молью источенныхъ бумагъ, для того, чтобы собрать матеріалы для Исторіи — Брауншвейгскаго Дому! Но проницательный Лейбницъ видѣлъ связь сей Исторіи съ иными предметами, важными для человѣчества вообще.—Наконецъ во всѣхъ дѣлахъ такого человѣка видѣнъ особливый духъ ревности, который, такъ сказать, оживляетъ ихъ и отличаетъ отъ дѣлъ людей обыкновенныхъ. Я вамъ поставлю въ примѣръ Франклина, не какъ Ученаго, но какъ Политика. Видя оскорбляемыя права человѣчества, съ какимъ жаромъ берется онъ быть его ходатаемъ! Съ сей

минуты перестаетъ жить для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества!—Сей же духъ ревности оживляетъ и отличаетъ сочиненія великихъ Геніевъ. Естьли бы можно было извлечь его, на прим., изъ Мендельзоновыхъ Философическихъ Писемъ, или Іерузалемовой книги о Религіи, то въ первыхъ осталось бы одно схоластическое мудрованіе, а во второй обыкновенные догматы Теологіи; но одушевляемыя симъ огнемъ, возвышаютъ онѣ душу читателя».

Платнеръ говоритъ такъ свободно, какъ бы въ своемъ кабинетѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ. Сказываютъ, что Лейпцигскіе Студенты никого изъ Профессоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его.—Когда онъ сошелъ съ каѳедры, то ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей. «Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть—сказалъ онъ мнѣ—а естьли бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ бы приготовить для васъ мѣсто». Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что хочетъ ужинать со мною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ *интересныхъ людей*.

—

Іюля 16, въ 2 часа по полудни.

Говорятъ, что въ Лейпцигѣ жить весело,—и я вѣрю. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ богатыхъ купцовъ часто даютъ обѣды, ужины, балы. Молодые щеголи изъ студентовъ являются съ бле-

скомъ въ сихъ собраніяхъ: играютъ въ карты, танцуютъ, *куртизируютъ*. Сверхъ того здѣсь есть особливыя ученыя общества или Клубы; тамъ говорятъ объ ученыхъ или политическихъ новостяхъ, судятъ книги и проч.—Здѣсь есть и Театръ; только комедіанты уѣзжаютъ отсюда на цѣлое лѣто въ другіе города, и возвращаются уже осенью къ такъ называемой Михайловой ярмаркѣ.—Для того, кто любитъ гулять, много вокругъ Лейпцига пріятныхъ мѣстъ; а для того, кто любитъ услаждать вкусъ, есть здѣсь отмѣнно вкусные жаворонки, славные пироги, славная спаржа и множество плодовъ, а особливо вишни, которая очень хороша и теперь такъ дешева, что за цѣлое блюдо надобно заплатить не болѣе десяти копѣекъ. — Въ Саксоніи вообще жить не дорого. За столъ безъ вина плачу здѣсь 30 коп., за комнату также 30 коп.; то же платилъ я и въ Дрезденѣ.

Почти на всякой улицѣ найдете вы нѣсколько книжныхъ лавокъ, и всѣ Лейпцигскіе книгопродавцы богатѣютъ,—что для меня удивительно. Правда, что здѣсь много Ученыхъ, имѣющихъ нужду въ книгахъ; но сіи люди почти всѣ или Авторы или переводчики, и собирая библіотеки, платятъ они книгопродавцамъ не деньгами, а сочиненіями или переводами. Къ тому же во всякомъ Нѣмецкомъ городѣ есть публичныя библіотеки, изъ которыхъ можно брать для чтенія всякія книги, платя за то бездѣлку.—Книгопродавцы изо всей Германіи съѣзжаются въ Лейпцигъ на ярманки (которыхъ бываетъ здѣсь три въ годъ: одна начинается съ перваго Января, другая съ Пасхи, а третья съ Михайлова дня) и мѣняются между собою новыми книгами.

Безчестными почитаются изъ нихъ тѣ, которые перепечатываютъ въ своихъ типографіяхъ чужія книги, и дѣлаютъ черезъ то подрывъ тѣмъ, которые купили манускрипты у Авторовъ. Германія, гдѣ книжная торговля есть едва ли не самая важнѣйшая, имѣетъ нужду въ особливомъ и строгомъ для сего законѣ.—Вы пожелаете можетъ быть знать, какъ дорого платятъ книгопродавцы Авторамъ за ихъ сочиненія? Смотря по сочиненію. Естьли онъ еще не извѣстенъ Публикѣ съ хорошей стороны, то едвали дадутъ ему за листъ и пять талеровъ; но когда онъ прославится, то книгопродавецъ предлагаетъ ему десять, двадцать и болѣе талеровъ за листъ.

Въ 11 часовъ вечера. Въ назначенный часъ я пришелъ къ Платнеру. Вы конечно поживете съ нами, сказалъ онъ, посадивъ меня. — Нѣсколько дней, отвѣчалъ я.—Только? А я думалъ, что вы пріѣхали *пользоваться* Лейпцигомъ. Здѣшніе Ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. Вмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единоземцовъ искали просвѣщенія, и, надѣюсь, не тщетно».— Я почелъ бы за особливое щастіе быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ; но обстоятельства, обстоятельства — — «И такъ мнѣ остается жалѣть, естьли они не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами».

Онъ помнитъ К*, Р* и другихъ Русскихъ, которые здѣсь учились. «Всѣ они были моими *учениками*, сказалъ онъ: только я былъ тогда

еще не то, что теперь».—По крайней мѣрѣ ваши Афоризмы еще не были изданы...

И въ самую ту минуту, какъ я, упомянувъ объ Афоризмахъ, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ должность Ректора.—У меня не много свободнаго времени, сказалъ онъ: однакожь вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь часовъ велите себя проводить въ трактиръ *Голубаго Ангела.*—

Я имѣлъ время погулять въ Рихтеровомъ саду (гдѣ дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ опять вручила мнѣ букетъ цвѣтовъ), и въ восемь часовъ пришелъ въ трактиръ *Голубаго Ангела.* Меня провели въ большую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ на двадцать кувертовъ, но гдѣ еще никого не было. Черезъ полчаса явился Платнеръ съ ученою братіею. Онъ каждому представлялъ меня, и сказывалъ мнѣ имена ихъ: но всѣ они были мнѣ неизвѣстны, кромѣ стараго Профессора Эзера и Биргермейстера Миллера, издавшаго Сульцерову Теорію Изящныхъ Наукъ съ своими примѣчаніями. Сѣли за ужинъ,—самый Аѳинскій; только что вино пили мы не изъ чашъ, цвѣтами оплетенныхъ, а изъ простыхъ Саксонскихъ рюмокъ. Всѣ были веселы и говорливы; хотѣли, чтобы и я говорилъ, и спрашивали меня о нашей Литературѣ. Они очень удивились, слыша отъ меня, что десять пѣсней Мессіады переведены на Русской языкъ. «Я не думалъ бы—сказалъ молодой Профессоръ Поэзіи—чтобы въ вашемъ языкѣ можно было найти выраженія для Клопштоковыхъ идей». Еще то скажу вамъ, примолвилъ я, что пере-

водъ вѣренъ и ясенъ.—Въ доказательство, что нашъ языкъ не противенъ ушамъ, читалъ я имъ Русскіе стихи разныхъ мѣръ, и они чувствовали ихъ *опредѣленную* гармонію. Говоря о нашихъ оригинальныхъ произведеніяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ я двѣ Эпическія Поэмы, Россіяду и Владимира, которыя должны имя творца своего сдѣлать незабвеннымъ въ Исторіи Россійской Поэзіи. — Платнеръ игралъ за ужиномъ первую ролю, т. е. онъ управлялъ разговоромъ. Естьли вообще справедливо укоряютъ Нѣмецкихъ Ученыхъ нѣкоторою неловкостію въ обхожденіи, то по крайней мѣрѣ Докторъ Платнеръ (и конечно вмѣстѣ со многими другими) долженъ быть исключенъ изъ сего числа. Онъ самый свѣтскій человѣкъ: любитъ и умѣетъ говорить; говоритъ смѣло, для того, что знаетъ свою цѣну.—Старикъ Эзеръ любезенъ по своему простосердечію. Къ нему имѣютъ уваженіе; слушаютъ его анекдоты, и смѣются, примѣчая, что онъ хочетъ смѣшить. Во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны сбирался онъ ѣхать въ Россію, но раздумалъ.—Что принадлежитъ до Биргермейстера Миллера, то онъ, кажется, очень важничаетъ.—Въ десять часовъ встали, пожелали другъ другу добраго вечера, и разошлись. Платнеръ не позволилъ мнѣ заплатить за ужинъ: что для меня не совсѣмъ пріятно было.—Такимъ образомъ избранные Лейпцигскіе Ученые ужинаютъ вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю, и проводятъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Милые друзья мои! я вижу людей достойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ, ученыхъ, *славныхъ*—но всѣ они далеки отъ моего сердца.

Кто изъ нихъ имѣетъ во мнѣ хотя малѣйшую нужду? Всякой занятъ своимъ дѣломъ, и никто не хватится меня завтра, естьли нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ унесетъ мою душу изъ здѣшняго міра, ни чей вздохъ не полетитъ въ слѣдъ за мною — и вы бы долго, долго не узнали о переселеніи вашего друга!

—

Іюля 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ; бросился на траву бальзамическаго луга, наслаждался утромъ,—и былъ щастливъ!

Солнце взошло высоко и жаръ лучей его далъ мнѣ чувствовать, что полдень недалеко. Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у меня въ виду. Пожелавъ добраго утра молодой крестьянкѣ, которая мнѣ встрѣтилась, я спросилъ у нее, гдѣ домъ Господина Вейсе?—«Тамъ, на правой сторонѣ, большой домъ съ садомъ»!—

Вейсе, любимецъ драматической и лирической Музы—другъ добродѣтели и всѣхъ добрыхъ—другъ дѣтей, который ученіемъ и примѣромъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія—Вейсе проводитъ лѣто въ маленькой деревенькѣ, верстахъ въ двухъ отъ Лейпцига, среди честныхъ поселянъ и семейства своего. Я вошелъ въ горницу, и видѣлъ въ окно, какъ любезный хозяинъ, маленькой человѣчикъ въ красномъ халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, спѣшилъ къ дому по алеѣ, узнавъ отъ служанки, что какой-то Москвитянинъ его дожидается. Онъ вошелъ въ горницу въ томъ же

красномъ халатѣ, но только уже не въ бѣлой шляпѣ, а въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъ твой, любезный Вейсе, и узналъ бы тебя между тысячами! — Ему уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но румяное и свѣжее лице его не показываетъ ни пятидесяти — и во всякой чертѣ лица сего видна добрая душа!

Онъ обошелся со мною ласково, сердечно, просто; жалѣлъ, что я пришелъ къ нему, а не онъ ко мнѣ—и въ такой жаръ: подчивалъ меня лимонадомъ, и проч.

Я сказалъ ему, что разныя піесы изъ его *Друга дѣтей* переведены на Русской, и нѣкоторыя мною. Въ Германіи многіе писали и пишутъ для дѣтей и для молодыхъ людей; но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ отецъ, и отецъ нѣжный, посвятившій себя воспитанію юныхъ сердецъ. Со всѣхъ сторонъ осыпали его благодарностію, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы: дѣти благодарили за удовольствіе, а отцы за видимую пользу, которую сіе чтеніе приносило ихъ дѣтямъ.—Онъ издаетъ нынѣ *Переписку Фамиліи Друга Дѣтей*, пріятную и полезную молодымъ людямъ

Вейсе съ великою скромностію говоритъ о своихъ сочиненіяхъ; однакожь безъ всякаго притворнаго смиренія, которое для меня такъ же противно, какъ и самохвальство.— Съ какимъ чувствомъ описываетъ семейственное свое щастіе! «Благодарю Бога! сказалъ онъ сквозь слезы—благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самыя чистѣйшія удовольствія; и я осмѣлился бы назвать свое щастіе

совершеннымъ, естьли бы Небесная Благость возвратила здоровье дочери моей, которая нѣсколько лѣтъ больна, и которой искусство врачей не помогаетъ».—Однимъ словомъ, естьли я любилъ Вейсе какъ Автора, то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе полюбилъ какъ человѣка.

У него есть рукописная исторія нашего Театра, переведенная съ Русскаго. Г. Дмитревской, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Русскихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ Университетѣ, перевелъ на Нѣмецкой и подарилъ Господину Вейсе, который хранитъ сію рукопись, какъ рѣдкость, въ своей библіотекѣ.

Наконецъ я съ нимъ простился. «Путешествуйте щастливо, сказалъ онъ, и наслаждайтесь всѣмъ, что можетъ принести удовольствіе чистому сердцу! Однакожь я постараюсь еще увидѣться съ вами въ Лейпцигѣ». — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомнивъ ла-Фонтеновъ стихъ: sa fin (т. е. конецъ мудраго) est le soir d'un beau jour — и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на добраго есть щастіе для того, въ комъ не загрубѣло чувство добра.

Возвращаясь въ Лейпцигъ, зашелъ я въ книжную лавку и купилъ себѣ на дорогу Оссіанова Фингала и Vicar of Wakefild.—

Въ полночь. Нынѣшній вечеръ провелъ я очень пріятно. Въ шесть часовъ пошли мы съ Гм. Мелли въ загородный садъ. Тамъ было множество людей: и Студентовъ и Филистровъ *).

*) Такъ Студенты называютъ гражданъ, и Господину Аделунгу угодно почитать это слово за испорченное, вышед-

Одни, сидя подъ тѣнію деревъ, читали или держали передъ собою книги, не удостоивая проходящихъ взора своего; другіе, сидя въ кругу, курили трубки и защищались отъ солнечныхъ лучей густыми табашными облаками, которыя звивались и клубились надъ ихъ головами;я иные въ темныхъ алеяхъ гуляли съ дамами, и,—проч. Музыка гремѣла, и человѣкъ, ходя съ тарелкою, собиралъ деньги для музыкантовъ; всякой давалъ, что хотѣлъ.

Г. Мелли удивилъ меня, начавъ говорить со мною по-Русски. «Я жилъ четыре года въ Москвѣ, сказалъ онъ—и хотя уже давно выѣхалъ изъ Россіи, однакожь не забылъ еще вашего языка».—Къ намъ присоединились Гг. Шнейдеръ и Годи, путешествующіе съ Княгинею Бѣлосельскою, которая теперь въ Лейпцигѣ. Перваго видалъ я въ Москвѣ, и мы обрадовались другъ другу какъ старинные знакомые. Г. Мелли угостилъ насъ въ трактирѣ хорошимъ ужиномъ. Мы пробыли тутъ до полуночи, и вмѣстѣ пошли назадъ въ городъ. Ворота были заперты, и каждый изъ насъ заплатилъ по нѣскольку копѣекъ за то, что ихъ отворили. Таковъ законъ въ Лейпцигѣ: или возвращайся въ городъ ранѣе, или плати штрафъ.

—

Іюля 19.

Нынѣ получилъ я вдругъ два письма отъ А*, которыхъ содержаніе для меня очень непріятно. Я не найду его во Франкфуртѣ. Онъ ѣдетъ въ Парижъ на нѣсколько недѣль, и хочетъ, чтобы

шее изъ Латинскаго слова Balistarii. Симъ именемъ назывались городскіе солдаты и простые граждане.

я дождался его или въ Мангеймѣ или въ Страсбургѣ; но мнѣ никакъ не льзя исполнить его желанія. Такимъ образомъ разрушилось то зданіе пріятностей и удовольствій, которое основывалъ я на свиданіи съ любезнымъ другомъ! И такимъ образомъ во всемъ своемъ путешествіи не увижу ни одного человѣка близкаго къ моему сердцу! Эта мысль сдѣлала меня печальнымъ, и я пошелъ безъ цѣли бродить по городу и по окрестностямъ. Мнѣ встрѣтился Г. Бр., молодой Ученый, съ которымъ я здѣсь познакомился. Оба вмѣстѣ пошли мы въ Розенталь, большой паркъ. Я вспомнилъ, что извѣстный обманщикъ Шрепферъ кончилъ тутъ жизнь свою пистолетнымъ выстрѣломъ. Кто не хотѣлъ бы знать его подлинной, таинственной исторіи? Сей человѣкъ долгое время былъ слугою въ одномъ кофейномъ домѣ въ Лейпцигѣ, и никто не примѣчалъ въ немъ ничего чрезвычайнаго. Вдругъ онъ скрылся, и черезъ нѣсколько лѣтъ опять явился въ Лейпцигѣ подъ именемъ Барона Шрепфера, нанялъ себѣ большой домъ и множество слугъ; объявилъ себя мудрецомъ, повелѣвающимъ Натурою и Духами, и въ громкую трубу звалъ къ себѣ всѣхъ легковѣрныхъ людей, обѣщая имъ золотыя горы. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему ученики. Иные подлинно хотѣли отъ него научиться тому, чему ни въ какихъ Университетахъ не учатъ; а другимъ болѣе всего нравился его хорошій столъ. Съ почты приносили ему большіе пакеты, надписанные на имя *Барона Шрепфера*, а Банкиры, получая вексели, давали ему большія суммы денегъ. Съ разительнымъ краснорѣчіемъ говорилъ онъ о своихъ таинствахъ, будто бы въ

Италіи ему сообщенныхъ, и разгорячивъ воображеніе слушателей, показывалъ имъ Духовъ, тѣни умершихъ знакомыхъ, и проч. *Пріиди и виждь!* кричалъ онъ всѣмъ, которые сомнѣвались—приходили и видѣли тѣни и разные страхи, отъ которыхъ у трусливыхъ людей волосы дыбомъ становились. Надобно замѣтить, что кругъ ревностныхъ его почитателей состоялъ не изъ Ученыхъ, т. е. не изъ тѣхъ, которые привыкли разсуждать по Логикѣ (сихъ людей не могъ онъ терпѣть, какъ такихъ, которые вѣрятъ разуму болѣе, нежели глазамъ), а изъ дворянъ и купцовъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ науками. Замѣтить надобно и то, что онъ только *показывалъ* чудеса, а никого въ самомъ дѣлѣ *не научалъ* дѣлать ихъ; и что онъ показывалъ ихъ только у себя дома, въ нѣкоторыхъ, особливо на то опредѣленныхъ комнатахъ. Г. Бр разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Нѣкто М* пришелъ къ Шрепферу съ своимъ пріятелемъ, для того, чтобы видѣть его духопризываніе. Онъ нашелъ у него множество гостей, которымъ безпрестанно подносили пуншъ. М* не хотѣлъ пить. Шрепферъ приступалъ къ нему, чтобы онъ выпилъ хоть одинъ стаканъ; но М* отговорился. Потомъ ввели всѣхъ въ большую залу, обитую чернымъ сукномъ, и въ которой окна были затворены. Шрепферъ поставилъ всѣхъ зрителей вмѣстѣ, очертилъ ихъ кругомъ, и не велѣлъ никому трогаться съ мѣста. Шагахъ въ трехъ отъ нихъ на маленькомъ жертвенникѣ, горѣлъ спиртъ,—чѣмъ единственно освѣщалась зала. Передъ симъ жертвенникомъ Шрепферъ, обнаживъ грудь свою и взявъ въ руку большой блестящій мечь, бросился на колѣни и громко началъ молиться,

съ такимъ жаромъ, съ такимъ рвеніемъ, что М*, пришедшій видѣть обманщика и обманъ, почувствовалъ трепетъ и благоговѣніе въ своемъ сердцѣ. Огонь блисталъ въ глазахъ молящагося, и грудь его высоко поднималась. Ему надлежало призвать тѣнь одного извѣстнаго человѣка, не давно умершаго. По окончаніи молитвы онъ началъ призываніе сими словами: «О ты, блаженный духъ, переселившійся въ безплотный и смертный неизвѣстный міръ! внемли гласу оставленныхъ тобою друзей, желающихъ тебя видѣть, внемли, и оставя на время новую свою обитель, явися очамъ ихъ!» и проч. и проч. Зрители почувствовали электрическое потрясеніе въ своихъ нервахъ, услышали ударъ, подобный громовому, и увидѣли надъ жертвенникомъ легкій паръ, который мало по малу густѣлъ, и наконецъ образовалъ человѣческую фигуру; однакожь М* не примѣтилъ въ ней большаго сходства съ покойникомъ. Образъ носился надъ жертвенникомъ, а Шрепферъ, который сдѣлался блѣденъ какъ смерть, махалъ мечемъ вокругъ головы своей. М* рѣшился вытти изъ круга и приближиться къ Шрепферу; но сей, примѣтивъ его движеніе, вскочилъ, бросился на него, и устремивъ мечь къ его сердцу, закричалъ страшнымъ голосомъ: *ты умрешь, нещастный, естьли хотя одинъ шагъ впередъ ступишь!* У М* подкосились ноги: такъ онъ испугался грознаго голоса и блестящаго меча его! Тѣнь исчезла. Шрепферъ отъ усталости растянулся на полу, и велѣлъ вытти всѣмъ зрителямъ въ другую комнату, гдѣ подали имъ на блюдахъ свѣжіе плоды.—Многіе приходили къ Шрепферу какъ въ спектакль, и хотя знали, что вся тайная

мудрость его состояла въ шарлатанствѣ, однакожь съ удовольствіемъ смотрѣли на важныя комедіи, имъ играемыя. Все это продолжалось нѣсколько времени. Но вдругъ Шрепферъ задолжалъ въ Лейпцигѣ многимъ купцамъ, и притомъ такимъ, которые. не имѣя никакого желанія видѣть его Духовъ, требовали немедленно платежа. Векселей къ нему уже не присылали. Банкиры не давали ему ни гроша, и нещастный мудрецъ, доведенный до крайности, застрѣлился въ Розенталѣ.—По сіе время неизвѣстно, откуда получалъ Шрепферъ деньги, и какую имѣлъ цѣль, выдавая себя за духопризывателя. По гипотезѣ ученыхъ Берлинцовъ, онъ былъ орудіе тайныхъ Іезуитовъ (вмѣстѣ съ Каліостромъ, который въ самомъ дѣлѣ есть вторый Шрепферъ)—Іезуитовъ, хотящихъ снова овладѣть умами человѣческими. Естьли это правда—въ чемъ однакожь я очень, очень сомнѣваюсь—то съ дозволенія Господъ тайныхъ Іезуитовъ можно сказать, что они напрасно льстятся нынѣ подчинить себѣ Европу посредствомъ такихъ шарлатановъ—тогда, какъ законы разума всенародно возглашаются, и просвѣщеніе болѣе и болѣе распространяется—просвѣщеніе, котораго одна искра можетъ освѣтить бездну заблужденій.—Вы скажете, можетъ быть, что Шрепферъ бралъ деньги съ обольщенныхъ имъ людей? Но точно не извѣстенъ ни одинъ человѣкъ, съ котораго бы онъ бралъ ихъ.

Сію минуту получилъ я записку отъ Платнера, въ которой изъявляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда нибудь пожилъ въ Лейпцигѣ долѣе, и подалъ ему случай *заслужить мою благодарность.*—Профессоръ Бекъ, который очень

обязалъ меня своею ласкою, взялъ на себя искать Гофмейстера для П*. Онъ будетъ писать ко мнѣ въ Цирихъ.—Простите, любезные друзья!

—

Веймаръ, Іюля 20.

Въ путешествіи своемъ отъ Лейпцига до Веймара не замѣтилъ я ничего, кромѣ прекрасной долины, на которой лежитъ городъ Наумбургъ, и маленькой деревеньки, гдѣ ребятишки набросали множество цвѣтовъ къ намъ въ коляску—къ *намъ*, говорю, потому что я ѣхалъ до Буттельштета съ однимъ молодымъ Французомъ, который былъ чѣмъ-то въ свитѣ Французскаго посланника въ Дрезденѣ. Разумѣется, что ребятишки хотѣли денегъ: мы бросили нѣсколько грошей, и они громко закричали: *спасибо!*—Французъ, который не разумѣлъ ни одного слова по-Нѣмецки, и которому я служилъ переводчикомъ, почти заплакалъ, когда намъ пришлось разставаться. Впрочемъ онъ былъ для меня совсѣмъ не занимателенъ.

На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ Буттельштетъ, гдѣ Почтмейстеръ далъ мнѣ до Веймара маленькую колясочку. Я подарилъ постилмону фарфоровую трубку, купленную мною на Берлинской фабрикѣ, а онъ изъ благодарности привезъ меня въ Веймаръ довольно скоро.

Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями и рощицами составляютъ пріятный видъ. Городъ очень не великъ, и кромѣ Герцогскаго дворца не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома.—У городскихъ воротъ меня допрашивали; послѣ чего предложилъ я

караульному Сержанту свои вопросы, а именно: «здѣсь ли Виландъ? здѣсь ли Гердеръ? здѣсь ли Гете?» Здѣсь, здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ онъ—и я велѣлъ постилліону везти себя въ трактиръ *Слона*.

Наемный слуга немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду, спроситъ, дома ли онъ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.*—Дома ли Гердеръ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.*—Дома ли Гете? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.*

Во дворцѣ! во дворцѣ! повторилъ я, передразнивая слугу,—взялъ трость и пошелъ въ садъ. Большой зеленой лугъ, обсаженный деревьями и называемый *звѣздою*, мнѣ очень полюбился; но еще болѣе полюбились мнѣ дикіе, мрачные берега стремительно текущаго ручья, подъ шумомъ котораго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, прочиталъ я первую книгу Фингала.—Люди, которые встрѣчались мнѣ въ саду, глядѣли на меня съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ не смотрятъ на людей въ большихъ городахъ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчаются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему. *У него одна мысль*, сказалъ объ немъ какой-то Нѣмецкой Авторъ, *и сія мысль есть цѣлый міръ.* Я читалъ его Urkunde des menschlichen Geschlechts, читалъ, многаго не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ твореніе! Какое восточное великолѣпіе!—Я читалъ его *Бога*, одно изъ новѣйшихъ сочиненій, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный Философъ и ревностный чтитель Божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленный. Гердеръ сообщаетъ тутъ и свои мысли о Божествѣ и твореніи, прекрасныя, утѣ-

шительныя для человѣка мысли. Чтеніе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нее многія мѣста, которыя мнѣ отмѣнно полюбились. Постойте—не найду-ли чего нибудь въ записной книжкѣ своей?.. Нашелъ одно мѣсто, которое, можетъ быть, и вамъ полюбится—и для того включу его въ свое письмо. Авторъ говоритъ о смерти. «Взглянемъ на лилію въ полѣ; она «впиваетъ въ себя воздухъ, свѣтъ, всѣ стихіи— «и соединяетъ ихъ съ существомъ своимъ, для «того, чтобы расти, накопить жизненнаго соку «и расцвѣсть; цвѣтетъ, и потомъ исчезаетъ. «Всю силу, любовь и жизнь свою истощила «она на то, чтобы сдѣлаться матерью, оставивъ «по себѣ образцы свои и размножить свое бытіе. «Теперь исчезло явленіе лиліи; она истлѣла «въ неутомимомъ служеніи Натуры; готовилась «къ разрушенію съ начала жизни. Но что раз- «рушилось въ ней, кромѣ явленія, которое не «могло быть долѣе, которое, — достигнувъ до «высочайшей степени, заключавшей въ себѣ «видъ и мѣру красоты ея,—назадъ обратилось? «и не съ тѣмъ, чтобы, лишась жизни, уступить «мѣсто юнѣйшимъ живымъ явленіямъ—сіе было «бы для насъ весьма печальнымъ символомъ— «нѣтъ! напротивъ того она, какъ живая со «всею радостію бытія произвела бытіе ихъ, и «въ зародышѣ любезнаго вида предала его «вѣчноцвѣтущему саду времени, въ которомъ «и сама цвѣтетъ. Ибо лилія не погибла съ «симъ явленіемъ; она вновь пробудится отъ «зимняго сна своего и возстанетъ въ новой ве- «сенней красотѣ, подлѣ милыхъ дочерей бытія «своего, которыя стали ея подругами и сестрами.

«И такъ нѣтъ смерти въ твореніи; или смерть «есть не что иное, какъ *удаленіе того, что не «можетъ быть долѣе*, т. е. *дѣйствіе вѣчноюной, «неутомимой силы*, которая по своему свойству «не можетъ ни минуты быть праздною или по«коиться. По изящному закону Премудрости и «Благости, все въ быстрѣйшемъ теченіи стре«мится къ новой силѣ юности и красоты—стре«мится, и всякую минуту превращается.»—Въ семъ сочиненіи все ясно и понятно и согласно. Тутъ не бурнопламенное воображеніе юности кружится на высотахъ и сверкаетъ во мракѣ, подобно ночному метеору, блестящему и въ минуту исчезающему: но мысль мудраго мужа разумомъ освѣщаемая, тихо несется на легкихъ крыльяхъ вѣющаго зефира—несется ко храму вѣчной Истины и свѣтлою струею своей путь означаетъ.—Я читалъ еще его *Парамиѳіи* *), нѣжныя произведенія цвѣтущей фантазіи, которыя дышатъ Греческимъ духомъ, и прекрасны какъ утренняя роза.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Автора, я видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣтливаго человѣка.—Онъ разспрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ отмѣнною скромностію. Потомъ разговоръ обратился на Литтературу, и слыша отъ меня, что я люблю Нѣмецкихъ поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. Клопштока, отвѣчалъ я

*) Т. е. *отдохновенія*. Симъ именемъ называютъ еще и нынѣшніе Греки свои забавныя краткія повѣсти.

запинаясь, почитаю самымъ *выспреннимъ* изъ Пѣвцовъ Германскихъ. «И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ на десятой пѣсни остановились съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не приниматься за эту славную поэму». — Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Гете—и велѣвъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ живостію нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній. Особливо нравится ему маленькая піеса, подъ именемъ Meine Göttin, которая такъ начинается:

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis seyn?
Mit niemand streit' ich,
Aber ich geb' ihn
Der ewig beweglichen,
Immer neuen,
Seltsamsten Tochter Jovis,
Seinem Schooskinde,
Der Phantasie, и проч.

«Это совершенно по-Гречески, сказалъ онъ— и какой языкъ! какая чистота! какая легкость!» — Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ и сдѣлать его самымъ богатымъ и для Поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою Литераттуру. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благодарная простота въ языкѣ, которая была душею древнихъ временъ, когда Царевны ходили по воду

и Цари знали счетъ своимъ баранамъ.—Гердеръ любезный человѣкъ, друзья мои. Я простился съ нимъ до завтрашняго дня.

Въ церковь Св. Якова надобно было зайти для того, чтобы видѣть тамъ на стѣнѣ барельефъ покойнаго Профессора Музеуса, сочинителя *Физіогномическаго Путешествія и Нѣмецкихъ народныхъ сказокъ*. Подъ барельефомъ стоитъ на книгѣ урна, съ надписью: *Незабвенному Музеусу*.—Чувствительная Амалія *)! потомство будетъ благодарить тебя за то, что ты умѣла чтить дарованія.

—

Іюля 21.

Вчера два раза былъ я у Виланда и два раза сказали мнѣ, что его нѣтъ дома. Нынѣ пришелъ къ нему въ восемь часовъ утра, и увидѣлъ его. Вообразите себѣ человѣка довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рябоватаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали красные—таковъ Виландъ. Желаніе видѣть васъ привело меня въ Веймаръ — сказалъ я. «Это не стоило труда!» отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, которой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. Потомъ спросилъ онъ, какъ я, живучи въ Москвѣ, научился говорить по-Нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ былъ случай говорить съ Нѣмцами и притомъ съ такими, которые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ я о Л*. Тутъ разговоръ обратился на сего нещаст-

*) Герцогиня Веймарская, мать владѣющаго Герцога.

наго человѣка, который нѣкогда былъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все стояли: изъ чего и надлежало мнѣ заключить, что онъ не намѣренъ удерживать меня долго въ своемъ кабинетѣ. Конечно я пришелъ не во время? спросилъ я. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: впрочемъ по утру мы обыкновенно чѣмъ нибудь занимаемся.—«И такъ позвольте мнѣ притти въ другое время; назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я пріѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть».—*Виландъ.* Чего вы отъ меня хотите?—*Я.* Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать Автора лично. Я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя.—*В.* Вы приводите меня въ замѣшательство. Сказать ли вамъ искренно?—*Я.* Скажите.—*В.* Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которые мнѣ ни по чему неизвѣстны. Я васъ не знаю.—*Я.* Правда; но чего вамъ опасаться?—*В.* Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путешествія. Многіе переѣзжаютъ изъ города въ городъ, и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ нихъ напечатать. Что сказано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публику. Я на себя не надеженъ; иногда могу быть *слишкомъ* откровененъ. — *Я.* Вспомните, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для Нѣмецкой Публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человѣка.—*В.* Но какая польза намъ знакомиться? Положимъ, что мы сойдемся образомъ мыслей и чувствъ: да наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться? Вѣдь вы здѣсь не

будете жить? — *Я.* Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могу остаться въ Веймарѣ дней десять, и разставшись съ вами, радовался бы тому, что узналъ Виланда—узналъ какъ отца среди семейства, и какъ друга среди друзей. — *В.* Вы очень искренны. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ этой стороны не примѣтили во мнѣ чего нибудь дурнаго.—*Я.* Вы шутите.—*В.* Ни мало. Сверхъ того мнѣ бы совѣстно было, естьли бы вы точно для меня остались здѣсь жить. Можетъ быть въ другомъ Нѣмецкомъ городѣ, напримѣръ, въ Готѣ, было бы вамъ веселѣе.—*Я.* Вы Поэтъ, а я люблю Поэзію, какъ бы пріятно для меня было, естьли бы вы дозволили мнѣ хотя часъ провести съ вами въ разговорѣ о плѣнительныхъ красотахъ ея?—*В.* Я не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можетъ быть, вы учитель мой въ Поэзіи.—*Я.* О! много чести. И такъ мнѣ остается проститься съ вами въ первый и въ послѣдній разъ. —*В. (посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкою).* Я не физіогномистъ; однакожь видъ вашъ заставляетъ меня имѣть къ вамъ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравится ваша искренность; и я вижу еще перваго Русскаго такого, какъ вы. Я видѣлъ вашего Ш*, остраго человѣка, напитаннаго духомъ этаго старика (*указывая на бюстъ Вольтеровъ*). Обыкновенно ваши единоземцы стараются подражать Французамъ; а вы — *Я.* Благодарю. — *В.* И такъ естьли вамъ угодно провести со мною часа два-три, то приходите ко мнѣ нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третьяго.—*Я.* Вы хотите быть только снисходительны!—*В.* Хочу имѣть удовольствіе *быть съ вами,* говорю я, и прошу васъ не ду-

мать, чтобы вы одни на свѣтѣ были искренны.— *Я.* Простите!—*В.* Въ третьемъ часу васъ ожидаю.—*Я.* Буду.—Простите!

Вотъ вамъ подробное описаніе нашего разговора, который сперва зацѣпилъ заживо мое самолюбіе. Окончаніе успокоило меня нѣсколько; однакожь я все еще въ волненіи пришелъ отъ Виланда къ Гердеру, и рѣшился на другой день ѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кроткою ласкою, какъ и вчера — съ такою же привѣтливою улыбкою, и съ такимъ же видомъ искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ недавно возвратился, и гдѣ остатки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что, естьли бы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италію, и взглянулъ на Медицисскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера—взглянулъ бы на величественныя развалины древняго Рима, и вздохнулъ бы о тлѣнности всего подлуннаго? А сія мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что die Urkunde des menschlichen Geschlechts казалась мнѣ по большей части не понятною. «Эту книгу сочинялъ я въ молодости, отвѣчалъ онъ, когда воображеніе мое было во всей своей бурной стремительности, и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ».—Духъ вашъ, сказалъ я, прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ твореніямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ

моей, и для того я пришелъ къ вамъ — теперь видѣлъ васъ, и доволенъ.

Гердеръ невысокаго росту, посредственной толщины, и лицемъ очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенный умъ— (но я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня какимъ нибудь физіогномическимъ колдуномъ). Видъ его важенъ и привлекателенъ; въ минѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, ничего такого, чтобы показывало желаніе *казаться чѣмъ нибудь*. Онъ говоритъ тихо и внятно; даетъ вѣсъ словамъ своимъ, но не излишній. Едва ли, по разговору его, можно подозрѣвать въ Гердерѣ скромнаго любимца Музъ; но великій Ученый и глубокомысленный Метафизикъ скрытъ въ немъ весьма искусно.

Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ; котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, вспоминая видъ и голосъ Автора.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ къ Виланду, въ назначенное время. Маленькія прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. *Батюшка васъ дожидается*, сказалъ одинъ. *Подите къ нему*, сказали двое вмѣстѣ. *Мы васъ проводимъ*, сказалъ четвертый. Я ихъ всѣхъ перецѣловалъ, и пошелъ къ ихъ батюшкѣ.

Простите — сказалъ, вошедши къ нему—простите, естьли давешнее мое посѣщеніе было для васъ не совсѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не сочтете наглостію того, что было дѣйствіемъ

энтузіазма, произведеннаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями.—«Вы не имѣете нужды извиняться, отвѣчалъ онъ: я радъ, что этотъ жаръ къ Поэзіи такъ далеко распространяется, тогда какъ онъ въ Германіи пропадаетъ». — Тутъ сѣли мы на канапе. Начался разговоръ, который минута отъ минуты становился живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ поэзіи, сказалъ онъ: «Естьли бы Судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, то я написалъ бы все то же, и съ такимъ же стараніемъ выработывалъ бы свои произведенія, думая, что Музы слушаютъ мои пѣсни». Онъ желалъ знать, пишу ли я? и не переведено ли что нибудь изъ моихъ бездѣлокъ на Нѣмецкой? Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *печальной весны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: «Жалѣю, естьли вы часто бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите,—потому что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче — скажите, что у васъ въ виду?—Тихая жизнь, отвѣчалъ я. Окончавъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ Натурою и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ.—«Кто любитъ Музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ, и всегда найдетъ для себя *пріятное* дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою, которая дѣлаетъ его щастливымъ».

Разговоръ нашъ касался и до Философовъ.— «Никто изъ Систематиковъ, сказалъ Виландъ,

не умѣетъ такъ *обольщать* своихъ читателей, какъ Боннетъ; а особливо такихъ читателей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно, и заставляетъ любить себя и Философію свою». — О Кантѣ говоритъ Виландъ съ почтеніемъ; но, кажется, не ломаетъ головы надъ его Метафизикою. Онъ показывалъ мнѣ новое сочиненіе своего зятя, Профессора Реингольда, подъ титуломъ Versuch einer neuen Theorie des menschlichen Vorstellungsvermögens, которое только-что отпечатано, которое должно объяснить Кантову Метафизику. Прочтите его, сказалъ онъ мнѣ, естьли вы читаете книги такого рода. Вашъ Агатонъ, или Оберонъ, для меня пріятнѣе, отвѣчалъ я: однакожъ иногда изъ любопытства заглядываю и въ область Философіи.—«А развѣ Агатонъ не есть философическая книга? сказалъ онъ: въ немъ рѣшены самые важнѣйшіе вопросы Философіи».—Правда, сказалъ я; и такъ прошу извинить меня.

Съ любезною искренностію открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для человѣчества предметахъ. Онъ ничего не отвергаетъ, но только полагаетъ различіе между чаяніемъ и увѣреніемъ. Его можно назвать Скептикомъ, но только въ хорошемъ значеніи сего слова. Ему, казалось, пріятно было слышать отъ меня, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій переведены на Русской. «Но каковъ переводъ?» спросилъ онъ. — Не можетъ нравиться тѣмъ, которые знаютъ оригиналъ, — отвѣчалъ я. «Такова моя участь: сказалъ онъ: и Французскій и Англійскіе переводчики меня обезобразили».

Въ шесть часовъ я всталъ. Онъ взялъ мою руку, и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ щастія въ жизни. «Вы видѣли меня таковымъ, каковъ я подлинно, промолвилъ онъ. Простите, и хотя изрѣдка увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были. Простите!» — Тутъ мы обнялись. Мнѣ казалось, что онъ былъ нѣсколько тронутъ; а это самаго меня тронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разъ пожали другъ у друга руку, и разстались — можетъ быть навѣчно. Никогда, никогда не забуду Виланда! Естьли бы вы видѣли, друзья мои, съ какою откровенностію, съ какимъ жаромъ говоритъ сей почти шестидесятилѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не состарѣлась и силы ея не истощились. Клелія и Синибальдъ, послѣдняя изъ его поэмъ, писана съ такою же полнотою духа, какъ Оберронъ, какъ Музаріонъ, и проч. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ твореніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ Виландъ въ Германіи какъ Авторъ. Самыя первыя его сочиненія, на прим. *нравоучительныя повѣсти*, *Симпатіи* и проч., обратили на него вниманіе Публики. Хотя строгая критика, которая тогда уже начиналась въ Германіи, и находила въ нихъ много недостатковъ; однакожь отдавала Автору справедливость въ томъ, что онъ имѣетъ изобрѣтательную силу, богатое воображеніе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ *комическихъ повѣстей*, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходными и на Нѣмецкомъ языкѣ тогда единственными. Удивлялись его остроту,

вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованіи. Потомъ издавалъ онъ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германія признала его однимъ изъ первыхъ своихъ Пѣвцевъ; онъ покоится на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Естьли Французы оставили наконецъ свое старое худое мнѣніе о Нѣмецкой Литтературѣ (которое нѣкогда она въ самомъ дѣлѣ заслуживала, т. е. тогда, какъ Нѣмцы прилѣжали только къ сухой учености)— естьли знающіе и справедливѣйшіе изъ нихъ соглашаются, что Нѣмцы не только во многомъ сравнялись съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ: то конечно произвели это отчасти Виландовы сочиненія, хотя и не хорошо на Французскій языкъ переведенныя.

Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живетъ Гете, видѣлъ я его смотрящаго въ окно,—остановился и разсматривалъ его съ минуту: важное Греческое лице! Нынѣ заходилъ къ нему; но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену.—Въ Веймарѣ есть еще и другіе извѣстные Писатели: Бертухъ, Боде и проч. Бертухъ перевелъ съ Гишпанскаго Донъ-Кишота, и выдавалъ *Магазинъ Гишпанской и Португальской Литтературы*; а Боде славится переводомъ Стернова *Путешествія* и Тристрама Шанди. Герцогиня Амалія любила дарованія. Она призвала къ своему двору Виланда и поручила ему воспитаніе молодаго Герцога, она призвала Гете, когда онъ прославился своимъ Вертеромъ: она же призвала и Гердера въ начальники здѣшняго Духовенства.

Простите, друзья мои! Ясная ночь вызываетъ

меня изъ комнаты. Беру свой страннический посохъ — иду смотрѣть на засыпающую Природу, и странствовать глазами по звѣздному небу.

Веймаръ, Іюля 22.

Мнѣ разсказывали здѣсь разные анекдоты о нашемъ Л*. Онъ пріѣхалъ сюда для Гете, друга своего, который вмѣстѣ съ нимъ учился въ Страсбургѣ, и былъ тогда уже при Веймарскомъ Дворѣ. Его приняли очень хорошо, какъ человѣка съ дарованіями; но скоро примѣтили въ немъ великія странности. На прим. однажды явился онъ на придворный балъ въ доминѣ, въ маскѣ и въ шляпѣ; и въ ту минуту, какъ всѣ обратили на него глаза и ахнули отъ удивленія, спокойно подошелъ къ знатнѣйшей дамѣ и звалъ ее танцовать съ собою. Молодой Герцогъ любилъ фарсы и радъ былъ сему забавному явленію, которое доставило ему удовольствіе смѣяться отъ всего сердца; но чиновные господа и госпожи, составляющія Веймарской Дворъ, думали, что дерзостному Л* надлежало за то по крайней мѣрѣ отрубить голову.—Съ самаго своего пріѣзда Л* объявилъ себя влюбленнымъ во всѣхъ молодыхъ, хорошихъ женщинъ, и для каждой изъ нихъ сочинялъ любовныя пѣсни. Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончинѣ сестры своей: онъ написалъ ей на сей случай прекрасные стихи; но не приминулъ въ нихъ уподобить себя Иксіону, дерзнувшему влюбиться въ Юпитерову супругу.—Однажды онъ встрѣтился съ Герцогинею за городомъ, и вмѣсто того, чтобы покло-

ниться ей, упалъ на колѣни, поднялъ вверхъ руки, и такимъ образомъ далъ ей мимо себя проѣхать. На другой день Л* всѣмъ знакомымъ разослалъ по бумажкѣ, на которой нарисована была Герцогиня и онъ самъ, стоящій на колѣняхъ съ поднятыми вверхъ руками. — Но ни Поэзія, ни любовь не могли занять его совершенно. Онъ могъ еще думать о реформѣ, которую, по его мнѣнію, надлежало сдѣлать въ войскѣ Его Свѣтлости; и для того подавалъ Герцогу разные планы, писанные на большихъ листахъ.—За всѣмъ тѣмъ его терпѣли въ Веймарѣ, а дамы находили пріятнымъ. Но Гете наконецъ съ нимъ поссорился и принудилъ его выѣхать изъ Веймара. Одна дама взяла его съ собою въ деревню, гдѣ нѣсколько дней читалъ онъ ей Шекспира, и потомъ отправился странствовать по бѣлому свѣту.—

Эрфуртъ, 22 Іюля.

Въ два часа пріѣхалъ я сюда изъ Веймара, остановился въ трактирѣ (котораго имени, право, не знаю); выпилъ чашку кофе, пошелъ на такъ называемую *Петрову гору* въ Бенедиктинской монастырь, и просилъ тамъ перваго встрѣтившагося мнѣ отца указать то мѣсто, гдѣ погребенъ Графъ Глейхенъ. *Толстой* отецъ (NB. монастырь очень богатъ) охриплымъ голосомъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ къ отцу церковнику. Мнѣ надлежало идти черезъ длинныя сѣни или коридоръ, гдѣ въ печальномъ сумракѣ представились глазамъ моимъ распятія и лампады угасающія Вожатый оставилъ

меня въ коридорѣ и пошелъ искать отца церковника. Трудно описать, что чувствовалъ я, прохаживаясь одинъ, въ глубокой тишинѣ, по сему темному коридору, и смотря на лампады и на старыя картины, на которыхъ изображены были разныя страшныя сцены. Мнѣ казалось, что я пришелъ въ мрачное жилище Фанатизма Воображеніе мое представило мнѣ сіе чудовище во всей его гнусности, съ поднявшимися отъ ярости волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, бѣшеными глазами, и съ кинжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое устремленнымъ. Я затрепеталъ, и холодный ужасъ разлился по моимъ жиламъ. Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія заклинанія; но, къ щастію, въ самую сію минуту пришелъ мой вожатый, и фантомы моего воображенія исчезли. Отецъ церковникъ, сказалъ онъ, вмѣстѣ съ другими отцами сидитъ за вечернею трапезою. Да не можешь ли ты самъ показать мнѣ гробъ Глейхена? спросилъ я. Могу, отвѣчалъ онъ, естьли вы только его хотите видѣть.—Вошедши въ церковь, поднялъ онъ двѣ широкія скованныя доски, и я увидѣлъ большой камень.—Выслушайте исторію.

Когда святая ревность выгнать невѣрныхъ изъ земли Обѣтованной заразила всю Европу и благочестивые рыцари, крестомъ ознаменованные, устремились къ востоку: тогда Глейхенъ, Имперской Графъ, оставилъ свое отечество, и съ вѣрною дружиною направилъ путь свой къ странамъ Азіатскимъ. Не буду описывать вамъ великихъ дѣлъ его мужества. Скажу только, что самые храбрѣйшіе рыцари Христіанства удивлялись его подвигамъ. Но Небесамъ угодно было

искусить нещастіемъ вѣру Героя—Графъ Глейхенъ попался въ плѣнъ къ невѣрнымъ, и сталъ невольникомъ знатнаго Магометанца, который велѣлъ ему смотрѣть за своимъ садомъ. Графъ, нещастный Графъ поливалъ цвѣты, и стеналъ въ тяжкомъ рабствѣ. Но тщетны были бы всѣ его стенанія и всѣ обѣты, естьли бы прекрасная Сарацынка, милая дочь господина его, не обратила взоровъ нѣжной любви на злощастнаго Героя. Часто въ густыхъ тѣняхъ вечера внимала она жалобнымъ пѣснямъ его; часто видѣла невольника молящагося со слезами, и сама слезы проливала. Робкая стыдливость долгое время не допускала ее изъясниться и сказать ему, что она беретъ участіе въ его печали. Наконецъ искра воспылала — стыдливость исчезла — любовь не могла уже таиться въ сердцѣ, и огненною рѣкою излилась изъ устъ ея въ душу изумленнаго Графа. Ангельская невинность ея, цвѣтущая красота и способъ разорвать цѣпь неволи, не дали ему вспомнить, что у него была супруга. Онъ клялся Сарацынкѣ вѣчно любить ее, естьли она согласиться оставить своего отца, отечество, и бѣжать съ нимъ въ страны Христіанскія. Но она уже не помнила ни отца, ни отечества—Графъ былъ для нее все. Прекрасная летитъ, приноситъ ключь, отпираетъ дверь въ поле— летитъ съ своимъ возлюбленнымъ, и тихая ночь, одѣвъ ихъ мрачнымъ своимъ покровомъ, благопріятствуетъ ихъ побѣгу. Щастливо достигаютъ они до отечества Графскаго. Подданные лобызаютъ своего Государя и отца, котораго считали они погибшимъ, и съ любопытствомъ смотрятъ на его статную сопутницу, покрытую флеромъ. При входѣ во дворецъ Гра-

финя бросается въ его объятія. «Ты опять меня видишь, любезная супруга! говоритъ Графъ: благодари ее *(указывая на свою избавительницу)* — она все для меня оставила. Ахъ! я клялся любить ее!»—Графъ хочетъ рукою закрыть текущія слезы свои. Сарацынка открываетъ свое лице, бросается на колѣни передъ Графинею, и рыдая говоритъ: *я теперь раба твоя!*— «Ты сестра моя, отвѣчаетъ Графиня, подымая и цѣлуя Сарацынку: супругъ мой будетъ твоимъ супругомъ; раздѣлимъ сердце его».—Графъ удивляется великодушію супруги—прижимаетъ ее къ своему сердцу—всѣ обнимаются и клянутся любить другъ друга до гроба. Небеса благословили сей тройственный союзъ, и самъ Папа утвердилъ его. Миръ и щастіе обитали въ Графскомъ домѣ, и вѣрные супруги были погребены вмѣстѣ—въ Эрфуртѣ, въ церкви Бенедиктинскаго монастыря—и покрыты однимъ большимъ камнемъ, на которомъ рука усерднаго художника вырѣзала ихъ изображенія. Я видѣлъ сей большой камень, и благословилъ память супруговъ.

Взглянувъ съ *Петровой горы* на городъ и окрестности, пошелъ я въ сиротскій домъ, и видѣлъ тамъ келью, въ которой Мартинъ Лютеръ жилъ отъ 1505 до 1512 года. На стѣнахъ сей маленькой, темной горницы написана его исторія. На столикѣ лежитъ Нѣмецкая Библія перваго изданія, которую употреблялъ самъ Лютеръ, и въ которой всѣ бѣлыя страницы исписаны его рукою. Можно ли, думалъ я, чтобы простой монахъ, жившій во мракѣ этой кельи, сдѣлалъ не только великую реформу въ Римской церкви, вопреки Императору и Папѣ, но и великую нравственную революцію въ свѣтѣ!—Вышедши изъ кельи,

увидѣлъ я въ коридорѣ множество странныхъ картинъ. На одной изображенъ Императоръ, къ которому смерть, въ видѣ скелета, подходитъ и докладываетъ съ низкимъ поклономъ, что ему пора сложить съ себя земное величіе и отправиться на тотъ свѣтъ. На другой представлена актриса, а позади ее смерть въ царскомъ одѣяніи, поднимающая кинжалъ съ маскою. На третьей изображены содержатель типографіи въ штофномъ халатѣ и въ большомъ парикѣ, помощникъ его и смерть, хотящая подкосить ноги перваго; а внизу подписано, что и содержатели типографій умереть должны! и проч. и проч.

—

Гота, 23 Іюля, въ полночь.

Я пріѣхалъ сюда въ одиннадцать часовъ утра, и остановился въ трактирѣ *Колокольчика*. Сильная головная боль заставила меня пролежать весь день. Ввечеру я всталъ, ходилъ по городу, и видѣлъ передъ дворцомъ иллюминацію и фейерверкъ, которымъ Готской Герцогъ веселилъ маленькаго Веймарскаго Принца, пріѣхавшаго къ нему въ гости.

—

Франкфуртъ на Майнѣ, Іюля 28.

Вчера, милые друзья мои, пріѣхалъ я во Франкфуртъ. Дорога отъ Готы была для меня очень скучна. Почти на каждой станціи надлежало мнѣ ночевать—(я ѣхалъ на ординарной почтѣ)—или по крайней мѣрѣ стоять по нѣскольку часовъ. Дороги вездѣ прескверныя, такъ что надобно ѣхать все шагомъ, и даже самыя улицы

въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ такъ дурны, что съ трудомъ проѣхать можно. Правда, я сидѣлъ въ коляскѣ очень просторно, т. е. почти все одинъ; но чрезмѣрно тихая ѣзда и остановки были для меня несносны. Къ тому же почти ничего любопытнаго не встрѣчалось глазамъ моимъ, и я сомнѣваюсь, чтобы самъ Йорикъ нашелъ тутъ много занимательнаго для своего сердца.

Только дикія окрестности Эйзенаха произвели во мнѣ нѣкоторыя пріятныя чувства, напомнивъ мнѣ первобытную дикость всей Натуры. Еще замѣтилъ я замокъ Вартбургъ, который лежитъ на горѣ недалеко отъ Эйзенаха, и въ которомъ послѣ Вормсскаго Сейма содержанъ былъ Мартинъ Лютеръ. Тутъ возвышаются два камня, въ которыхъ воображеніе находитъ нѣчто похожее на человѣческія фигуры, и о которыхъ, по старому преданію, разсказывается слѣдующая сказка:

Молодой монахъ влюбился въ молодую монахиню. Тщетно сражался онъ съ своею любовію; напрасно хотѣлъ умерщвлять плоть свою постомъ и трудами! Кровь его кипѣла и волновалась. Образъ нѣжной монахини всегда присутствовалъ въ душѣ его. Онъ хотѣлъ молиться; но языкъ его, послушный сердцу, не могъ произнести ничего, кромѣ: *люблю! люблю! люблю!* Часто ходилъ онъ въ тотъ монастырь, гдѣ заключена была прекрасная; часто, смотря на нее, лилъ пламенныя слезы, и видѣлъ огненный румянецъ на лицѣ своей возлюбленной,— видѣлъ симпатическія слезы въ глазахъ ея. Сердца ихъ разумѣли другъ друга, страшились своихъ чувствъ и — питали ихъ. Наконецъ мо-

лодой монахъ трепещущею рукою вручилъ своей любезной слѣдующее письмо: «*Милая сестра! не далеко отъ монастырскихъ воротъ, въ правую сторону, возвышается крутая гора; я буду тамъ при наступленіи ночи. Или ты, прекрасная, будешь тамъ же, или я сверну́сь съ высокаго утеса, и умру временною и вѣчною смертію*». Сердце ея затрепетало. «Мнѣ видѣть его — думаетъ она — мнѣ видѣть его за стѣною монастырскою, и быть съ нимъ одной въ тишинѣ ночи? Но я должна спасти его отъ страшнаго грѣха самоубійства».—Она находитъ способъ вытти ночью изъ монастыря — идетъ во мракѣ и страшится всякаго шороха—всходитъ на гору, и вдругъ чувствуетъ себя въ объятіяхъ своего страстнаго обожателя. Они забываютъ все, трепещутъ въ восторгѣ — но вдругъ кровь ихъ хладѣетъ, нѣмѣютъ члены, сердца перестаютъ биться, и Небесный гнѣвъ превращаетъ ихъ въ два камня. «Вы видите ихъ» — сказалъ мнѣ постилліонъ, указывая на верхъ горы. — Изъ сей народной сказки сочинилъ Виландъ прекрасную поэму, подъ титуломъ: der Mönch und die Nonne.

Проѣзжая черезъ маленькое мѣстечко близь Гиршфельда, постилліонъ мой остановился у дверей одного дома. Я счелъ этотъ домъ трактиромъ, вошелъ въ него, и первому человѣку, который встрѣтилъ меня съ низкимъ поклономъ, велѣлъ принести бутылку воды и рейнвейна; сѣлъ на стулъ, и не думалъ снимать своей шляпы. Въ комнатѣ было еще человѣка три, которые съ великою учтивостью начинали говорить со мною. Принесли рейнвейнъ. Я пилъ, *хвалилъ* вино, и наконецъ спросилъ, что на-

добно заплатить за него? «Ничего, отвѣчали мнѣ съ поклономъ: вы не въ трактирѣ, а въ гостяхъ у честнаго мѣщанина, который очень радъ тому, что вамъ полюбился его рейнвейнъ». Вообразите мое удивленіе! Я схватилъ съ себя шляпу и сталъ извиняться. «Ничего! ничего! сказалъ мнѣ хозяинъ: только прошу васъ быть благосклоннымъ къ моей дочери, которая поѣдетъ съ вами въ коляскѣ». Буду почтителенъ, и все, что вамъ угодно,—отвѣчалъ я. Пришла дочь его, дѣвушка лѣтъ въ двадцать, изрядная собою, въ зеленомъ суконномъ сертукѣ и въ черной шляпѣ. Мы рекомендовались другъ другу и сѣли въ коляскѣ рядомъ. Каролина (такъ называлась дѣвушка) сказала мнѣ, что она ѣдетъ въ деревню къ своей теткѣ. Я не хотѣлъ безпокоить ее никакими дальнѣйшими вопросами, вынулъ изъ кармана своего Vicar of Wakefield и началъ читать. Сопутница моя стала зѣвать, жмуриться, дремать, и наконецъ голова ея упала ко мнѣ на плечо. Я не смѣлъ тронуться, чтобы не разбудить ее; но вдругъ насъ такъ тряхнуло, что она отлетѣла отъ меня въ другой уголъ коляски. Я предложилъ ей большую свою подушку. Она взяла ее, положила себѣ подъ голову и опять заснула. Между тѣмъ смерклось, и наступила ночь. Каролина спала крѣпкимъ сномъ, и не просыпалась до самаго того мѣста, гдѣ надлежало намъ съ нею разстаться. Что принадлежитъ до меня, то я велъ себя такъ честно, какъ цѣломудренный рыцарь, боящійся однимъ нескромнымъ взоромъ оскорбить стыдливость ввѣренной ему невинности Рѣдки такіе примѣры въ нынѣшнемъ свѣтѣ, друзья мои, рѣдки! Каролина, по своей невин-

ности, не думала благодарить меня за мою воздержанность, и простилась со мною очень сухо. Богъ съ нею!

Нигдѣ во всю дорогу не было мнѣ такъ грустно, какъ въ Гиршфельдѣ. Я пріѣхалъ туда въ пять часовъ вечера, и долженъ былъ пробыть тамъ до полуночи. Городъ не представлялъ мнѣ ничего любопытнаго, и я не зналъ, что дѣлать. Читать не могъ — писать также, хотя Почтмейстерша, по моему требованію, и принесла мнѣ цѣлую тетрадь бумаги. Сидя подгорюнившись, думалъ я о друзьяхъ отдаленныхъ, чувствовалъ сиротство свое и грустилъ.

Сюда пріѣхалъ я ночью въ дождь, и остановился въ трактирѣ *Звѣзды*, гдѣ отвели мнѣ хорошую комнату.

Франкфуртъ, 29 Іюля.

Ненастье продолжается. Сижу въ своей горницѣ, подъ раствореннымъ окномъ; и хотя косой дождь мочитъ меня и разливаетъ дрожь по моей внутренности, однакожъ каменная Русская грудь не боится простуды, и питомецъ желѣзнаго сѣвера смѣется надъ слабымъ усиліемъ Маинскихъ бурь.

Но такой ли погоды ожидалъ я въ здѣшнемъ кроткомъ климатѣ? Болѣе и болѣе удаляясь отъ сѣвера, радовался я мыслію, что оставлю за собою холодъ и сырость, все сердитое, жестокое и угрюмое въ натурѣ. Тамъ, гдѣ течетъ Маинъ и Реинъ, думалъ я, тамъ небо чисто, дни красны, и одни Зефиры струятъ воздухъ; тамъ цвѣтущая Природа ликуетъ въ яркомъ

свѣтѣ лучей солнечныхъ. Но—пріѣзжаю, и нахожу пасмурную осень середи лѣта. Только я намѣренъ переупрямить погоду; и клянусь Титанами и страшнымъ Стиксомъ, что не выѣду изъ Франкфурта не дождавшись ясныхъ дней.

Вчера былъ я только у Виллемера, богатаго здѣшняго Банкира. Мы говорили съ нимъ о новыхъ Парижскихъ произшествіяхъ. Что за дѣла тамъ дѣлаются! Думалъ ли нашъ А* (который уѣхалъ отсюда недѣли за двѣ передъ симъ) видѣть въ Парижѣ такія сцены?

Не воображайте, чтобы мнѣ скучно было сидѣть въ своей горницѣ. Публичная библіотека въ трехъ шагахъ отъ трактира. Вчера я бралъ изъ нее Фіеско, Шиллерову трагедію, и читалъ ее съ великимъ удовольствіемъ отъ первой страницы до послѣдней. Едва ли не всего болѣе тронулъ меня монологъ Фіеска, когда онъ, уединясь въ тихій часъ утра, размышляетъ, лучше ли ему остаться простымъ гражданиномъ, и за услуги, оказанныя имъ отечеству, не требовать никакой награды, кромѣ любви своихъ согражданъ, или воспользоваться обстоятельствами и присвоить себѣ верховную власть въ Республикѣ. Я готовъ былъ упасть передъ нимъ на колѣни и воскликнуть: *изберi первое!* Какая сила въ чувствахъ! Какая живопись въ языкѣ: вообще Фіеско тронулъ меня болѣе, нежели Донъ-Карлосъ, хотя сего послѣдняго видѣлъ я на театрѣ, и хотя критика отдаетъ ему преимущество.—Нынѣ читалъ я также съ великимъ удовольствіемъ Ифландовы драмы, которыя можно назвать прекрасными семейственными картинами, и которыя вѣрно полюбились бы нашей Публикѣ, естьли бы искус-

ный человѣкъ обработалъ ихъ для Русскаго театра.

Въ одномъ трактирѣ со мною живетъ молодой Докторъ Медицины, который вчера пришелъ ко мнѣ пить чай, и просидѣлъ у меня весь вечеръ. По его мнѣнію все зло въ мірѣ происходитъ отъ того, что люди не берегутъ своего желудка. «Испорченный желудокъ, сказалъ онъ, бываетъ источникомъ не только всѣхъ болѣзней, но и всѣхъ пороковъ, всѣхъ дурныхъ навыковъ, всѣхъ злыхъ дѣлъ. Отъ чего Моралисты такъ мало исправляютъ людей? Отъ того, что они считаютъ ихъ здоровыми, и говорятъ съ ними какъ со здоровыми, тогда какъ они больны, — и когда бы, вмѣсто всѣхъ словесныхъ убѣжденій, надлежало имъ дать нѣсколько пріемовъ чистительнаго. Безпорядокъ душевный бываетъ всегда слѣдствіемъ тѣлеснаго безпорядка. Когда въ машинѣ нашей находится все въ совершенномъ равновѣсіи; когда всѣ сосуды дѣйствуютъ и отдѣляютъ исправно разныя жидкости; однимъ словомъ, когда всякая часть отправляетъ ту должность, которую поручила ей Натура: тогда и душа бываетъ здорова; тогда человѣкъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ хорошо; тогда бываетъ онъ мудръ и добродѣтеленъ, и веселъ и щастливъ».—И такъ естьли бы у Калигулы не былъ испорченъ желудокъ, то онъ не вздумалъ бы построить моста на Средиземномъ морѣ? спросилъ я. — «Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ мой докторъ; и естьли бы лекарь его догадался дать ему нѣсколько чистительныхъ пилюль, то смѣшное предпріятіе было бы черезъ часъ оставлено. Отъ чего въ *златомъ вѣкѣ* были люди и добры и щастливы?

Конечно отъ того, что они, питаясь только растеніями и молокомъ никогда не обремѣняли и не засоряли своего желудка. Наконецъ скажу вамъ, что естьли бы я былъ Государемъ, то велѣлъ бы всѣхъ преступниковъ, вмѣсто наказанія, отсылать въ больницы и лечить до того, пока они сдѣлались бы добрыми людьми и полезными гражданами. Со временемъ предложу Публикѣ свои мнѣнія и доказательства, которыя, можетъ быть, сдѣлаютъ революцію въ Философіи. Тогда вспомните, государь мой, что вы отъ меня слышали».—Я удивлялся Логикѣ Господина Доктора.

—

Іюля 30.

Наконецъ Франкфуртское небо перестало хмурить брови, и прояснилось. Пользуясь хорошимъ временемъ, ходилъ я такъ много, что теперь чувствую боль въ ногахъ.

Трактирщикъ мой водилъ меня по здѣшнимъ садамъ. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтились мы съ хозяиномъ, почтеннымъ старикомъ и, какъ сказываютъ, очень богатымъ человѣкомъ. Узнавъ отъ моего вожатаго, что я путешествующій иностранецъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ: «Я самъ покажу вамъ все то, что можно назвать изряднымъ въ моемъ саду. Какова эта темная алея?» — Въ жаркое время тутъ хорошо прохлаждаться, отвѣчалъ я.—«А эта маленькая бесѣдка подъ вѣтьвями каштановыхъ деревъ?»—Тутъ прекрасно сидѣть ввечеру, когда луна покажется на небѣ и свѣтъ свой прольетъ сквозь развѣсистыя вѣтьви на эту бархатную зелень.—«А этотъ холмикъ?»—

Ахъ! какъ бы я желалъ встрѣтить тутъ восходящее солнце!—«А этотъ маленькій лѣсокъ?—Тутъ вѣрно поютъ весною соловьи, такъ спокойно и весело, какъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Природы, ни мало не подозрѣвая, чтобы сюда заманивало ихъ искусство.—«Что вы скажете объ этомъ домикѣ?» — Онъ построенъ на то, чтобъ быть жилищемъ Философа, любящаго простоту, уединеніе и тишину. — «Теперь вамъ надобно согласиться выпить у меня чашку кофе».——Мы вошли въ домикъ, и сѣли на деревянныхъ стульяхъ вокругъ маленькаго столика. Намъ подали кофе. Я съ удовольствіемъ поблагодарилъ хозяина за его гостепріимство.

Въ ненастное время казалось мнѣ, что Франкфуртъ пустъ; а теперь кажется, что онъ очень многолюденъ—отъ того, что въ дурную погоду сидѣли всѣ дома, кромѣ тѣхъ, которымъ уже по крайней нуждѣ надлежало корчиться подъ дождемъ и топтать ногами грязь на улицахъ; а теперь, обрадовавшись солнцу, всѣ какъ муравьи ползутъ изъ своихъ норъ.

По своей цвѣтущей и обширной коммерціи, Франкфуртъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Германіи. Кромѣ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, здѣсь поселившихся, всякой житель купецъ, то есть, производитъ какой нибудь торгъ. На всякой улицѣ множество лавокъ, наполненныхъ товарами. Вездѣ знаки трудолюбія, *промышленности* *), изобилія. Ни одинъ нищій не подходилъ ко мнѣ на улицѣ просить милостыни.

---

*) Это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ; Авторъ *употребилъ* его первый.

Я первый! (т. I, 156).

Только не льзя назвать Франкфурта хорошо выстроеннымъ городомъ. Домы почти всѣ старинные, и расписаны разными красками, — что для глазъ весьма странно.

Еще скажу то, что здѣсь въ трактирахъ столъ очень дешевъ. Мнѣ приносятъ всегда пять хорошо приготовленныхъ блюдъ и еще десертъ, на двухъ или трехъ тарелкахъ, и за это плачу не болѣе 50 копѣекъ. Вино также очень дешево. Бутылка молодаго рейнвейна стоитъ 10 копѣекъ, а стараго 40.—

Послѣ обѣда, когда солнце укротило жаръ лучей своихъ, вышелъ я за городъ. Сады, сельскіе домики, луга и винограды представились глазамъ моимъ. Сколько ландшафтовъ, достойныхъ кисти Салватора Розы или Пуссеневой!

Уединенный домикъ съ садикомъ, не далеко отъ большой дороги, прельстилъ меня, и я пошелъ къ нему по узенькой тропинкѣ. Два мальчика, игравшіе на травѣ, бросились ко мнѣ на встрѣчу; но закричавъ: *это не онъ! это не Каспаръ!* побѣжали назадъ и скрылись въ домикѣ. Старое каштановое дерево призывало меня въ свою тѣнь—я сѣлъ подъ его вѣтьвями. Минутъ черезъ пять мальчики опять выбѣжали, а за ними вышла женщина лѣтъ въ тридцать, пріятная лицемъ, въ бѣлой кофточкѣ и въ соломенной шляпкѣ. Она сѣла на крыльцѣ, и смотрѣла съ улыбкою на играющихъ мальчиковъ, съ такою улыбкою, по которой легко было узнать, что она мать ихъ. Они уговорились бѣгать въ запуски; взявшись за руки, отошли отъ крыльца шаговъ тридцать, остановились, выставили впередъ грудь и правую ногу, и дожидались, чтобы мать подала имъ знакъ. Она махнула имъ плат-

комъ, и они пустились какъ изъ лука стрѣла. Большой опередилъ меньшаго, прибѣжалъ къ матери, и закричавъ: *я первый!* бросился цѣловать ее. Меньшой прибѣжалъ и также кинулся къ ней на шею. Любезная картина семейственнаго щастія! Можетъ быть въ городѣ она бы меньше меня тронула; но среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго щастія, вліяннаго благодѣтельнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой.—Прости, уединенный домикъ! Миръ, тишина и покой да будутъ всегда наслѣдственнымъ добромъ твоихъ обитателей! А ты, вѣтьвистое дерево! долго, долго еще принимай странниковъ въ тѣнь свою — и подъ кровомъ шумящихъ листьевъ твоихъ да веселятся они веселіемъ невинности и добродѣтели!

ПИСЬМА

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Франкфуртъ, Іюля 31.

Нынѣ ѣздилъ я въ деревню Бергенъ, которой имя очень извѣстно: подлѣ нея было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между Французами и соединенною Гановерскою и Гессенскою арміею; послѣднею командовалъ Брауншвейгской Принцъ Фердинандъ, а первыми, которые остались побѣдителями, Маршалъ Брольй.

Въ здѣшней ратушѣ, называемой *Римляниномъ* (Römer), показываютъ путешественникамъ ту залу, въ которой обѣдаетъ новоизбранный Императоръ, и гдѣ стоятъ портреты всѣхъ Императоровъ отъ Конрада I до Карла VI. Кто не пожалѣетъ червонца, тотъ тамъ же въ Архивѣ можетъ видѣть и славную *золотую Буллу*, или договоръ Императора Карла IV съ Государственными Чинами, написанный на 43 пергаментныхъ листахъ и названный симъ именемъ отъ золотой печати, висящей на черныхъ и желтыхъ шелковыхъ снуркахъ. На сей печати изображенъ Императоръ, сидящій на тронѣ, а съ другой стороны Римская крѣпость, или такъ называемый *замокъ св. Ангела* (il castello di S. Angelo) съ словами aurea Roma (золотой Римъ), которыя расположены въ трехъ линіяхъ такимъ образомъ:

$$\left\{\begin{array}{c}\text{aur}\\ \text{ear}\\ \text{oma}\end{array}\right\}$$

Я былъ и въ каѳедральной церкви Католиковъ, гдѣ по уставу Майнцской Архіепископъ коронуетъ избраннаго Императора. Тутъ бросилась мнѣ въ глаза статуя Маріи въ бѣломъ ки-

сейномъ платьѣ. Часто ли шьютъ ей обновы? спросилъ я у моего провожатаго. Изъ году въ годъ, отвѣчалъ онъ.—Хотя главная церковь въ городѣ принадлежитъ Католикамъ, однакожь господствующая Религія во Франкфуртѣ есть Лютеранская, и Католицкому Духовенству запрещено ходить въ процессіи по улицамъ. Здѣсь очень много и Реформатовъ, большею частію Французовъ, выгнанныхъ изъ отечества Людовикомъ XIV; но они не могутъ имѣть участія въ правленіи города, и даже не смѣютъ всенародно отправлять своего богослуженія, въ такомъ городѣ, гдѣ Жиды имѣютъ Синагогу. Такая нетерпимость конечно не служитъ къ чести Франкфуртскаго Правительства.

Жидовъ считается здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должны жить въ одной улицѣ, которая такъ не чиста, что не льзя итти по ней не зажавъ носу. Жалко смотрѣть на сихъ нещастныхъ людей, столь униженныхъ между человѣками! Платье ихъ состоитъ по большей части изъ засаленныхъ лоскутковъ, сквозь которое видно нагое тѣло. По Воскресеньямъ, въ тотъ часъ, когда начинается служба въ Христіанскихъ церквахъ, запираютъ ихъ улицу, и бѣдные Жиды какъ невольники сидятъ въ своей клѣткѣ до окончанія службы; и на ночь запираютъ ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія, естьли случится въ городѣ пожаръ, то они обязаны везти туда воду и тушить огонь.

Между Франкфуртскими Жидами есть и богатые; но сіи богатые живутъ такъ же нечисто какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, умнымъ, знающимъ человѣкомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, и принялъ очень учтиво.

Молодая жена его, родомъ Француженка, говоритъ хорошо и по-Французски и по-Нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ; но только въ сіи два часа чего не вытерпѣло мое обоняніе.

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ Синагогу. Я вошелъ въ нее какъ въ мрачную пещеру, думая: Богъ Израилевъ, Богъ народа избраннаго! здѣсь ли должно поклоняться Тебѣ? Слабо горѣли свѣтильники въ обремененномъ гнилостію воздухѣ. Уныніе, горесть, страхъ, изображались на лицѣ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія; слеза благодарной любви ни чьей ланиты не орошала; ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращался къ небу. Я видѣлъ какихъ-то преступниковъ, съ трепетомъ ожидающихъ приговора къ смерти, и едва дерзающихъ молить судію своего о помилованіи. «За чѣмъ вы пришли сюда?» (сказалъ мнѣ тотъ умный Жидъ, у котораго я былъ въ гостяхъ). «Пощадите насъ! Нашъ храмъ былъ «въ Іерусалимѣ: тамъ Все«вышній благоволилъ являться своимъ избран«нымъ. Но разрушенъ храмъ великолѣпный, и «мы, разсѣянные по лицу земли, приходимъ сюда «сѣтовать о бѣдствіи народа нашего. Оставьте «насъ; мы представляемъ для васъ печальную картину». — Я не могъ отвѣчать ему ни слова, пожалъ руку его, и вышелъ вонъ.

Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и Жиды, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, торжествующіе Христіяне. Я хочу сказать, что въ нихъ видно болѣе *духа общественности*, нежели

другомъ народѣ. Жидъ, въ раздранномъ рубищѣ пришелъ ко мнѣ нынѣ по утру съ разными бездѣлками. У мень сидѣлъ Докторъ Н*. Не покупайте ничего у Жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обманщикъ. «Не правда, государь мой! отвѣчалъ съ жаромъ Израильтянинъ: мы не безчестнѣе Христіанъ». Сказалъ, и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному Жиду для того, чтобы размѣнять нѣсколько червонцевъ на Французскіе талеры. На столѣ у него лежала развернутая книга: *Мендельзоновъ Іерусалимъ.* Мендельзонъ былъ великій человѣкъ, сказалъ я, взявъ книгу въ руки. «Вы знаете его? (спросилъ онъ у меня съ веселою улыбкою). Знаете и то, что онъ былъ одной націи со мною, и носилъ такую же бороду, какъ я?» Знаю, отвѣчалъ я, знаю. Тутъ Жидъ мой бросилъ на столъ талеры, и началъ мнѣ хвалить Мендельзона съ жаромъ и восхищеніемъ, и заключилъ свою хвалу повтореніемъ, что сей великій мужъ, сей Сократъ и Платонъ нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ Жидъ!—Здѣшніе актеры недавно представляли Шекспирову драму, *Венеціянскаго Купца.* На другой день Франкфуртскіе Жиды прислали сказать Директору Комедіи, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ ходить въ Театръ, естьли сія драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захотѣлъ лишиться части своего сбора, и отвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка піесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ Театрѣ.

—

Августа 1.

Отсюда двѣ дороги въ Стразбургъ: черезъ Дармштатъ, Гейдельбергъ и Карлсру, или черезъ Фальцъ. И ту и другую мнѣ хвалили: избираю послѣднюю. Но какъ мнѣ хотѣлось видѣть Штарка, придворнаго Дармштатскаго Проповѣдника, то я нынѣ по утру нанялъ себѣ лошадь и поѣхалъ въ Дармштатъ верхомъ. И съ этой стороны окрестности Франкфуртскія очень пріятны; но далѣе къ Дармштату (до котораго считается отъ Франкфурта три мили) мѣста уже не такъ хороши. Дорога индѣ очень песчана, индѣ очень выбита—и потому я еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи ѣхать чрезъ Фальцъ. Деревни всѣ хорошо выстроены, и вездѣ находилъ я трактиры подъ разными, отчасти странными вывѣсками. На послѣдней милѣ къ Дармштату начинается очень хорошая мостовая. Тутъ открылся мнѣ и городъ, лежащій близь покрытыхъ лѣсомъ горъ, и представляющій въ семъ разстояніи очень изрядную картину.

Остановясь въ трактирѣ, послалъ я слугу съ письмецомъ къ Штарку, а самъ бросился на кресло отдыхать; но черезъ нѣсколько минутъ позвали меня обѣдать. Въ столовой комнатѣ нашелъ я человѣкъ восемь, порядочно одѣтыхъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ путешествующій Французъ, для котораго надлежало всѣмъ говорить по-Французски. Молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Стразбурга, подробно разсказывалъ намъ, какимъ образомъ за нѣсколько дней предъ симъ бунтовала тамошняя чернь; но по-Французски говорилъ онъ такъ

худо, что трудно было отъ смѣха удержаться— напримѣръ: *ильз-онъ дешире ла мезонъ де вилъ ильз-онъ бриле* (brulé) *ле докиманъ* (le documens); *иль вуле бандръ* (pendre) *ло машистра* (magistrats). — Тутъ слуга принесъ мнѣ печальную вѣсть, что Штарка нѣтъ въ Дармштатѣ: онъ уѣхалъ къ водамъ въ Швальбахъ. «Господинъ Проповѣдникъ былъ очень боленъ, сказалъ сидѣвшій подлѣ меня человѣкъ: Берлинцы зажгли въ немъ кровь, и наши Медики съ трудомъ могли потушить пожаръ. «Отъ всего сердца жалѣю о Штаркѣ. Дорога человѣку добрая слава—и съ какимъ легкомысліемъ похищаемъ мы другъ у друга сіе сокровище! О Шекспиръ, Шекспиръ! кто зналъ такъ хорошо сердце человѣческое, какъ ты? Кто убѣдительнѣе твоего представилъ все безумство злословія?

Good name in man and woman, dear my Lord,
Is the immediate jewel of their souls.
Who steals my purse, steals trash; 'tis somethiug,
nothing;
'Twas mine, 'tis his, and has been slave to thousands;
But he, that filches from me my good name,
Robs me of that, which not enriches him,
And makes me poor indeed *).

Златые Пиѳагоровы *стихи* кажутся мѣдными подлѣ сихъ строкъ, которыя всякому человѣку, Христіянину и Турку, Индѣйцу и Африканцу,

*) Т. е. «Доброе имя есть первая драгоцѣнность души нашей. Кто крадетъ у меня кошелекъ, крадетъ бездѣлку; онъ былъ мой, теперь сталъ его, и прежде служилъ тысячѣ другихъ людей. Но кто похищетъ у маеня доброе имя, тотъ самъ не обогащается, а меня дѣлаетъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ».

надлежало бы вписать незагладимыми буквами въ свое сердце.

Я видѣлъ въ Дармштатѣ такъ называемый *домъ экзерциціи*, въ которомъ можетъ учиться цѣлый полкъ, и въ которомъ хранится множество всякаго оружія; гулялъ въ большомъ придворномъ саду; ходилъ по городу, въ которомъ считается не болѣе 300 домовъ; потомъ сѣлъ на своего коня и отправился назадъ во Франкфуртъ.

Два раза былъ въ здѣшнемъ Театрѣ, но въ оба раза, къ неудовольствію моему, играли очень неважныя Французо-Нѣмецкія комедіи. Вниманіе мое занимали болѣе зрители, нежели актеры; а замѣтилъ я единственно то, что молодые люди здѣсь хорошо одѣваются, и приходятъ въ Театръ не шумѣть, а слушать піесы, или—зѣвать.

Маинцъ, 2 Августа.

Нынѣ въ шесть часовъ вечера пріѣхалъ я въ Маинцъ въ *дилижансѣ* или въ почтовой каретѣ, въ которой поѣду до самаго Страсбурга.

Какая гладкая дорога отъ Франкфурта до Маинца! Какіе пріятные виды! Какія прекрасныя мѣста! Приближаясь къ Маинцу, увидѣлъ я на лѣвой сторонѣ величественный Реинъ и тихой Маинъ, текущіе почти рядомъ; а на правой виноградные сады, которыхъ не льзя обнять глазами. Любезные друзья! какъ радостно билось мое сердце! Реинъ, Реинъ! наконецъ вижу тебя (думалъ я) — вижу, и благословляю царя, водъ Германскихъ въ гордомъ его теченіи!

Маинцъ лежитъ на западномъ берегу Реина,

комъ, и они пустились какъ изъ лука стрѣла. Большой опередилъ меньшаго, прибѣжалъ къ матери, и закричавъ: *я первый!* бросился цѣловать ее. Меньшой прибѣжалъ и также кинулся къ ней на шею. Любезная картина семейственнаго щастія! Можетъ быть въ городѣ она бы меньше меня тронула; но среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго щастія, вліяннаго благодѣтельнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой.—Прости, уединенный домикъ! Миръ, тишина и покой да будутъ всегда наслѣдственнымъ добромъ твоихъ обитателей! А ты, вѣтьвистое дерево! долго, долго еще принимай странниковъ въ тѣнь свою — и подъ кровомъ шумящихъ листьевъ твоихъ да веселятся они веселіемъ невинности и добродѣтели!

ПИСЬМА

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Здѣсь неслась часть домика, гдѣ обитали передъ тѣмъ покой и довольствіе — тутъ бурная волна мчала запасъ осторожнаго, но тщетно осторожнаго поселянина—тамъ плыла бѣдная, блеющая овца. Мы должны были ѣхать по водѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ вливалась къ намъ въ карету. Но самое сіе наводненіе возвышало великолѣпіе вида, открывшагося намъ при въѣздѣ въ длинную алею, версты за три до Мангейма—алею, которая, будучи облита водою, казалась мостомъ.

Въ Оппенгеймѣ, Курфальцкомъ городѣ, мы завтракали и пили славное Ниренштеинское вино, которое однакожь показалось мнѣ не такъ хорошо, какъ Гохгеймское. — Противъ Оппенгейма, на другой сторонѣ Реина, стоитъ высокая пирамида, а на ней левъ, держащій въ правой лапѣ большой мечь. Шведскій Король, Густавъ Адольфъ, поставилъ сей памятникъ въ 1631 году, перешедши съ своею арміею черезъ Реинъ, разбивъ Гишпанцевъ и взявъ Оппенгеймъ.

Въ Вормсѣ достойна примѣчанія старинная ратуша, въ которой Императоръ Карлъ V со всѣми Имперскими Князями судилъ Лютера въ 1521 году. И нынѣ еще показываютъ тамъ лавку, на которой лопнулъ стаканъ съ ядомъ, для него приготовленнымъ. Путешественники отрѣзываютъ по кусочку отъ того мѣста, гдѣ будто бы стояла сія отрава, и почти насквозь продолбили доску.

Мангеймъ есть прекрасный городъ. Улицы совершенно регулярны, и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами: что для глазъ — по *крайней* мѣрѣ при первомъ [illegible]рѣ — очень

пріятно. Ворота Реинскія, Неккерскія и Гейдельбергскія украшены барельефами, хорошо выработанными. Въ разныхъ мѣстахъ города есть площади, окруженныя большими домами. Дворецъ Курфирста построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Неккеръ сливается съ Реиномъ. Естьли бы я не торопился въ Швейцарію, то остался бы здѣсь на нѣсколько недѣль: такъ полюбился мнѣ Мангеймъ!

Мангеймъ, Августа 4.

Въ Академіи Скульптуры видѣлъ я собраніе статуй, и между ими самыя вѣрнѣйшія копіи славныхъ Бельведерскихъ антиковъ. Надобно удивляться древнему искусству, которое умѣло влагать душу въ мраморъ, и прекрасную душу. М* съ восхищеніемъ говорилъ намъ о Лаокоонѣ: я видѣлъ эту группу, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Греческаго художества, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, произведеніе Фидіасова рѣзца. Утверждаютъ, что она подала Виргилію мысль къ описанію нещастнаго Лаокоонова конца *). Смотря на нее, прочиталъ я нѣсколько разъ сіе мѣсто въ безсмертной Энеидѣ, которая была у меня въ рукахъ:

«Другое ужаснѣйшее происшествіе вселяетъ «трепетъ въ сердца наши. Лаокоонъ, избран«ный по жребію въ жрецы Нептуновы, торже«ственно приносилъ въ жертву тучнаго быка—

---

*) Лаокоонъ, братъ Анхизовъ, не хотѣлъ допустить, чтобы Трояне приняли въ городъ деревянную лошадь, въ которой скрывались Греческіе воины; боги, опредѣлившіе погибель Трои, наказали его за сіе сопротивленіе.

«и вдругъ на поверхности тихихъ водъ, отъ «страны Тенедоса являются... (страшное воспо«минаніе!)... являются два ужасные змія, и ря«домъ плывутъ къ берегу; кровавая глава и «грудь ихъ гордо возвышается надъ волнами; «неизмѣримый хребетъ ихъ извивается въ кру«гахъ безчисленныхъ; плывутъ, съ шумомъ раз«сѣкаютъ пѣнистую влагу, и достигаютъ брега. «Пламя и кровь въ очахъ ихъ. Страшно ши«пятъ они, страшно зіяютъ—и народъ въ ужасѣ «спасается бѣгствомъ. — Сіи чудовища спѣ«шатъ къ Лаокоону; бросаются сперва на двухъ «юныхъ сыновъ его, и терзаютъ нещастныхъ. «Лаокоонъ стремится съ копіемъ на помощь къ «нимъ: отецъ злополучный! Зміи обвиваются «вокругъ его тѣла, вокругъ шеи, и шипятъ «надъ его головою. Тщетно хочетъ онъ осво«бодиться отъ чудовищъ ужасныхъ; руки старца «безсильны. Покрытый ихъ нечистымъ гноемъ, «ихъ ядомъ смертоноснымъ, Лаокоонъ стенаетъ— «и вопль его до звѣздъ возносится».

Съ какою живостію изображена физическая боль въ лицѣ терзаемаго старца! Какъ сильно изображена въ немъ и горесть нещастнаго родителя, который видитъ погибель дѣтей своихъ, и не можетъ спасти ихъ!—Фидіасъ былъ Поэтъ.

—

Стразбургъ, Августа 6.

Черезъ обширныя, зеленыя равнины—гдѣ роскошная Природа въ садахъ и въ поляхъ изливаетъ весь тукъ своего плодородія, и въ пѣнящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и радости — пріѣхалъ я изъ Мангейма *въ Стразбургъ,* вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ, не могутъ вытти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ Натурою, и умираютъ, гдѣ родятся; но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ—ищетъ вездѣ наслажденій и находитъ ихъ—вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ Природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія—вездѣ радуется бытіемъ своемъ, и благословляетъ свое человѣчество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобности жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ— —

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество! Путешествуй, кто только можетъ!

На границѣ нашъ постилліонъ остановился Vous êtes déjà en France, Messieur, сказалъ намъ худо-одѣтый человѣкъ, подошедшій къ нашей каретѣ: et je vous en félicite. Это былъ осмотрщикъ,

другомъ народѣ. Жидъ, въ раздранномъ рубищѣ пришелъ ко мнѣ нынѣ по утру съ разными бездѣлками. У мень сидѣль Докторъ Н*. Не покупайте ничего у Жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обманщикъ. «Не правда, государь мой! отвѣчалъ съ жаромъ Израильтянинъ: мы не безчестнѣе Христіанъ». Сказалъ, и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному Жиду для того, чтобы размѣнять нѣсколько червонцевъ на Французскіе талеры. На столѣ у него лежала развернутая книга: *Мендельзоновъ Іерусалимъ*. Мендельзонъ былъ великій человѣкъ, сказалъ я, взявъ книгу въ руки. «Вы знаете его? (спросилъ онъ у меня съ веселою улыбкою). Знаете и то, что онъ былъ одной націи со мною, и носилъ такую же бороду, какъ я?» Знаю, отвѣчалъ я, знаю. Тутъ Жидъ мой бросилъ на столъ талеры, и началъ мнѣ хвалить Мендельзона съ жаромъ и восхищеніемъ, и заключилъ свою хвалу повтореніемъ, что сей великій мужъ, сей Сократъ и Платонъ нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ Жидъ!—Здѣшніе актеры недавно представляли Шекспирову драму, *Венеціянскаго Купца*. На другой день Франкфуртскіе Жиды прислали сказать Директору Комедіи, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ ходить въ Театръ, естьли сія драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захотѣлъ лишиться части своего сбора, и отвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка піесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ Театрѣ.

—

Августа 1.

Отсюда двѣ дороги въ Стразбургъ: черезъ Дармштатъ, Гейдельбергъ и Карлсру, или черезъ Фальцъ. И ту и другую мнѣ хвалили: избираю послѣднюю. Но какъ мнѣ хотѣлось видѣть Штарка, придворнаго Дармштатскаго Проповѣдника, то я нынѣ по утру нанялъ себѣ лошадь и поѣхалъ въ Дармштатъ верхомъ. И съ этой стороны окрестности Франкфуртскія очень пріятны; но далѣе къ Дармштату (до котораго считается отъ Франкфурта три мили) мѣста уже не такъ хороши. Дорога индѣ очень песчана, индѣ очень выбита—и потому я еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи ѣхать чрезъ Фальцъ. Деревни всѣ хорошо выстроены, и вездѣ находилъ я трактиры подъ разными, отчасти странными вывѣсками. На послѣдней милѣ къ Дармштату начинается очень хорошая мостовая. Тутъ открылся мнѣ и городъ, лежащій близь покрытыхъ лѣсомъ горъ, и представляющій въ семъ разстояніи очень изрядную картину.

Остановясь въ трактирѣ, послалъ я слугу съ письмецомъ къ Штарку, а самъ бросился на кресло отдыхать; но черезъ нѣсколько минутъ позвали меня обѣдать. Въ столовой комнатѣ нашелъ я человѣкъ восемь, порядочно одѣтыхъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ путешествующій Французъ, для котораго надлежало всѣмъ говорить по-Французски. Молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Стразбурга, подробно разсказывалъ намъ, какимъ образомъ за нѣсколько дней предъ симъ бунтовала тамошняя чернь; но по-Французски говорилъ онъ такъ

всѣми смѣяться, сказалъ пожилой Капитанъ опорожнивъ свою бутылку.

—

Базель.

Берегитесь, государи мои! сказалъ намъ въ Страсбургѣ одинъ Офицеръ, когда я съ другими путешественниками садился въ дилижансъ: *дорога не совсѣмъ безопасна; въ Эльзасѣ много разбойниковъ.* Мы посмотрѣли другъ на друга. «У кого не много денегъ, тотъ не боится разбойниковъ»—сказалъ молодой Женевецъ, который пріѣхалъ со мною изъ Франкфурта. «У меня есть кортикъ и собака»—сказалъ молодой человѣкъ въ красномъ камзолѣ, сѣвшій подлѣ меня. «Чего бояться!» сказали всѣ мы; поѣхали, и пріѣхали въ Базель благополучно.

Эльзасъ есть прекрасная земля. Города и деревни, чрезъ которыя мы проѣзжали, всѣ хорошо выстрены. На той и на другой сторонѣ дороги плодоносныя поля. Лотарингскія горы, съ развалинами рыцарскихъ и разбойничьихъ замковъ, представляютъ для глазъ нѣчто романическое, и придаютъ разнообразіе виду обширныхъ равнинъ, утомительныхъ для зрѣнія. Сіи горы болѣе и болѣе удаляются и темнѣютъ, такъ что наконецъ не можно видѣть на нихъ ничего, кромѣ мрака. Съ другой стороны, за Рейномъ, возвышаются черные хребты Шварцвальдскихъ горъ и въ неизмѣримомъ разстояніи ограничиваютъ горизонтъ. Близь дороги изрѣдка попадаются въ глаза дерева и маленькія рощицы.

Французская почта гораздо скорѣе Нѣмецкой. Постилліонъ (въ синемъ камзолѣ съ краснымъ

воротникомъ, и въ такихъ сапогахъ, которые были бы впору Гиганту въ водяной болѣзни) безпрестанно машетъ хлыстомъ, и понуждаетъ коней своихъ бѣжать рысью. На шести, девяти и двѣнадцати верстахъ перемѣняютъ лошадей, и на каждой станціи надобно платить прогоны впередъ, нашими деньгами копѣекъ по двадцати за милю (lieue). Изъ Стразбурга выѣхали мы въ шесть часовъ поутру, а въ восемь часовъ вечера были уже за три версты отъ Базеля, то есть переѣхали въ день 29 Французскихъ миль, или 87 верстъ. Тутъ надлежало намъ ночевать, для того, что ровно въ восемь часовъ запираются въ Базелѣ ворота, которыхъ уже до утра ни для кого и ни для чего не отворяютъ.

Съ молодымъ человѣкомъ въ красномъ камзолѣ успѣлъ я коротко познакомиться. Онъ сынъ придворнаго Коппенгагенскаго Аптекаря Беккера, учился въ Германіи Медицинѣ и Химіи (послѣдней у славнаго Берлинскаго Профессора Клапрота), и прошелъ большую часть Германіи пѣшкомъ, одинъ съ своею собакою и съ кортикомъ на бедрѣ, пересылая черезъ почту чемоданъ свой изъ города въ городъ. Въ Стразбургѣ заболѣла у него нога, и принудила его сѣсть въ дилижансъ. Теперь хочетъ онъ видѣть все примѣчанія достойнѣйшее въ Швейцаріи, а потомъ отправится во Францію и въ Англію. Со всею нѣжностію дружбы любитъ онъ свою собаку, и дорогою безпрестанно смотрѣлъ, бѣжитъ ли она за каретою; когда же примѣтилъ, мили за двѣ не доѣзжая до нашего ночлега, что она устала и начала отставать, то пожелавъ намъ *щастливаго* пути, вышелъ самъ изъ дилижанса,

чтобы брести потихоньку съ своимъ другомъ.— Здѣсь въ Базелѣ остановились мы съ нимъ въ одномъ трактирѣ, подъ вывѣскою *Аиста*.

И такъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной Натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою поднимается вверхъ, и я съ гордостію помышляю о своемъ человѣчествѣ.

Базель болѣе всѣхъ городовъ въ Швейцаріи; но, кромѣ двухъ огромныхъ домовъ Банкира Саразеня, не замѣтилъ я здѣсь никакихъ хорошихъ зданій, и улицы чрезмѣрно худо вымощены. Жителей по обширности города очень много, и нѣкоторые переулки заросли травою. Реинъ раздѣляетъ Базель на двѣ части; и хотя сія рѣка здѣсь не такъ широка, какъ въ Маинцѣ, однакожь, по быстрѣйшему своему теченію и по свѣтлости воды своей, показалась мнѣ гораздо пріятнѣе. Только здѣсь она совершенно пуста; не видно на ней ни одного судна, ни одной лодочки. Не знаю, для чего Базельцы не пользуются выгодами судоходства, производя довольно важный торгъ съ Нѣмцами и отправляя въ Германію полотна, ленты, шелковыя матеріи и другія произведенія своихъ мануфактуръ.

Въ такъ называемомъ Минстерѣ, или главной Базельской церкви, видѣлъ я многіе старые монументы, съ разными надписями, показывающими бѣдность разума человѣческаго въ среднихъ вѣкахъ. Монументы Эразма и супруги Императора Рудольфа I были для меня примѣчательнѣе другихъ. Первый считался въ свое

время ученѣйшимъ и остроумнѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ; въ доказательство чего можетъ служить слѣдующій, можетъ быть уже извѣстный вамъ, анекдотъ: Эразмъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, посѣтилъ Томаса Моруса, Великаго Государственнаго Канцлера, и, не сказавъ ему своего имени, вступилъ съ нимъ въ разговоръ о Политикѣ, Религіи и другихъ предметахъ. Морусъ, будучи восхищенъ его разумомъ и краснорѣчіемъ, вскочилъ наконецъ съ своего мѣста и воскликнулъ: *ты Эразмъ или Демонъ!*—Изъ сочиненій его самое извѣстнѣйшее есть Похвала Дурачеству, въ которомъ онъ смѣется надъ всѣми состояніями жизни, а наиболѣе надъ монашескимъ, не щадя и самаго Папы. Нѣкоторыя шутки конечно довольно остры; но многія грубы, сухи и натянуты—и вообще книга сія довольна скучна для тѣхъ, которые уже читали остроумныя сочиненія Вольтеровъ и Виландовъ осьмаго-надесять вѣка.—Минстеръ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями, откуда видъ очень хорошъ.

Въ публичной библіотекѣ показываютъ многія рѣдкія рукописи и древнія медали, которыхъ цѣну знаютъ только Антикваріи и Нумисматографы; а что принадлежитъ до меня, то я съ большимъ примѣчаніемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ тамъ на картины славнаго Гольбеина, Базельскаго уроженца и друга Эразмова. Какое прекрасное лицо у Спасителя на вечери! Іуду, какъ онъ здѣсь представленъ, узналъ бы я всегда и вездѣ. Въ Христѣ, снятомъ со креста, не видно ничего божественнаго; но какъ умершій человѣкъ изображенъ онъ весьма естественно. По преданію разсказываютъ, что Голь-

беинъ писалъ его съ одного утопшаго Жида. Страсти Христовы изображены на осьми картинахъ. Въ ратушѣ есть цѣлая зала, расписанная *альфреско* Гольбеиномъ. Знатоки говорятъ о семъ живописцѣ, что фигуры его вообще весьма хороши; что тѣло писалъ онъ живо, но одежду очень дурно.—Въ оградѣ церкви Св. Петра, на стѣнѣ за рѣшеткою, видѣлъ я и славный *танецъ мертвыхъ*, который, по крайней мѣрѣ отчасти, считаютъ за Гольбеинову работу. Смерть ведетъ на тотъ свѣтъ людей всякаго состоянія; и Папу и Нимфу радости, и Короля и нищаго, и добраго и злаго. Не будучи знатокомъ, могу сказать, что конечно не одно воображеніе и не одна кисть произвели сей рядъ фигуръ: столь хороши нѣкоторыя, и столь дурны прочія! Я замѣтилъ три или четыре лица, весьма выразительныя, и конечно достойныя лѣвой Гольбеиновой руки *). Впрочемъ вся картина испорчена воздухомъ и сыростію.

Между прочими Гольбеиновыми картинами, которыми гордится Базель, есть прекрасный портретъ одной молодой женщины, славной въ свое время. Живописецъ озобразилъ ее въ видѣ Лаисы (по чему легко можно догадаться, какого роду была слава ея), а подлѣ нее представилъ Купидона, облокотившагося на ея колѣни, и держащаго въ рукѣ стрѣлу. Сія картина найдена была на олтарѣ, гдѣ народъ поклонялся ей подъ именемъ Богоматери; и на черныхъ рамахъ ея написано золотыми буквами: Verbum Domini manet in aeternum *(Слово Господне пребываетъ вовѣки)*.

---

*) Гольбеинъ писалъ лѣвою рукою

Кабинетъ Господина Феша есть достойный предметъ любопытства всѣхъ путешественниковъ, любящихъ искусство. Его цѣнятъ во 150,000 талеровъ. Конечно не многіе изъ частныхъ людей въ Европѣ имѣютъ такое собраніе прекрасныхъ картинъ, и конечно не многіе изъ богачей имѣютъ такой вкусъ, какъ Г. Фешъ. Но сколько завидны драгоцѣнныя его картины, столько же, или еще болѣе завиденъ для меня и тотъ прекрасный видъ, которымъ наслаждается сей любимецъ фортуны, смотря изъ оконъ своего кабинета на величественный Реинъ, и взоромъ своимъ слѣдуя за его теченіемъ между двумя великими государствами. Тутъ Франція, Швейцарія и Германія представляются глазамъ въ разнообразной картинѣ, подъ голубымъ сводомъ неба—и я могъ бы цѣлый день неподвижно простоять въ семъ магическомъ кабинетѣ, смотрѣть и тихо въ душѣ восхищаться, естьли бы не побоялся быть въ тягость Господину Фешу. — На дворѣ передъ его домомъ показываютъ деревянную и очень топорно выработанную статую Императора Рудольфа I. Онъ представленъ сидящимъ на тронѣ въ порфирѣ и со всѣми знаками своего достоинства. Его избрали въ Императоры въ самое то время, когда онъ войсками своими окружилъ Базель; послѣ чего отворили ему городскія ворота — и онъ жилъ здѣсь, сказываютъ, точно въ томъ домѣ, въ которомъ живетъ теперь Г. Фешъ.

Нынѣ за обѣдомъ былъ я свидѣтелемъ трогательнаго явленія. Пожилой человѣкъ, Кавалеръ Св. Людовика, сидѣлъ на концѣ стола съ пожилою дамою. На лицахъ ихъ изображалась

горесть и блѣдность изнеможенія. Они не брали участія въ общемъ разговорѣ; взглядывали иногда другъ на друга, и утирали платкомъ покраснѣвшіе глаза свои. Всѣ смотрѣли на нихъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ и съ видомъ скрываемаго любопытства. Молодой Женевецъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: *Это знатный Французскій дворянинъ съ своею женою, который по нынѣшнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи.* Въ то время, какъ подавали намъ десертъ, вошли въ залу молодой человѣкъ и молодая дама въ дорожномъ платьѣ. Mon père! ma mère! mon fils! ma fille!—и при сихъ восклицаніяхъ Кавалеръ Св. Людовика и сидѣвшая подлѣ него дама вдругъ очутились на срединѣ комнаты въ объятіяхъ молодыхъ людей. Глубокое молчаніе въ залѣ—всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ, казались, оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ, другой рюмку, и остался неподвиженъ въ семъ положеніи; тѣ, которые говорили и замолчали, не успѣли затворить рта, устремивъ взоры свои на обнимающуюся группу. Ты пролетѣла, минута молчанія и тишины! но глубокія черты оставила ты въ моемъ сердцѣ, которыя всегда будутъ воспоминать мнѣ чувствительность людей—ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга!—Наконецъ Кавалеръ Св. Людовика, отирая ліющіяся слезы свои, оборотился къ намъ и сказалъ прерывающимся голосомъ: *Простите, государи мои, простите радостному изступленію нѣжныхъ родителей, которые трепетали о жиз-*

*ни милыхъ дѣтей своихъ *), но благодаря Всевышняго! видятъ ихъ въ цѣлости и прижимаютъ къ своему сердцу! Мы лишились своего имѣнія и отечества; но когда живъ сынъ нашъ когда жива дочь наша, то забываемъ все прочее горе!* Потомъ, держа другъ друга за руки, вышли они изъ залы. Всѣ мы встали, пошли за ними, и нашедши на крыльцѣ слугу ихъ, окружили его и требовали, чтобы онъ объяснилъ намъ видѣнную нами сцену.—«Я могу вамъ сказать единственно то, отвѣчалъ онъ, что бунтующіе поселяне хотѣли убить моего господина; что онъ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ замокъ свой въ огнѣ и въ пламени, и не зная объ участи дѣтей своихъ, которыя были въ гостяхъ у брата его, и которыя теперь, по его письму, благополучно сюда пріѣхали».—

Естьли вы въ полдень спросите здѣсь, *который часъ?* то вамъ скажутъ въ отвѣтъ: *по общимъ часамъ двѣнадцать, а по Базельскимъ часъ*—то есть, здѣшніе часы идутъ всегда впереди противъ общихъ. Напрасно будете вы приступать къ Базельцамъ и требовать, чтобы они сказали вамъ подлинную причину сей странности. Никто ее не знаетъ; но за старое преданіе разсказываютъ, что будто бы причиною того былъ нѣкогда уничтоженный заговоръ—и такимъ образомъ: Нѣкоторые зломыслящіе люди въ Базелѣ уговорились въ двѣнадцать часовъ ночи собраться и перерѣзать въ городѣ всѣхъ судей; одинъ изъ Бургомистровъ узналъ о томъ,

*) Слово въ слово съ Французскаго; но галлицизмы такого рода простительны.

и велѣлъ на колокольнѣ главной церкви ударить часъ, вмѣсто двѣнадцати; каждый изъ заговорщиковъ подумалъ, что назначенное время уже прошло, и возвратился домой—послѣ чего всѣ Базельцы, въ память щастливой Бургомистровой выдумки, переставили часы свои часомъ впередъ. По другому преданію, сдѣлалось сіе во время Базельскаго *Церковнаго Собора*, для того, чтобы лѣнивые Кардиналы и Епископы вставали и собирались ранѣе.—Какъ бы то ни было, только Базельцы уже привыкли обманывать себя во времени дня, и народъ почитаетъ сей обманъ за драгоцѣнное право своей вольности.

Хотя въ Базелѣ народъ не имѣетъ законодательной власти и не можетъ самъ избирать начальниковъ, однакожь правленіе сего Кантона можно назвать отчасти демократическимъ; потому что каждому гражданину открытъ путь ко всѣмъ достоинствамъ въ Республикѣ, и люди самаго низкаго состоянія бываютъ Членами Большаго и Малаго Совѣта, которые даютъ законы, объявляютъ войну, заключаютъ миръ, налагаютъ подати, и сами избираютъ Членовъ своихъ.—Хлѣбники, сапожники, портные играютъ часто важнѣйшія роли въ Базельской Республикѣ.

Во всѣхъ жителяхъ видна здѣсь какая-то важность, похожая на угрюмость, которая для меня не совсѣмъ пріятна. Въ лицѣ, въ походкѣ и во всѣхъ ухваткахъ имѣютъ они много характернаго.—Въ домахъ гражданъ и въ трактирахъ соблюдается отмѣнная чистота, которую путешественники называютъ вообще Швейцарскою добродѣтелію. — Только женщины здѣсь

отмѣнно дурны; по крайней мѣрѣ я не видалъ ни одной хорошей, ни одной изрядной.—

Въ семи верстахъ отъ Базеля находится такъ называемая *пустыня*, или обширный садъ, принадлежащій одному изъ здѣшнихъ богачей. Туда ходилъ я пѣшкомъ съ двумя молодыми Берлинцами здѣсь живущими. Кажется, будто бы искусство не имѣло никакого участія въ разведеніи сего сада. Надобно вездѣ ходить по узенькимъ тропинкамъ и взбираться на утесы по каменнымъ ступенямъ. Индѣ видишь частый, зеленый кустарникъ — индѣ глубокія пещеры, или разбросанные шалаши. Во глубинѣ дикаго грота, гдѣ чистая вода, струясь съ высокихъ камней, ископала себѣ маленькой бассеинъ, стоитъ монументъ покойнаго Геснера, печальною дружбою сооруженный... Поздно, поздно пріѣхалъ я въ Швейцарію: умолкъ голосъ нѣжнаго пѣвца ея! Въ семъ тихомъ гротѣ, въ семъ святилищѣ меланхоліи, душа чувствуетъ томное уныніе и погружается наконецъ въ сладкую дремоту. Здѣсь изобразилъ бы я Ночь, Сонъ и Смерть, какъ они, по описанію Павзаніеву, на Ципселовомъ сундукѣ изображены были *).—Мы сходили въ подземный храмъ Прозерпины, и видѣли образъ сей богини, освѣщаемый слабымъ свѣтомъ тихо горящихъ лампадъ. Чрезвычайный холодъ и сырость не позволили намъ ни минуты пробыть тамъ. — Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Арлейсгеймѣ, принадлежащемъ Ба-

*) Ночь представлена была въ видѣ молодой женщины, держащей въ своихъ объятіяхъ двухъ мальчиковъ, бѣлаго и чернаго; одинъ спалъ, а другой *казался* спящимъ; одинъ означалъ сонъ, а другой смерть.

зельскому Епископу, и въ семь часовъ возвратились назадъ въ Базель.

Верстахъ въ двухъ или въ трехъ отсюда, гдѣ построена такъ называемая гошпиталь Св. Якова, было нѣкогда жестокое сраженіе между Французами и Швейцарами, которые почти всѣ легли на мѣстѣ. Базельскіе жители всякой годъ въ Маѣ мѣсяцѣ приходятъ туда воспѣвать геройскія дѣла своихъ предковъ и пить красное вино, называемое *Швейцарскою кровью*.

Я имѣлъ любопытство видѣть тотъ домъ, въ которомъ жилъ Парацельсъ. Сказываютъ, что въ саду, принадлежащемъ къ сему дому, и понынѣ находятъ еще огарки изъ химическихъ или алхимическихъ печей сего чуднаго человѣка, которому, по признанію Ученыхъ, обязана Медицина многими минеральными лекарствами, и нынѣ съ великою пользою употребляемыми, но который отъ страшнаго хвастовства своего прослылъ шарлатаномъ въ цѣлой Европѣ *). —

Вообразите, что новый мой знакомецъ Б*, съ которымъ я уговаривался вмѣстѣ путешествовать по Швейцаріи, умираетъ — умираетъ отъ любви! Здѣсь въ трактирѣ живетъ молодая дама изъ Ивердона. Сегодня ужинала она за общимъ столомъ, сидѣла подлѣ Б* и нѣсколько разъ начинала съ нимъ говорить. Нѣжное сердце моего Датчанина растопилось отъ огненныхъ ея взоровъ. Онъ весь покраснѣлъ, забылъ пить и ѣсть, и только что подчивалъ красавицу; а при

*) Пишутъ, что онъ часто лекціи свои начиналъ такъ: «Знайте, о Медики! что колпакъ мой ученѣе всѣхъ васъ, и «что борода моя опытнѣе вашихъ Академій. Греки, Римляне, «Французы, Италіянцы! я буду вашимъ царемъ».

концѣ ужина подалъ ей записную книжку свою и карандашъ, прося, чтобы она написала ему какое нибудь наставленіе. Красавица взяла книжку, карандашъ—взглянула на него умильно, нѣжно—и написала по-Французски: *Сердце, подобное вашему, не имѣетъ нужды въ наставленіяхъ; слѣдуй своимъ побужденіямъ, оно слѣдуетъ предписаніямъ добродѣтели*—написала и подала ему съ улыбкою. Madame! сказалъ восхищенный Б*... Madame!.. Въ самую сію минуту всѣ изъ-за стола встали, и красавица, присѣвъ передъ нимъ, подала руку своему брату и ушла. Б* стоялъ, смотрѣлъ въ слѣдъ за нею, и наконецъ сказалъ мнѣ, когда я подошелъ къ нему, что онъ едва ли можетъ завтра ѣхать со мною въ Цирихъ, чувствуя себя очень нездоровымъ.

—

Базель, Августа 9.

Молодая Дама изъ Ивердона нынѣ по утру уѣхала, и Датчанинъ Б* исцѣлился отъ любовной своей болѣзни. Вмѣстѣ съ нимъ наняли мы здѣсь извощика, или такъ называемаго *кучера* (Kutscher), который за два луидора съ талеромъ повезетъ насъ въ Цирихъ на парѣ жирныхъ лошадей, въ двумѣстной старомодной каретѣ; и такимъ образомъ за 60 верстъ платимъ мы 17 руб. Въ Швейцаріи нѣтъ почты.—*Ступайте, господа!* кричитъ намъ почтенный извощикъ Швейцарской въ плисовомъ фракѣ: *ступайте! чемоданы ваши привязаны.* И такъ простите!

—

988

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу *), не возмущаемую свирѣпыми страстями!—Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! естьли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щастію; что измѣненіе существа моего есть воз-

*) Читатель, можетъ быть, вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя кротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ миѳахъ своихъ предали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствію вѣчно юнаго Аполлона, въ которомъ Древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности?

вышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой—когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы — чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостію, естьли бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими!—Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, естьли я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роптал на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!—

Мы ѣдемъ подлѣ Реина, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ виноградным стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня.—Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины.— Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

—

Реинфельденъ, Австрійской городокъ.

И такъ я теперь во владѣніи нашего Союзника!—Кучеръ нашъ кормитъ своихъ лошадей хлѣбомъ, а я сижу въ трактирѣ подъ окномъ, и смотрю на Реинъ, котораго пѣна чуть до меня не долетаетъ.

—

Брукъ.

Мы обѣдали въ маленькой Швейцарской деревенькѣ, куда въ одно время съ нами пріѣхала Француженка въ печальномъ платьѣ, съ девятилѣтнимъ сыномъ и съ бѣлкою. Печальное платье, блѣдное лице и томность въ глазахъ, дѣлали ее привлекательною для меня, а еще болѣе для моего мягкосердечнаго Б*. «Я надѣюсь, сударыня, что вы позволите намъ вмѣстѣ съ вами обѣдать»—сказалъ онъ ей съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, который для Датчанина былъ очень нѣженъ. «Естьли это не будетъ вамъ противно»— отвѣчала Француженка съ пріятнымъ движеніемъ головы. «Господинъ трактирщикъ!» закричалъ мой Б* повелительнымъ голосомъ: «вы конечно не заставите насъ жаловаться на худой обѣдъ?» *Увидите*, отвѣчалъ Швейцаръ съ нѣкоторою досадою, поправивъ на головѣ своей шапку. — «Швейцары добрые люди» — сказала Француженка съ улыбкою, сѣвъ за накрытый столъ—«только немного грубоваты». Поставили кушанье: Б* рѣзалъ, раздавалъ, и всячески старался услуживать Дамѣ и сыну ея. Онъ не могъ утерпѣть, чтобы не спросить у нее, по комъ носитъ она трауръ. «По братѣ, отвѣчала Француженка со вздо-

хомъ. Онъ писалъ ко мнѣ изъ Т* о своей болѣзни; я поѣхала къ нему съ маленькимъ своимъ Пьеромъ, и—нашла его лежащаго во гробѣ». Тутъ обтерла она слезу, которая выкатилась изъ *праваго* глаза ея, какъ сказалъ бы Йорикъ.— А въ какихъ лѣтахъ былъ вашъ братецъ? спросилъ Б*, и заставилъ меня отъ досады повернуться на стулѣ. — «Старѣе меня пятью годами»—отвѣчала она, и обтерла *другую* слезу, блиставшую на *нижней ресницѣ лѣваго глаза* ея. Господинъ Б*! сказалъ я: вы оскорбляете чувствительность Госпожи N. N. горестными воспоминаніями. Я этаго не думалъ (отвѣчалъ онъ покраснѣвши), право не думалъ. Простите меня, сударыня! «Рана въ сердцѣ моемъ такъ еще свѣжа, сказала она, что кровь не переставала изъ нее литься». — Маленькой Пьеръ бросилъ ложку, посмотрѣлъ на мать, всталъ, подбѣжалъ къ ней, началъ цѣловать ея руку, и между поцѣлуями взглядывалъ на нее такъ умильно, и говорилъ ей такъ нѣжно: *маменька, не плачьте! не плачьте, любезная маменька!* что я пошелъ въ карманъ за бѣлымъ платкомъ, а Б* въ восторгѣ вскочилъ со стула, схватилъ руку ея, которою обнимала она сына своего, и прижалъ ее къ своимъ губамъ. Въ самую сію секунду вошелъ трактирщикъ. *Ба! что это?* сказалъ онъ грубымъ голосомъ: *я думалъ, что вы обѣдаете.* Никто не отвѣчалъ ему. Госпожа N. N. высвободила свою руку (на которой осталось розовое пятно), и томнымъ взоромъ наказала чувствительнаго Б* за нескромный жаръ его. Вели подать намъ кофе, сказалъ я трактирщику; но онъ стоялъ какъ вкопаной, выпучивъ глаза на Француженку, которой блѣдныя щеки, отъ внут-

ренняго ея движенія, покрылись алымъ румянцемъ. Между тѣмъ она указала маленькому Пьеру мѣсто его. Б* сѣлъ на свое, и мы принялись за десертъ. Госпожа N. N. успокоилась, и разсказала намъ, что она возвращается теперь къ своему мужу, который родомъ Швейцаръ, но по торговымъ дѣламъ жилъ долгое время по Франціи и, будучи въ Т*, влюбился въ нее, сыскалъ ея любовь, женился на ней и переѣхалъ жить въ К*. Онъ очень щастливъ, сударыня (сказалъ я), имѣя такую супругу; но онъ конечно достоинъ своего щастія, потому что вы нашли его достойнымъ любви вашей.—Тутъ кучеръ объявилъ намъ, что лошади впряжены. Надобно было расплатиться съ трактирщикомъ и проститься съ нѣжною Француженкою. Она позволила намъ расцѣловать своего Пьера,—изъ чего вышла опять чувствительная сцена, и вотъ какимъ образомъ. Въ самую ту минуту, какъ Б* обнималъ маленькаго Пьера, рѣзвая бѣлка, прыгавшая по столу, вскочила ему на голову, и передними своими лапками такъ ласково ухватила его за носъ, что онъ закричалъ. Госпожа N. N. ахнула; а трактирщикъ, стоявшій у дверей, захохоталъ во все горло. Бѣлку стащили съ головы моего пріятеля, и маленькой Пьеръ, вертя ее за хвостъ, кричалъ: *ахъ, бѣлка! злая бѣлка! на что ты схватила за носъ Господина Б*?* Учтивый пріятель мой увѣрялъ госпожу N. N., что ему не приключилось въ самомъ дѣлѣ никакого вреда, кромѣ испуга. «Ахъ, государь мой! сказала она: я вижу кровь, я вижу кровь!..» и бѣлымъ своимъ платкомъ обтерла двѣ красныя капли на его переносицѣ. «Ахъ, сударыня! отвѣчалъ Б*, будучи тронутъ

до глубины сердца: какъ мнѣ благодарить васъ за вашу попечительность! Воспоминаніе объ ней будетъ для меня всегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ; и самой вашей бѣлки я никогда не забуду». Госпожа N. N. подарила ему трубочку Англійскаго пластыря, желая, чтобы цѣлительная сила его загладила преступленіе ея звѣрка. Тутъ мы снова простились, получивъ отъ нее адресъ ея, и записавъ ей наши имена. Маленькій Пьеръ проводилъ насъ до кареты. Милая Француженка смотрѣла изъ окна, когда мы садились. Простите, сударыня, простите! кричалъ ей Б*. Простите! отвѣчала она. Простите! кричалъ маленькой Пьеръ, кивая головою. — Мы поѣхали, и долго еще говорили о любезной госпожѣ N. N., которая въ воображеніи моего Б* затемнила образъ молодой госпожи изъ Ивердона.—

Проѣзжая черезъ одну деревню, увидѣли мы великое стеченіе народа; велѣли кучеру остановиться, вышли изъ кареты и втерлись въ толпу. Тутъ вязали одного молодаго человѣка, который со слезами просилъ, чтобы его освободили. Что такое онъ сдѣлалъ? спросили мы. «Онъ укралъ, укралъ два талера въ лавкѣ» — отвѣчали намъ вдругъ человѣка четыре: «у насъ никогда не бывало воровства; это бродяга, пришедшій изъ Германіи; его надобно наказать».— Однакожь онъ плачетъ, сказалъ я: добродушные Швейцары! пустите его! — «Нѣтъ, его надобно наказать, чтобы онъ пересталъ красть»— отвѣчали мнѣ. По крайней мѣрѣ, добродушные Швейцары, накажите его такъ, какъ отцы наказываютъ дѣтей своихъ за ихъ проступки,— сказалъ я, и пошелъ къ своей каретѣ. — Мо-

Ахъ, государь мой! Я вижу кровь, вижу кровь! (т. I, 196).

жетъ быть ни въ какой землѣ, друзья мои, не бываетъ такъ мало преступленій, какъ въ Швейцаріи, а особливо воровства, которое считается здѣсь за великое злодѣяніе. О разбояхъ и убивствахъ совсѣмъ не слышно; миръ и тишина царствуютъ въ щастливой Гельвеціи.—

Спускаясь съ высокой горы, которая виситъ надъ городомъ, могъ я обнять глазами великое пространство; и все сіе пространство усѣяно щедротами Натуры. Здѣсь мы ночуемъ; а завтра поутру будемъ въ Цирихѣ.

—

Цирихъ.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цириху; съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красивые его берега, гдѣ нѣжный Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его *Германѣ;* гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей Ноахиды, и питался духомъ временъ Патріаршихъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечтали для потомства; гдѣ Фридрихъ Штолбергъ, сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ творцевъ Греческихъ, пѣвца боговъ и Героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнчаннаго, и пѣснями своими восхищающаго Греческое юношество—видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ

пѣсни его на языкѣ Тевтоновъ*); гдѣ нашъ Л• родилъ съ любовною своею грустію, и всякой цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ.—

Мы пріѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ трактирѣ, подъ вывѣскою *Ворона*, отвели намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цирихское озеро разливается у насъ передъ глазами и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стремленіе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ.—Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду—нужно ли сказывать, къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокой, блѣдный человѣкъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать—Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ. Услышавъ, что я тотъ Москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, Лафатеръ поцѣловался со мною—поздравилъ меня съ пріѣздомъ въ Цирихъ—сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи—и сказалъ: «Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать и разсматривать,

*) *Т. е. Нѣмцовъ.*—Штолбергъ перевелъ Иліаду.

что вамъ угодно. Будьте здѣсь какъ дома».— Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: *Физіогномическій Кабинетъ*, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физіогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсь вамъ, друзья мои, что сдѣланный мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдутся дружелюбнѣе и, услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удивленія? Но на чемъ же основывалась такая надежда? Друзья мои! не требуйте отъ меня отвѣта, или вы приведете меня въ краску. Улыбнитесь про себя на счетъ вѣтренаго безразсуднаго самолюбія человѣческаго, и предайте забвенію слабость вашего друга. — Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула, бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цирихскихъ Ученыхъ, къ Профессору Брейтингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человѣкъ съ проницательнымъ взоромъ,—у котораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ,— обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издатель Христіянскаго Магазина, и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г., и хотя, разсматривая лице его по частямъ, увидѣлъ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, и все, все другое; однакожъ первое впечатлѣніе осталось, и мнѣ никакъ не можно было разувѣрить себя въ семъ сходствѣ. Наконецъ я по-

ложилъ, что хотя и нѣтъ между ими сходства въ наружной формѣ частей лица, однакожь оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловъ!! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься разсматриваніемъ лицъ человѣческихъ, искать сходства тамъ, гдѣ другіе его не находили, и проч. и проч., а теперь, будучи обвѣянъ воздухомъ того города, который можно назвать колыбелію новой Физіогномики, Метопоскопіи, Хиромантіи, Подоскопіи— теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться!— Честные Швейцары курили табакъ и пили чай, а Лафатеръ разсказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. «Естьли бы хотѣлъ я вообразить совершеннаго Министра, то представлялъ бы «себѣ Неккера. Лице, голосъ и движенія не «измѣняютъ у него сердцу. Вѣчное спокойствіе «есть его стихія. Однакожь онъ не рожденъ ве«ликимъ, такъ какъ Невтонъ, Вольтеръ, и проч. «Великость его есть пріобрѣтеніе; онъ сдѣлалъ «изъ себя все возможное». Лафатеръ видѣлъ его въ самый тотъ часъ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ Короля и Національнаго Собранія, и посвятивъ сердечный вздохъ спокойному пристанищу, ожидавшему его при подошвѣ горы Юры *), возвратиться въ бурный Парижъ—

*) Гдѣ онъ теперь провождаетъ тихіе дни свои; но можетъ ли единообразная, непрерывная, праздная тишина быть щастіемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жизни государственнаго человѣка? Сія жизнь при всѣхъ своихъ безпокойствахъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вѣтровъ, потрясающихъ уединенное жилище его, томится въ уныніи. Размышляя о про-

Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цирихскихъ Ученыхъ, и къ великому своему сожалѣнію не понималъ всего, что говорено было; потому что здѣсь говорятъ самымъ нечистымъ Нѣмецкимъ языкомъ. Черезъ часъ Лафатеръ взялъ шляпу, и я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до трактира и простился со мною до завтрашняго дня.

Вы конечно не потребуете отъ меня, чтобы я въ самый первый день личнаго моего знакомства съ Лафатеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать единственно то, что онъ имѣетъ весьма почтенную наружность: прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лице, острые глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры; всякое слово говоритъ онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть нѣчто учительское или повелительное, произшедшее конечно отъ навыка говорить проповѣди, но смягчаемое видомъ непритворной искренности и чистосердечія. Я не могъ *свободно* говорить съ нимъ, первое потому, что онъ, казалось, взоромъ своимъ заставлялъ меня

текшихъ часахъ, посвященныхъ имъ благу Французовъ, онъ внутренно укоряетъ сей народъ неблагодарностію и взываетъ съ Царемъ Леаромъ: Blow winds, rage, blow! I tax not you, you elements, with unkindness, I called not you my children; I never gave you kingdom! («Шумите, свирѣпые вѣтры; шумите! я не жалуюсь на свирѣпость вашу, «раздраженныя стихіи! вы не дѣти мои: вамъ не отдавалъ я царства»). Читая сіе мѣсто въ новой книгѣ его, sur l'Administration de M. Nekker, par lui-même, я готовъ былъ «заплакать. Французы! вы кричали нѣкогда: «да здрав«ствуетъ Нація, Король и Неккеръ!» а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ?

говорить какъ можно скорѣе; а второе потому, что я безпрестанно боялся не понять его, не привыкнувъ къ Цирихскому выговору.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть; и чтобы не дать ей усилиться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ отечеству, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несется изъ оконъ сосѣдняго дома. Это голосъ юноши—и вотъ слова пѣсни.

«Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоей готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Отечество мое! ты все въ себѣ вмѣщаешь, чѣмъ смертный можетъ наслаждаться въ невинности своей. Въ тебѣ прекрасенъ видъ Природы; въ тебѣ цѣлителенъ и ясенъ воздухъ; въ тебѣ земныя блага рѣкою полною ліются.

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Мы всѣ живемъ въ союзѣ братскомъ; другъ друга любимъ, не боимся, и чтимъ того, кто добръ и мудръ. Не знаемъ роскоши, которая свободныхъ въ рабовъ, въ тирановъ превращаетъ. На что намъ блескъ искусства, когда Природа здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ—когда мы изъ грудей ея пiемъ блаженство и восторгъ.

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ».

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Простите, друзья мои!

—

11 Августа, въ 10 часовъ вечера.

Пришедши въ 11 часовъ къ Лафатеру, нашелъ я у него въ кабинетѣ жену владѣтельнаго Графа Штолберга, которая читала про себя какой-то манускриптъ, между тѣмъ какъ хозяинъ (NB. въ пестромъ своемъ шлафрокѣ) писалъ письма. Черезъ полчаса комната его наполнилась гостями. Всякой чужестранецъ, пріѣзжающій въ Цирихъ, считаетъ за должность быть у Лафатера. Сіи посѣщенія могли бы иному наскучить; но Лафатеръ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ видѣть новыхъ людей, и что отъ всякаго пріѣзжаго можно чему нибудь научиться. Онъ повелъ насъ къ своей женѣ, гдѣ пробыли мы съ часъ—поговорили о Французской революціи, и разошлись. Послѣ обѣда я опять пришелъ къ нему, и нашелъ его опять занятаго дѣломъ. Къ тому же всякую четверть часа кто нибудь входилъ къ нему въ кабинетъ, или требовать совѣта или просить милостыни. Всякому отвѣчалъ онъ безъ сердца, и давалъ, что могъ. Между тѣмъ я познакомился съ живописцомъ Липсомъ, который не давно пріѣхалъ изъ Италіи, и живетъ у него въ домѣ. Къ намъ пришелъ еще Пфенингеръ, съ котораго Липсъ началъ списывать портретъ, и съ которымъ мы проговорили до самаго вечера; а хозяинъ ушелъ отъ насъ въ четыре часа и не возвращался.

О городѣ скажу вамъ, что онъ не прельщаетъ глазъ, и кромѣ публичныхъ зданій, наприм. ратуши и проч., не замѣтилъ я очень хорошихъ или огромныхъ домовъ: а многія улицы или переулки не будутъ ни въ сажень шириною.

Въ здѣшнемъ арсеналѣ показываютъ стрѣлу, которою славный Вильгельмъ Тель сшибъ яблоко съ головы своего сына и застрѣлилъ Императорскаго Губернатора Гейслера,—что было знакомъ къ общему бунту.—Въ публичной Цирихской библіотекѣ между прочими манускриптами хранятся три Латинскія письма отъ шестнадцатилѣтней Анны Гре къ реформатору Буллингеру, писанныя собственною ея рукою, и наполненныя чувствами сердечнаго благочестія. Разныя мѣста, приведенныя ею въ сихъ письмахъ изъ Еврейскихъ и Греческихъ книгъ, показываютъ, что она знала и тотъ и другой языкъ. Такая ученость въ шестнадцатилѣтней дѣвицѣ могла бы и нынѣ удивить насъ: чтоже тогда? Нещастная Гре! ты была украшеніемъ своего времени, и скончала цвѣтущую жизнь столь ужаснымъ образомъ! Тронъ былъ тебѣ погибелью.

—

Августа 12.

Нынѣ рано поутру прислалъ за мною Лафатеръ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и съ нѣкоторыми изъ друзей его итти обѣдать къ деревенскому Священнику Т *. Это путешествіе утомило меня до крайности. Надобно было всходить по камнямъ на высокую и крутую гору. Нѣкоторые изъ нашихъ сопутниковъ, для облегченія своего скинули съ себя кафтаны, и шли въ однихъ камзолахъ. На вершинѣ горы мы остановились отдохнуть и полюбоваться прекрасными видами, которые наградили меня за все претерпѣнное мною. Удивительно ли (сказалъ мнѣ Г. Гесъ, указывая рукою на свѣтлое озеро, на горы и

плодоносныя долины), удивительно ли, что Швейцары такъ привязаны къ своему отечеству? Смотрите, сколько красотъ здѣсь разсѣяно!»— На узкой долинѣ между горъ, въ семи верстахъ отъ Цириха, лежитъ та маленькая деревенька, которая, была цѣлію нашего путешествія. Тамъ принялъ насъ добродушный Священникъ со всѣми знаками дружелюбія. Вмѣстѣ съ нимъ вышли къ намъ на встрѣчу жена его и двѣ дочери, которыя всякому живописцу могли бы служить образцемъ красоты, и которыя напомнили мнѣ Томсоновы стихи:

As in the hollow breast of Appenine,
Beneath the shelter of encircling hills,
A myrtle rises, far from human eye,
And breathes its balmy fragrance o'er the wild:
So flourish'd blooming, and unseen by all,
The sweet Lavinia *).— —

Сестры прелестницы! я хотѣлъ бы щастливою чертою пера изобразить красоту вашу, которую сама Натура возлелѣяла; хотѣлъ бы сравнять бѣлорумяныя щеки ваши съ чистымъ снѣгомъ высокихъ горъ, когда восходящее солнце сыплетъ на него алыя розы; хотѣлъ бы уподобить улыбку вашу улыбкѣ весенней Природы, глаза ваши звѣздамъ вечернимъ—но скромность вашихъ взоровъ отнимаетъ у меня смѣлость хвалить васъ.—Никогда еще не видывалъ я двухъ женщинъ, столь между собою сходныхъ, какъ сіи двѣ красавицы. Кажется, что Гра-

*) «Подобно какъ въ лонѣ горъ Аппенинскихъ, подъ кровомъ холмовъ, восходитъ миртъ, удаленный отъ глазъ человѣческихъ, и бальзамическое свое благоуханіе разливаетъ въ пустынѣ: такъ цвѣла въ уединеніи любезная Лавинія».

ціи образовали ихъ въ одно время и по одной модели. Ростъ одинакой, лица одинакія; у обѣихъ черные глаза и русые волосы, по плечамъ распущенные; на обѣихъ и бѣлыя платья одинакаго покроя *)—«Я привелъ къ вамъ Русскаго (сказалъ Лафатеръ), который знакомъ съ вашею родственницею, дѣвицею Т*.» Хозяйка меня разспрашивала, а дочери слушали, наливая чай для гостей своихъ. Признаюсь, я выпилъ лишнюю чашку, и выпилъ бы еще десять, естьли бы красавицы не перестали меня подчивать.— Между тѣмъ я обратилъ глаза свои на большой шкапъ съ книгами, и нашелъ тутъ почти всѣхъ лучшихъ древнихъ и новыхъ Стихотворцевъ. Вы конечно любите Поэзію? спросилъ я у хозяина. *Родясь въ романической землѣ*, отвѣчалъ онъ, *какъ не любить Поэзію?* Между тѣмъ мы отдохнули, и пошли гулять по саду. Со всѣхъ сторонъ представлялись намъ дикіе виды горъ, полагавшихъ тѣсные предѣлы нашему зрѣнію.— Естьли мнѣ когда нибудь наскучитъ свѣтъ; естьли сердце мое когда нибудь умретъ всѣмъ радостямъ общежитія; естьли уже не будетъ для него ни одного сочувствующаго сердца: то я удалюсь въ ту пустыню, которую сама Натура оградила высокими стѣнами, неприступными для пороковъ,—и гдѣ все, все забыть можно, все, кромѣ Бога и Натуры.—Возвратясь въ комнату, нашли мы на столѣ кушанье. Обѣдъ былъ самый изобильный; говорили, шутили, смѣялись. Лафатеръ, сидѣвшій рядомъ со мною, сказалъ,

*) Одной изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Горы Швейцарскія! вы не защитили ее отъ безвременной, жестокой смерти.

потрепавъ меня по плечу: *думалъ ли я дни за три передъ этимъ, что буду нынѣ обѣдать съ моимъ Московскимъ пріятелемъ?* Послѣ обѣда началась игра — однакожъ не карточная, друзья мои! Всѣ сѣли вокругъ стола; всякой взялъ листочикъ бумаги и написалъ вопросъ, какой ему на мысль пришелъ. Потомъ бумажки смѣшали и роздали. Всякой долженъ былъ отвѣчать на тотъ вопросъ, который ему достался, и написать новый. Такимъ образомъ продолжались вопросы и отвѣты, пока на листочкахъ не осталось бѣлаго мѣста. Тутъ прочли въ слухъ все написанное. Нѣкоторые отвѣты были довольно остроумны; а Лафатеровы отличались отъ другихъ какъ луна отъ звѣздъ. Сестры прелестницы отвѣчали всегда просто и хорошо. Вотъ вамъ нѣчто для примѣра. Вопросъ: *Кто есть истинный благодѣтель?* Отвѣтъ: *Тотъ, кто помогаетъ ближнему въ* настоящей *его нуждѣ.* Сей отвѣтъ, при всей своей простотѣ, заключаетъ въ себѣ разительную истину. Давай всякому то, въ чемъ онъ на *сей разъ* имѣетъ нужду; не читай нравоученій тому человѣку, который умираетъ съ голоду, а дай ему кусокъ хлѣба; не бросай рубля тому, кто утопаетъ, а вытащи его изъ воды.—Вопросъ: *Нужна ли жизнь такого-то человѣка для совершенія такого-то дѣла?* Отвѣтъ: *Нужна, естьли онъ живъ останется; не нужна естьли онъ умретъ.* — Вопросъ: *Что всего лучше въ томъ мѣстѣ, гдѣ мѣ теперь?* Отвѣтъ: *Люди.* Потомъ изъ нѣсколькихъ заданныхъ словъ, между которыми не было никакой связи, надлежало всякому сочинить что нибудь связное. Тутъ выходило все смѣшное.— Желалъ бы я, чтобы мы переняли у Нѣмцевъ

сіи острящія разумъ игры, которыя могутъ быть столь забавны въ пріятельскихъ обществахъ*).

Наконецъ, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, отправились мы назадъ въ Цирихъ. Добродушный Священникъ съ двумя своими Ореадами пошелъ насъ провожать; красавицы очень устали, и я насилу могъ упросить одну изъ нихъ взять мою трость. На вершинѣ горы мы съ ними разстались, и возвратились въ городъ почти ночью. Я простился съ Лафатеромъ на два дни, потому что намѣренъ завтра вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Б* итти пѣшкомъ въ Шафгаузенъ, до котораго считается отсюда пять миль.

—

Эмлизуа, Августа 14.

Вчера въ восемь часовъ утра пошли мы съ Б* изъ Цириха. Сперва шелъ я довольно бодро; но скоро силы мои начали истощаться — день былъ самый ясный—жаръ безпрестанно усиливался—и наконецъ, прошедши мили двѣ, я отъ слабости упалъ на траву подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего Б*, которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Реинскаго водопада. Изъ трактира вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои; и мы чрезъ часъ опять пустились въ путь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза три останавливался отдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услы-

*) Желаніе автора исполнилось: нѣкоторыя изъ нашихъ Дамъ полюбили играть въ вопросы и отвѣты.

шали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега, и увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились, пришли въ восторгъ, и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минутъ съ пять не говорили ни слова, и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего товарища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? «Я думаю, отвѣчалъ Б*, что оно — слишкомъ—слишкомъ возвеличено путешественниками.» Мы одно думаемъ, сказалъ я: рѣка, съ пѣною и шумомъ низпадающая съ камней, конечно стоитъ того, чтобы взглянуть на нее; однакожь гдѣ тотъ громозвучный, ужасный водопадъ, который вселяетъ трепетъ въ сердцѣ? — Такимъ образомъ мы поговорили другъ съ другомъ, и боясь, чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротъ, отложили до слѣдующаго дня посмотрѣть на водопадъ вблизи. Насилу могъ я доташиться до города: такъ ноги мои устали! Мы пришли прямо въ трактиръ *Вѣнца*, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники, и гдѣ — не смотря на то, что мы были пѣшеходы и съ головы до ногъ покрыты пылью — приняли насъ очень учтиво. Сей трактиръ почитается однимъ изъ лучшихъ въ Швейцаріи, и существуетъ болѣе двухъ вѣковъ. Монтань упоминаетъ объ немъ, и притомъ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія; а Монтань былъ въ Шафгаузенѣ въ 1581 году.—Послѣ хорошаго ужина бросился я на постелю и заснулъ мертвымъ сномъ. На другой день поутру, т. е. сегодня былъ я у Кандидата Миллера, Автора хорошо принятой книги, подъ титуломъ Philosophische

твердости отражающему всѣ удары злаго рока) —а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Реину. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся—но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ.—Лодошникъ почелъ за нужное сказать намъ, что въ Америкѣ есть подобный водопадъ. Онъ не умѣлъ назвать его: но мы поняли, что онъ говоритъ о Ніагарѣ.

—

Эмизау.

Шумящія волны быстро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Реина. День склонялся къ вечеру. Я былъ такъ доволенъ, такъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе; солнце такъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленыя решетки вѣтьвистыхъ деревъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчеваютъ высокой берегъ; жаркое золото лучей его такъ прекрасно мѣшалось съ чистымъ серебромъ Реинской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиковъ, которые составляютъ богатство мирныхъ семействъ, живущихъ въ простотѣ Натуры—ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Въ Эглизау, маленькомъ городкѣ, на половинѣ дороги отъ Шафгаузена къ Цириху, вышли мы на берегъ, заплативъ лодошнику новый Французской талеръ, или два рубля. Хотя солнце уже садится, однакожь мы не намѣрены здѣсь ночевать. Выпивъ въ трактирѣ чашекъ пять кофе, я чувствую въ себѣ такую бодрость, что готовъ пуститься пѣшкомъ на десять миль. Товарищъ мой Б*, который съ кортикомъ и съ собакою прошелъ всю Германію, совсѣмъ не знаетъ усталости—всегда уходитъ впередъ, оборачивается и смѣется надъ моею дряхлостію. До Цириха остается намъ перейти еще болѣе двухъ миль. Завтра Воскресенье, и Лафатеръ поутру въ семь или въ восемь часовъ будетъ говорить проповѣдь въ церкви св. Петра; мнѣ хочется притти туда къ сему времени.—Б* подаетъ мнѣ посохъ и шляпу. Простите!

—

Корчма.

Лишь только вышли мы изъ Эглизау, солнце закатилось: сѣрыя облака покрыли небо; вечеръ становился часъ отъ часу темнѣе, и скоро наступила самая мрачная ночь. Намъ надобно было итти лѣсомъ, въ которомъ царствовала мертвая тишина. Мы останавливались и слушали — но ни одинъ листочикъ на деревѣ не шевелился. Я громко произнесъ имя Сильвана: эхо повторило его, и опять все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святилищу уединеннаго бога лѣсовъ, и вижу его вдали стоящаго съ кипарисною вѣтьвію. Сердце мое чувствовало вмѣстѣ и страхъ и тихое, неизъяснимое удовольствіе. Такимъ образомъ шли мы

Тутъ нашелъ я очень много людей, которые всѣ кланялись мнѣ какъ знакомому. Таковъ обычай въ Цирихѣ: всякой встрѣчающійся на улицѣ человѣкъ говоритъ вамъ: *добрый день*, или *добрый вечеръ!* Учтивость хороша; однакожь рука устанетъ снимать шляпу — и я рѣшился наконецъ ходить по городу съ открытою головою. Въ девятомъ часу возвратился я къ Лафатеру, и ужиналъ у него съ нѣкоторыми изъ его пріятелей и со всѣмъ его семействомъ, кромѣ сына, который теперь въ Лондонѣ. Большая Лафатерова дочь не хороша лицомъ, а меньшая очень пріятна и рѣзва; первой будетъ около двадцати, а послѣдней около двѣнадцати лѣтъ. Хозяинъ нашъ былъ веселъ и говорливъ; шутилъ, и шутилъ забавно. Между прочимъ зашла рѣчь объ одномъ изъ его извѣстныхъ непріятелей—я обратилъ на Лафатера все свое вниманіе—но онъ молчалъ, и на лицѣ его не видно было никакой перемѣны. Едва ли справедливо будетъ требовать отъ него, чтобы онъ хвалилъ тѣхъ, которые бранятъ его такъ жестоко; довольно, естьли онъ не платитъ имъ такою же бранью. Пфенингеръ сказывалъ мнѣ, что Лафатеръ давно уже поставилъ себѣ за правило не читать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ объ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни хула до него не доходитъ. Я считаю это знакомъ рѣдкой душевной твердости; и человѣкъ, который, поступая согласно съ своею совѣстію, не смотритъ на то, что думаютъ объ немъ другіе люди, есть для меня великой человѣкъ. Между тѣмъ, друзья мои, желаю вамъ покойной ночи.

——

Нынѣ поутру пилъ я кофе у Господина Т*, отца извѣстной вамъ дѣвицы Т*, и познакомился, со всѣмъ его семействомъ, довольно многочисленнымъ. Удивляюсь, какъ отецъ и мать могли отпустить дочь свою въ такую отдаленную землю! Состояніе ихъ (сколько я видѣлъ и слышалъ) очень не бѣдно—да и много ли надобно для содержанія одной дочери! Къ тому же Швейцары такъ страстно любятъ свое отечество, что почитаютъ за великое нещастіе надолго оставлять его. — Вмѣстѣ съ Господиномъ Т* ходили мы смотрѣть ученья Цирихской милиціи. Почти всѣ жители были зрителями сего спектакля, для нихъ рѣдкаго. Тутъ случилось со мною нѣчто смѣшное и—непріятное. Г. Профессоръ Брейтингеръ, съ которымъ я еще не видался по возвращеніи своемъ изъ Шафгаузена, встрѣтился мнѣ въ толпѣ народа, когда уже кончилось ученье, и послѣ перваго привѣтствія спросилъ, каково показалось мнѣ *видѣнное* мною? Я думалъ, что онъ говоритъ о паденіи Реина; воображеніе мое тотчасъ представило мнѣ эту величественную сцену — земля затряслась подо мною—все вокругъ меня зашумѣло—и я съ жаромъ сказалъ ему: *ахъ? кто можетъ описать великолѣпіе такого явленія? Надобно только видѣть и удивляться.* «Это были наши волонтеры»—отвѣчалъ мнѣ Господинъ Профессоръ, и съ поклономъ ушелъ отъ меня. Тутъ я понялъ, что онъ спрашивалъ меня не о паденіи Реина, а объ ученьи Цирихскихъ солдатъ: каковымъ же показался ему отвѣтъ мой? Признаться, я досадовалъ и на себя и на него, и хотѣлъ-было бѣжать за нимъ, чтобы вывести его изъ заблу-

правилъ (въ заглавіи которыхъ написано: Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern) и *памятникъ для любезныхъ странниковъ* *); за послѣднюю рукопись онъ не взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ отдать ихъ одному бѣдному французу, который пришелъ къ нему просить милостыни.

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться сегодня съ человѣкомъ весьма любезнымъ — съ Архидіакономъ Тоблеромъ, который мнѣ извѣстенъ былъ по своимъ сочиненіямъ, а особливо по переводу Томсоновыхъ временъ года, изданному покойнымъ Геснеромъ, другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ нынѣ по утру съ Господиномъ Т*, и прельстилъ меня простотою своего обхожденія. Вмѣстѣ съ нимъ и съ двумя сестрами дѣвицы Т* поѣхали мы въ большой лодкѣ гулять по озеру. Нельзя было выбрать лучшаго дня: на небѣ не показывалось ни одного облачка и вода едва, едва струилась. На томъ и на другомъ берегу озера видны хорошо выстроенныя деревни, сельскіе домики богатыхъ Цирихскихъ гражданъ, и виноградные сады, которые простираются безпрерывно. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, безсмертный Клопштокъ — съ молодыми своими друзьями и съ любезнѣйшими изъ Цирихскихъ мо-

*) Лафатеръ въ печатномъ своемъ Физіогномическомъ сочиненіи бережется показывать въ лицахъ тѣ черты, которыя означаютъ худое: въ семъ письменномъ (которое, по его словамъ, никогда не должно быть напечатано) говоритъ онъ вольнѣе.—Памятникъ для путешественниковъ есть для меня одно изъ лучшихъ его твореній; онъ напечатанъ въ Hand-Bibliothek für Freunde.

лодыхъ дѣвицъ — катался по озеру. «Я какъ теперь смотрю на Клопштока (сказалъ Г. Тоблеръ). На немъ былъ красный кафтанъ. Въ тотъ день отмѣнно нравилась ему дѣвица Шинцъ. Виртмиллеръ сдѣлалъ изъ ея перчатки кокарду для Клопштоковой шляпы. Божественный пѣвецъ Мессіады разливалъ радость вокругъ себя». Сію эѳирную радость — радость, какую могутъ только чувствовать великія души — воспѣлъ Клопштокъ въ прекрасной одѣ своей Züricher-See, которая осталась вѣчнымъ памятникомъ пребыванія его въ здѣшнихъ мѣстахъ—пребыванія, лаврами и миртами увѣнчаннаго. Г. Тоблеръ—говоря о томъ, какъ уваженъ былъ здѣсь пѣвецъ Мессіады — сказывалъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ Кантона Гларуса пришли въ Цирихъ двѣ молодыя пастушки, единственно затѣмъ, чтобы видѣть Клопштока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Messias, so bin ich ausser mir *(ахъ! читая Клариссу и Мессіаду, я внѣ себя бываю!)* Друзья мои! вообразите, что въ эту райскую минуту чувствовало сердце пѣснопѣвца! — Разговаривая такимъ образомъ съ почтеннымъ Архидіакономъ, не видалъ я, какъ мы отплыли отъ города двѣ мили или около пятнадцати верстъ. Тутъ надлежало намъ вытти на берегъ близь небольшой деревеньки, въ которой Г. Тоблеръ родился, и гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Всѣ крестьянскіе домики въ сей деревнѣ имѣютъ очень хорошій видъ, и подлѣ всякаго есть садикъ, съ плодовитыми деревьями и съ грядами, на которыхъ растутъ благовонные цвѣты и поваренныя травы. Во внутренности домовъ все чисто. Тутъ видѣлъ

я семейный крестьянскій обѣдъ. Когда всѣ собрались къ столу, хозяйка прочитала вслухъ молитву; послѣ чего сѣли вокругъ стола—мужъ подлѣ жены, братъ подлѣ сестры—и принялись за супъ, а потомъ за сыръ и масло. Обѣдъ заключенъ былъ также молитвою: при чемъ мужчины стояли безъ шляпъ, которыхъ они впрочемъ никогда съ головы не снимаютъ. Даже и городскіе жители не рѣдко обѣдаютъ въ шляпахъ,—что почитается у нихъ знакомъ свободы и независимости.

Мы обѣдали въ сельскомъ трактирѣ, и ѣли очень вкусную рыбу, ловимую въ Цирихскомъ озерѣ. Говорятъ, будто въ Швейцаріи вообще больше ѣдятъ, нежели въ другихъ земляхъ, и приписываютъ это дѣйствію здѣшняго остраго воздуха. Что принадлежитъ до меня, то хотя обѣдаю и ужинаю въ Швейцаріи съ добрымъ аппетитомъ, однакожь не могу назвать его чрезмѣрнымъ или отмѣннымъ. Послѣ обѣда переѣхали мы на другую сторону озера, гдѣ встрѣтилъ насъ свойственникъ Господина Т*, живущій почти на самомъ берегу въ большомъ домѣ. Онъ показывалъ намъ свое хозяйство, своихъ коровъ, своихъ лошадей и большой плодовитый садъ. Когда мы пришли къ нему въ домъ, онъ подчивалъ насъ прекрасными абрикосами и хорошимъ краснымъ виномъ, не купленнымъ, а домашнимъ, между тѣмъ дочь его играла пріятно на клавесинѣ. Часовъ въ семь поплыли мы назадъ въ Цирихъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть снѣжныя горы, позлащаемыя заходящимъ солнцемъ, и наконецъ помраченныя густыми тѣнями вечера. Огни городскіе представляли намъ вдали прекрасную иллюминацію, и мы вышли

на берегъ въ исходѣ десятаго часа. Мнѣ оставалось только благодарить Архидіакона Тоблера, Господина Т* и дочерей его за всѣ тѣ удовольствія, которыми я наслаждался сегодня въ ихъ обществѣ.— —

—

Въ Цирихѣ есть такъ называемая *дѣвичья школа* (Töchter-Schule), которая достойна вниманія всѣхъ, пріѣзжающихъ въ сей городъ. Въ ней безденежно учатся 60 молодыхъ дѣвушекъ (отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ) читать, писать, ариѳметикѣ, правиламъ нравственности и экономіи: то есть, приготовляются быть хорошими хозяйками, супругами и матерьями. Пріятно видѣть вмѣстѣ столько молодыхъ опрятно и чисто одѣтыхъ красавицъ, которыя занимаются своимъ дѣломъ въ тишинѣ и съ великою прилѣжностію подъ надзираніемъ благонравныхъ учительницъ, обходящихся съ ними кротко и ласково. Тутъ дочь богатѣйшаго Цирихскаго гражданина сидитъ подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего, и научается уважать достоинство, а не богатство.—Сія благодѣтельная школа учреждена въ 1774 году Гм. Профессоромъ Устери, который, къ общему сожалѣнію своихъ согражданъ умеръ въ началѣ нынѣшняго лѣта.

Можетъ быть ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не найдете вы, друзья мои, такихъ неиспорченныхъ нравовъ и такого благочестія, какъ въ Цирихѣ. Здѣсь-то еще строго наблюдаются законы супружеской вѣрности— и жена, которая осмѣлилась бы явно нарушить ихъ, сдѣлалась бы предметомъ общаго презрѣнія. Здѣсь мать почитаетъ воспитаніе дѣтей

главнымъ своимъ упражненіемъ; а какъ и самые богатые изъ Цирихскихъ жителей не держатъ болѣе одной служанки, то всякая хозяйка находитъ для себя много дѣла въ домашней жизни, не угнетается праздностію, матерью многихъ пороковъ, и рѣдко ходитъ въ гости. Театръ, балы, маскарады, клубы, великолѣпные обѣды и ужины! вы здѣсь неизвѣстны. Иногда сходятся двѣ, три, четыре пріятельницы—разговариваютъ дружески—вмѣстѣ работаютъ, или читаютъ Геснера, Клопштока, Томсона и другихъ Писателей и Поэтовъ, которые не приводятъ цѣломудр'я въ краску. Рѣдко бываютъ онѣ вмѣстѣ съ посторонними мущинами, а при чужестранцахъ стыдятся говорить, думая, что Цирихскій выговоръ противенъ ихъ ушамъ. Всѣ онѣ одѣваются просто, не думая о Французскихъ модахъ, и совсѣмъ не употребляютъ румянъ. — Мущины отправляютъ по утру дѣла свои: купецъ идетъ въ контору или въ лавку. Ученый садится читать или писать, художникъ берется за свою работу, и такъ далѣе. Въ полдень обѣдаютъ, а ввечеру прогуливаются, или въ пріятельскихъ бесѣдахъ курятъ табакъ, пьютъ чай и кофе — купцы говорятъ о торговыхъ, Ученые объ ученыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ проводятъ время. Не знаю, продаются ли въ Цирихѣ карты; по крайней мѣрѣ въ нихъ здѣсь никогда не играютъ, и не знаютъ сего прекраснаго средства убивать время (простите мнѣ этотъ Галлицизмъ), средства, которое въ другихъ земляхъ сдѣлалось почти необходимымъ.

Мудрые Цирихскіе законодатели знали, что роскошь бываетъ гробомъ вольности и добрыхъ нравовъ, и постарались заградить ей входъ въ

свою республику. Мущины не могутъ носить здѣсь ни шелковаго, ни бархатнаго платья; а женщины ни бриліантовъ, ни кружевъ; и даже въ самую холодную зиму никто не смѣетъ надѣть шубы, для того что мѣха здѣсь очень дороги. Въ городѣ запрещено ѣздить въ каретахъ, и потому здоровыя ноги здѣсь гораздо болѣе уважаются, нежели въ другихъ мѣстахъ. Во внутренности домовъ не увидите вы никакихъ богатыхъ уборовъ — все просто и хорошо. Хотя чужестранныя вина сюда привозятся, однакожь ихъ позволено употреблять не иначе, какъ въ лекарство. Только думаю, что сей законъ не очень строго наблюдается. На прим. у Лафатера за столомъ пили мы Малагу; но онъ взялъ ее, можетъ быть, изъ Аптеки, по предписанію своего Доктора Г*.

Я слыхалъ прежде, будто въ Швейцаріи жить дешево; теперь могу сказать, что это неправда, и что здѣсь все гораздо дороже, нежели въ Германіи: на прим. хлѣбъ, мясо, дрова, платье, обувь и прочія необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство Швейцаровъ. Гдѣ богаты люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи. Обѣдъ въ трактирѣ стоитъ здѣсь восемь гривенъ; то же самое платилъ я въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ. Правда, что въ Швейцарскихъ трактирахъ никогда не подаютъ на столъ менѣе семи или осьми хорошо приготовленныхъ блюдъ, и потомъ десертъ на четырехъ или на пяти тарелкахъ.

—

Я всякой день бываю у Лафатера, обѣдаю у него, и хожу съ нимъ по вечерамъ прогуливаться. Онъ, кажется, любитъ меня; ласкаетъ и распрашиваетъ иногда о подробностяхъ жизни моей, дозволяя и мнѣ предлагать ему разные вопросы, а особливо на письмѣ. Въ примѣръ переведу вамъ отвѣтъ его на одинъ изъ моихъ вопросовъ. Вопросъ: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно *достижимая* *) для мудрыхъ и слабоумныхъ?»—Отвѣтъ: «Бытіе «есть цѣль бытія. — Чувство и радость бытія «(Daseynsfrohheit) есть цѣль всего, чего мы «искать можемъ. Мудрый и слабоумный ищутъ «только средствъ наслаждаться бытіемъ своимъ, «или чувствовать его—ищутъ того, черезъ что «они самихъ себя сильнѣе ощутить могутъ.— «Всякое *чувство* и всякой *предметъ*, постигае«мый которымъ нибудь изъ нашихъ чувствъ, «суть прибавленія (Beyträge) нашего самочув«ствованія (Selbstgefühles); чѣмъ болѣе самочув«ствованія, тѣмъ болѣе блаженства.—Какъ раз«личны наши организаціи или образованія, «такъ же различны и наши потребности въ «*средствахъ* и *предметахъ*, которые новымъ «образомъ даютъ намъ чувствовать наше бы«тіе, наши силы, нашу жизнь.—Мудрый отли«чается отъ слабоумнаго только средствами «самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, «всенасладительнѣе, постояннѣе и благодѣтель«нѣе есть средство или предметъ, въ которомъ «или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, «тѣмъ существеннѣе (existenter) мы сами, тѣмъ

*) То есть, до которой достигнуть можно. Я осмѣлился *по аналогіи* употребить это слово.

«вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше—тѣмъ мы «мудрѣе, свободнѣе, любящѣе (liebender), лю-«бимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, «человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія «нашего сообразнѣе.—Изслѣдуйте точно, чрезъ «что и въ чемъ вы пріятнѣе или тверже суще-«ствуете? Что вамъ доставляетъ болѣе наслаж-«денія—разумѣется такого, которое никогда не «можетъ причинить раскаянія—которое всегда «съ спокойствіемъ и внутреннею свободою духа «можетъ и должно быть снова желаемо? Чѣмъ «достойнѣе и существеннѣе избираемое вами «средство, тѣмъ достойнѣе и существеннѣе вы «сами; чѣмъ существеннѣе вы дѣлаетесь, то «есть, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и радостнѣе суще-«ствованіе ваше—тѣмъ болѣе приближаетесь «вы ко всеобщей и особливой цѣли бытія ва-«шего. Отношеніе (Anwendung) и изслѣдованіе «сего положенія (отношеніе и изслѣдованіе есть «одно) покажетъ вамъ истину, или (что опять «все одно) всеотносимость онаго. Цирихъ, въ «Четвертокъ ввечеру, 20 Августа 1789. Іоаннъ «Каспаръ Лафатеръ». Каковъ вамъ кажется сей отвѣтъ, друзья мои? Вы конечно не подумаете, чтобы я въ самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать отъ Лафатера цѣль бытія нашего; мнѣ хотѣлось только узнать, что онъ можетъ о томъ сказать. Такимъ образомъ всякое утро прихожу къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ. Онъ прячетъ мою бумажку въ карманъ, и ввечеру отдаетъ мнѣ отвѣтъ, на ней же написанный,—оставляя у себя копію. Я увѣренъ, что все это будетъ напечатано въ ежемѣсячномъ его сочиненіи, которое съ нов да

должно выходить въ Берлинѣ, подъ титуломъ: *отвѣты на вопросы моихъ пріятелей* *).

Лафатеръ намѣренъ еще издавать, также съ будущаго года, *Библіотеку для друзей*, гдѣ будутъ помѣщены такія піесы, которыхъ онъ, по какимъ нибудь причинамъ, не хочетъ сообщить публикѣ. Только пріятели его могутъ получать сію библіотеку; и хотя она будетъ печатная, однакожь они обязываются считать ее за манускриптъ.

По сіе время Лафатеровы сочиненія составляютъ около пятидесяти томовъ; естьли онъ проживетъ еще лѣтъ двадцать, то это число можетъ вдвое умножитьея. За всѣмъ тѣмъ, по его словамъ, сочиненіе есть для него не работа, а отдыхъ.

Сверхъ того, что Лафатеръ пишетъ для публики и для пріятелей, ведетъ онъ журналъ жизни своей, который есть тайна и для самыхъ друзей его, и который останется въ наслѣдство его сыну. Тутъ описываетъ онъ всѣ

) Я угадалъ,—и первая піеса, напечатанная въ семъ ежемѣсячномъ сочиненіи, есть отвѣтъ на мой вопросъ о цѣли бытія. Берлинскимъ Рецензентамъ показалось забавно: die constante solideste, sutenabelste existenz—или Daseyn ist der Zwek des Daseyns,——и проч. «Г. К (говоритъ Рецензентъ во всеобщей Нѣмецкой Библіотекѣ) конечно больше нашего знакомъ съ игрою Лафатеровыхъ мыслей; ему оставляемъ мы разумѣть сіе изъясненіе цѣли бытія нашего».—Мнѣ кажется, что мысли Лафатеровы (не смотря на насмѣшки остроумныхъ Берлинцевъ) и понятны и справедливы, и даже весьма обыкновенны; здѣсь можно назвать новыми только одни выраженія. Но Г. Аделунгъ конечно имѣетъ причину жаловаться, что Лафатеръ не всегда думаетъ о чистотѣ Нѣмецкаго слога.

свои важнѣйшіе опыты, сокровенныя связи съ нѣкоторыми людьми, свои надежды, радости и печали. — Вѣроятно, что въ сихъ запискахъ много любопытнаго—и я почти увѣренъ, что онѣ со временемъ будутъ напечатаны—естьли не для меня и не для васъ, то по крайней мѣрѣ для дѣтей вашихъ, друзья мои. Девятый-надесять вѣкъ! сколько въ тебѣ откроется такого, что теперь считается тайною!

Раза три былъ я у почтеннаго старика Тоблера, и провелъ у него часовъ пять или шесть, весьма пріятныхъ. Онъ такъ много разсказывалъ мнѣ о покойномъ Бодмерѣ и Швейцарскомъ Теокритѣ: «Геснеръ украсилъ весну «жизни моей (говоритъ онъ) — и во всѣхъ «пріятныхъ сценахъ моей юности, о которыхъ «теперь съ удовольствіемъ вспоминаю, вижу «его передъ собою. Часто проводили мы вмѣстѣ «длинные зимніе вечера въ чтеніи Поэтовъ; и «почти всегда, когда я приходилъ къ нему, «встрѣчалъ онъ меня съ какою нибудь пріят-«ною новостію, имъ сочиненною. Домъ его былъ «Академіею изящной Литтературы и Искусства— «Академіею, какой Государи основать не мо-«гутъ». Вы знаете, что Геснеръ посвятилъ своего Дафниса одной дѣвицѣ; но не знаете, можетъ быть, что эта дѣвица была дочь Г. Гейдеггера, Цирихскаго Сенатора, и что творецъ Дафниса скоро послѣ того женился на ней, и жилъ съ нею всегда какъ любовникъ съ любовницею.—По любви къ человѣчеству прискорбно было мнѣ слышать, что Геснеръ не могъ терпѣть Лафатера, и не смотря на всѣ старанія общихъ друзей ихъ, никогда не хотѣлъ съ нимъ помириться. Тѣмъ болѣе чести

Лафатеру, что онъ, по смерти Геснеровой, сочинилъ ему похвальные стихи!

Съ Профессоромъ Мейстеромъ,—братомъ того Мейстера, который написалъ на Французскомъ языкѣ извѣстную книгу о *естественномъ правоученіи*, и который, будучи выгнанъ изъ Цириха за одно смѣлое сочиненіе, живетъ теперь въ Парижѣ—видѣлся я только одинъ разъ. Наружность его не очень привлекательна, однакожь обхожденіе его весьма пріятно. Онъ говоритъ почти такъ же хорошо, какъ пишетъ. Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій (Kleine Reisen и Characteristik Deutscher Dichter), и поблагодарилъ за это удовольствіе.

Въ нынѣшній вечеръ наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Естьли бы вы видѣли, какъ пурпуровыя и золотыя молніи вились по хребтамъ горъ, при страшной канонадѣ неба! Казалось, что небесный Громовержецъ хотѣлъ превратить въ пепелъ сіи гордыя вышины: но онѣ стояли, и рука Его утомилась — громы умолкли, и тихая луна сквозь облака проглянула.

Въ Цирихскомъ Кантонѣ считается около 180,000 жителей, а въ городѣ около 10,000; но только двѣ тысячи имѣютъ право гражданства, избираютъ судей, участвуютъ въ правленіи и производятъ торгъ; всѣ прочіе лишены сей выгоды. Изъ тридцати цеховъ, на которые раздѣлены граждане, одинъ называется главнымъ или дворянскимъ, имѣя передъ другими то пре-

имущество, что изъ него выбирается въ члены верховнаго Совѣта осьмнадцать человѣкъ,— изъ прочихъ же только по двѣнадцати. Сему Совѣту принадлежитъ законодательная власть; а гражданскія и уголовныя дѣла судитъ такъ называемый *Малый Совѣтъ*, или Сенатъ (состоящій изъ 40 членовъ и двухъ Бургомистровъ), для котораго избирается особенно изъ каждаго цеха по шести человѣкъ; они называются Сенаторами. и всякой годъ смѣняются. Кому двадцать лѣтъ отъ роду, тотъ имѣетъ уже голосъ въ Республикѣ, то есть, можетъ избирать въ судьи; въ тридцать лѣтъ можно быть Членомъ Верховнаго совѣта, а въ тридцать пять Сенаторомъ или Членомъ Малаго Совѣта. Цирихской житель, имѣющій право гражданства, такъ же гордится имъ, какъ Царь своею короною. Уже болѣе 150 лѣтъ никто не получалъ сего права; однакожь его хотѣли дать Клопштоку, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ навсегда остался въ Цирихѣ.—

Въ Субботу ввечеру Лафатеръ затворяется въ своемъ кабинетѣ для сочиненія проповѣди— и чрезъ часъ она бываетъ готова. Правда, естьли онъ говоритъ все такія проповѣди, какую я нынѣ слышалъ, то ихъ сочинять не трудно. *Спаситель снялъ съ насъ бремя грѣховъ: и такъ будемъ благодарить Его*—сіи мысли, выраженныя различнымъ образомъ, составляли содержаніе всего поученія. Одни восклицанія, одна декламація и болѣе ничего! Признаюсь, что я ожидалъ чего нибудь лучшаго. Вы скажете, что съ народомъ такъ говорить надобно; но Лаврентій Стернъ говорилъ съ народомъ, гово-

рилъ просто, и трогалъ сердце—мое и ваше. Видъ, съ какимъ проповѣдуетъ Лафатеръ, мнѣ полюбился.

Цирихскіе проповѣдники являются на каѳедрахъ въ какихъ-то странныхъ черныхъ *шушунахъ*, съ большими бѣлыми и жестко-накрахмаленными крагенами. Обыкновенно же ходятъ они въ черныхъ или темныхъ кафтанахъ. Лафатеръ носитъ на головѣ черную бархатную скуфейку—но только онъ одинъ. Не для того ли почли его тайнымъ Католикомъ?

Когда въ церкви поютъ псалмы, мущины стоятъ безъ шляпъ; когда же начинается проповѣдь, всѣ садятся, надѣваютъ шляпы, молчатъ и слушаютъ.——

Я познакомился на сихъ дняхъ съ двумя молодыми соотечественниками моего пріятеля Б*: съ Графомъ М* и Господиномъ Баг*. Сей послѣдній сочинилъ на Датскомъ языкѣ двѣ большія Оперы, которыя отмѣнно полюбились Копенгагенской Публикѣ, а наконецъ были причиною того, что Авторъ лишился спокойствія и здоровья. Вы удивитесь; но тутъ нѣтъ ничего чуднаго. Зависть вооружила противъ него многихъ писателей; они вздумали увѣрять публику, что Оперы Господина Баг* ни къ чему не годятся. Молодой Авторъ защищался съ жаромъ; но онъ былъ одинъ въ толпѣ непріятелей. Въ газетахъ, въ журналахъ, въ комедіяхъ—однимъ словомъ, вездѣ его бранили. Нѣсколько мѣсяцовъ онъ отбранивался; наконецъ почувствовалъ истощеніе силъ своихъ, съ больною грудью оставилъ мѣсто боя, и уѣхалъ въ Пирмонтъ къ водамъ, откуда Докторъ прислалъ *его* въ Швейцарію лечиться горнымъ возду-

хомъ. Молодой Графъ М*, учившійся въ Геттингенѣ, согласился вмѣстѣ съ нимъ путешествовать. Оба они познакомились съ Лафатеромъ и полюбились ему своею живостію. И тотъ и другой любитъ аханье и восклицанія. Графъ бьетъ себя по лбу и стучитъ ногами, а Поэтъ Баг* складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо, когда Лафатеръ говоритъ о чемъ нибудь съ жаромъ. Нынѣ или завтра уѣдутъ они въ Луцернъ: любезный мой пріятель Б* ѣдетъ съ ними же.

Цирихъ, 26 Августа.

Наконецъ думаю ѣхать изъ Цириха, проживъ здѣсь 16 дней. Нынѣ въ послѣдній разъ обѣдалъ я у Лафатера, и въ послѣдній разъ писалъ подъ его диктатурою (вы удивитесь; но учтивый Лафатеръ хотѣлъ увѣрить меня, будто я пишу по-Нѣмецки не худо). Въ послѣдній разъ ходилъ по берегу Лимматы—и шумное теченіе сей рѣки никогда не приводило меня въ такую меланхолію, какъ нынѣ. Я сѣлъ на лавкѣ подъ высокою липою, противъ самаго того мѣста, гдѣ скоро поставленъ будетъ монументъ Геснеру. Томъ его сочиненій былъ у меня въ карманѣ (какъ пріятно читать здѣсь всѣ его несравненныя Идилліи и Поэмы, читать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ ихъ!)—я вынулъ его, развернулъ, и слѣдующія строки попались мнѣ въ глаза. «Потомство справедливо чтитъ «урну съ пепломъ Пѣснопѣвца, котораго Музы «себѣ посвятили, да учитъ онъ смертныхъ до«бродѣтели и невинности. Слава его, вѣчно

«юная, живетъ и тогда, когда трофеи завоева-
«теля гніютъ во прахѣ, и великолѣпный памят-
«никъ недостойнагс Владѣтеля среди пустыни
«заростаетъ дикимъ терновымъ кустарникомъ
«и сѣдымъ мхомъ, на которомъ иногда отды-
«хаетъ заблуждшійся странникъ. Хотя, по за-
«кону Натуры, не многіе могутъ достигнуть до
«сего величія, однакожь похвально стремиться
«къ оному. Уединенная прогулка моя и каждый
«уединенный часъ мой да будутъ посвящены
«сему стремленію!» Вообразите, друзья мои, съ
какимъ чувствомъ я долженъ былъ читать сіе,
въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ Натура
и Поэзія въ вѣчномъ безмолвіи будутъ лить
слезы на урну незабвеннаго Геснера*)! Не его
ли посвятили музы въ учители невинности и
добродѣтели? Не его ли слава, вѣчно юная,
жить будетъ и тогда, когда трофеи завоева-
телей изтлѣютъ во прахѣ? Предчувствіемъ без-
смертія наполнялось сердце его, когда онъ ма-
гическимъ перомъ своимъ писалъ сіи строки.

Рука времени, все разрушающая, разрушитъ
нѣкогда и городъ, въ которомъ жилъ Пѣсно-
пѣвецъ; и въ теченіе столѣтій загладитъ раз-
валины Цириха, но цвѣты Геснеровыхъ творе-
ній не увянутъ до вѣчности, и благовоніе ихъ
будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переливаться, услаж-
дая всякое сердце.

Друзья мои! Писателямъ открыты многіе пути
ко славѣ, и безчисленны вѣнцы безсмертія; мно-

---

*) На монументѣ Геснеровымъ изображены Поэзія и На-
тура въ видѣ двухъ прекрасныхъ женщинъ, плачущихъ
надъ урною.

гихъ хвалитъ потомство—но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ.

О вы, одаренные отъ Природы творческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будетъ незабвенно; но естьли хотите заслужить любовь потомства, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ—да будетъ перо ваше посвящено добродѣтели и невинности.

Баденъ.

Нынѣ по утру выѣхалъ я изъ Цириха. Лафатеръ не хотѣлъ прощаться со мною навсегда, говоря, что я непремѣнно долженъ въ другой разъ пріѣхать на берегъ Лимматы. Онъ далъ мнѣ одиннадцать рекомендательныхъ писемъ въ разные города Швейцаріи, и увѣрилъ меня въ непремѣнности своего дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Старикъ Тоблеръ простился со мною до радостнаго свиданія въ поляхъ вѣчности, которая есть любимый предметъ утреннихъ и вечернихъ его размышленій.—

На каждой верстѣ отъ Цириха до Бадена встрѣчались мнѣ коляски и кареты, изъ которыхъ выглядывали Англійскія, Нѣмецкія и Французскія лица. Отъ Іюня до Октября мѣсяца Швейцарія бываетъ наполнена путешественниками, которые пріѣзжаютъ сюда наслаждаться Природою.

Наконецъ видѣлъ я въ Швейцаріи нѣчто такое, что мнѣ не полюбилось. Почти безпрестанно подбѣгали къ коляскѣ моей ребятишки и требовали подаянія. Не слушая отказа, бѣжали они за мною, кричали и разнымъ образомъ дурачились: одинъ становился вверхъ но-

гами, другой кривлялся, третій игралъ на дудкѣ, четвертый прыгалъ на одной ногѣ, пятый надѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заставляетъ просить ихъ милостыни; имъ нравится только сей легкой способъ получать деньги.— Жаль, что отцы и матери не унимаютъ ихъ! Маленькіе шалуны могутъ со временемъ сдѣлаться большими — могутъ распространить въ своемъ отечествѣ опасную нравственную болѣзнь, отъ которой рано или поздно умираетъ свобода въ Республикахъ. Тогда, любезные Швейцары, не поможетъ вамъ бальзамическій воздухъ горъ и долинъ вашихъ—увянетъ красота нѣжной богини, и слезы ваши не оживятъ хладнаго трупа.

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормить лошадей. Сей городокъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ высокими горами, находится подъ начальствомъ Цирихскаго, Бернскаго и Гларисскаго Кантоновъ, и славенъ своими цѣлебными теплицами, которыя были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ *Гельветскихъ водъ* (Aquae Helveticae). Отъ города будетъ до нихъ не болѣе 300 шаговъ, и я тотчасъ пошелъ туда. Два колодезя — самые ближайшіе къ главному источнику, и потому самые дѣйствительнѣйшіе—бываютъ всегда открыты для бѣдныхъ. Въ нихъ сидѣло при мнѣ человѣхъ двадцать, опустясь въ воду по горло; блѣдныя и желтыя лицъ ихъ показывали, что они не для забавы пользуются водами. Въ трактирахъ, которыхъ тутъ очень много, сдѣланы разныя бани, гдѣ моются больные и здоровые, платя за то бездѣлку. Вода сносно горяча, и пахнетъ сѣрою. Она прове-

дена съ другой стороны Лимматы (которая течетъ здѣсь между горъ съ ужасною быстротой) и труба идетъ подъ рѣкою. — Мнѣ сказывали, что иногда бываетъ у водъ до осьми сотъ пріѣзжихъ.

Женщины носятъ здѣсь на головахъ предлинные рога, отъ чего всѣ онѣ кажутся похожими на Сатировъ.—Въ Швейцарскихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ я былъ), почти на всякомъ домѣ видите вы надписи, иногда отмѣнно глупыя и смѣшныя. На прим. надъ домомъ одного Баденскаго горшечника написано: Dies Haus der liebe Gott behüt; hier ist Hafner Geschir aufs Feuer, und glüht *(сей домъ Господь да сохранитъ! здѣсь глиняная посуда на огнѣ горитъ)* — а надъ другимъ: Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum geduldigen Schaaf genannt *(сохрани насъ Господь отъ пожара ночною порою: ибо сей домъ называется терпѣливою овцою)*. Но что скажете вы о слѣдующихъ двухъ надписяхъ, замѣченныхъ однимъ Нѣмецкимъ путешественникомъ въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ? Первая: ihr Menschen thut Buss, denn dies Haus heist zum Rindsfuss *(о человѣки! покайтеся душою, ибо сей домъ называется бычачьею ногою)*—а вторая: Auf Gott diene Hoffnung bau, denn dies Haus heist zur schwarzen Sau *(на Бога уповай ты мыслію своею, ибо сей домъ называется черною свиньею)*. Друзья мои! въ вольной землѣ всякой воленъ дурачиться, и писать, что ему угодно. Всякой желаетъ оставлять по себѣ памятники—и сочинители сихъ надписей, конечно ничего болѣе въ жизнь свою не сочинявшіе, хотѣли въ риѳмахъ своихъ наслаждаться безсмертіемъ. Внукъ чтитъ произведе-

ніе дѣдушкина ума, и надпись изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ. — Поселяне Швейцарскіе любятъ расписывать свои домы разными красками и фигурами; по большой части изображаются тутъ древніе Герои Швейцаріи и славные ихъ подвиги; иногда же гербы Кантоновъ съ сею надписью: Als Demuth weint', und Hochmuth lacht', da ward der Schweizer-Bund gemacht (т. е. *когда смиреніе проливало слезы и гордость смѣялась, тогда заключился союзъ Швейцаровъ).*

—

Арау, въ 8 часовъ вечера.

Я проѣхалъ нынѣ мимо развалинъ Габсбурга. Вы знаете, любезные друзья, что въ семъ замкѣ жили нѣкогда Габсбургскіе Графы, отъ которыхъ произошелъ Австрійскій домъ—и потому легко можете угадать, съ какими мыслями смотрѣлъ я на почтенныя развалины древнихъ башенъ, откуда храбрые Рудольфовы предки поражали враговъ своихъ. — Тутъ живетъ нынѣ сторожъ, который въ случаѣ пожара даетъ сигналъ окружнымъ деревнямъ, стрѣляя изъ ружья.

Мѣста и дороги въ Бернскомъ Кантонѣ лучше, нежели въ Цирихскомъ. Ничего не можетъ быть прекраснѣе здѣшнихъ луговъ, обсаженныхъ плодовитыми деревьями, и пересѣкаемыхъ многими ручейками, которые то соединяются, то опять на разные рукава раздѣляются, и образуютъ водяный, запутанный лабиринтъ. Тамъ видны алеи, самою Природою насажденныя; здѣсь густые лѣсочки, прохладу странникамъ обѣщающіе.—Въ деревняхъ находите вы порядокъ и чистоту. Всѣ крестьянскіе домы покрыты соломою, и раздѣляются обыкновенно на

двѣ половины: одна состоитъ изъ двухъ горницъ и кухни, а другая изъ сѣннаго магазина, житницъ и хлѣвовъ. Не увидите вы здѣсь ничего гніющаго, непочиненнаго; во всемъ соблюдена удобность, и все необходимое въ изобиліи и совершенствѣ. Сіе, можно сказать, цвѣтущее состояніе Швейцарскихъ земледѣльцевъ происходитъ наиболѣе отъ того, что они не платятъ почти никакихъ податей, и живутъ въ совершенной свободѣ и независимости, отдавая Правленію только десятую часть изъ собираемыхъ ими полевыхъ плодовъ. Хотя между ними есть такіе, которые имѣютъ по пятидесяти тысячъ рублей капиталу, однакожь всѣ они одѣваются очень просто, и лѣтомъ ходятъ обыкновенно въ камзолахъ изъ толстаго полотна; а въ праздники надѣваютъ суконные кафтаны, по большой части синіе или дикіе. Женщины носятъ желтыя соломенныя шляпы, красные стамедные корсеты съ крючками и юбки темнаго цвѣта; а волосы заплетаютъ въ косы. Шею свою покрываютъ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою.—

Я нанялъ кучера только до Арау, маленькаго, изрядно выстроеннаго городка въ Бернскомъ Кантонѣ. Въ ожиданіи Базельскаго *дилижанса* (въ которомъ хочу ѣхать до Берна, и котораго ожидаютъ сюда къ девяти часамъ) велѣлъ я приготовить себѣ ужинъ.

—

Бернъ, 28 Августа.

Нынѣ рано поутру пріѣхалъ я въ Бернъ, и съ трудомъ могъ найти для себя комнату въ трактирѣ *Вѣнца:* такъ много здѣсь пріѣзжихъ! Одѣвшись, пошелъ я къ молодому Доктору Ренгеру, который, по Лафатеровой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково; и какъ мнѣ прежде всего хотѣлось побродить по городу, то онъ вызвался быть моимъ путеводителемъ.

Бернъ есть хотя старинный, однакожъ красивый городъ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведены глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города, и сверхъ того весьма полезная въ случаѣ пожара. Домы почти всѣ одинакіе: изъ бѣлаго камня, въ три этажа, и представляютъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жителей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая хижина преклоняется къ землѣ подъ тѣнію колоссальныхъ палатъ. Всего болѣе полюбились мнѣ въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобные для пѣшеходцевъ, которые въ сихъ покрытыхъ галлереяхъ никакого ненастья не боятся,

Мы были въ здѣшнемъ Сиротскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не много сиротъ, а болѣе пансіонеровъ, которые за небольшую сумму денегъ учатся и хорошо содержатся въ семъ домѣ. Оттуда пошли мы въ публичную библіотеку. На прекрасномъ маленькомъ лужкѣ, между домовъ, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, которому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ

ѣсть могъ. Докторъ Ренггеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернѣ всегда держатъ живого медвѣдя, который есть гербъ сего Кантона; что имя *Бернъ* произошло отъ Нѣмецкаго слова *Беръ* (то есть *медвѣдь*); что Герцогъ Церингенской, начавъ строить этотъ городъ, поѣхалъ на ловлю, и положилъ назвать его именемъ перваго затравленнаго звѣря; что онъ затравилъ медвѣдя, и потому назвалъ городъ *Беромъ*, имя, которое послѣ превратилось въ *Бернъ*.— Въ библіотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ картинъ; но всего болѣе занималъ меня *рельефъ*, представляющій часть Альпійскихъ горъ, и точно тѣхъ, на которыхъ я дни черезъ три быть надѣюсь. Тутъ видны сіи горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера, деревни, хижины и даже маленькія дорожки. Но *рельефъ* Генерала Пфиффера, Луцернскаго гражданина, долженъ быть еще гораздо превосходнѣе. Сей человѣкъ съ удивительною неутомимостью странствовалъ по горамъ; срисовывалъ ихъ—снималъ мѣры — и все сіе представилъ потомъ въ маломъ видѣ съ величайшею точностью. Два раза былъ онъ захваченъ горными жителями какъ шпіонъ, и наконецъ для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скрываясь отъ людей и водя съ собою двухъ козъ, которыхъ молоко составляло всю его пищу.

Изъ библіотеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище подлѣ каѳедральной церкви, гдѣ, подъ тѣнію древнихъ каштановыхъ деревъ, въ самый жаркой полдень можно наслаждаться прохладою, и откуда видна цѣпь высочайшихъ снѣжныхъ горъ, которыя, будучи

освѣщаемы солнцемъ, представляются въ видѣ тонкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сія терраса, складенная человѣческими руками, вышиною будетъ въ шесть или въ семь сотъ футовъ. Внизу течетъ Ара, и съ великимъ шумомъ низвергается съ высокой плотины. Въ стѣнѣ, которою обведено это гульбище, нашелъ я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ честь всемогущества и чудеснаго Божія провидѣнія, и въ память потомству, положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда Г. Теобольдъ Вегинцепфли, Студентъ, 25 мая 1654 года упалъ съ лошади, и потомъ, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви въ Керцерсѣ, въ глубокой старости блаженно скончался 25 Ноября 1694 года.* Хотя иному чудно покажется, что человѣкъ, упавъ съ такой вышины, могъ живъ остаться; однакожь это происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жителей, не подвержено никакому сомнѣнію. Сказываютъ, что на Студентѣ былъ тогда широкой плащъ, который, захвативъ подъ себя много воздуху, удерживалъ его въ паденіи, и не далъ ему сильно удариться объ землю.

Послѣ обѣда былъ я у Проповѣдника Штапфера, самаго добродушнаго Швейцара, и ввечеру ходилъ съ нимъ прогуливаться за городъ. Сидя въ бесѣдкѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣли мы на горы, которыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ:

Und ein Gott ist's der Berge Spitzen röthet mit Blitzen!

(Богъ краситъ молніями вѣнцы горъ). Между тѣмъ Штапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минутъ отвратить глаза свои отъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда

же я опять взглянулъ на горы, увидѣлъ—вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней—ужасную блѣдность. Солнце закатилось. Я былъ пораженъ сею скорою перемѣною, и готовъ былъ воскликнуть: *Такъ проходитъ слава міра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ свѣтильникъ жизни!* Мнѣ стало грустно—и мы тихими шагами возвратились въ городъ.

—

Нынѣ по утру былъ я у Проповѣдника Виттенбаха, ученаго Натуралиста, который перевелъ на Нѣмецкой языкъ *Соссюрово путешествіе по Швейцаріи*, выдалъ *краткое наставленіе для путешествующихъ по Альпійскимъ горамъ*, и сочиняетъ теперь *описаніе естественныхъ произведеній Швейцаріи*. Хотя онъ не одного вкуса со мною, и никогда, по словамъ его, не читаетъ книгъ, наполненныхъ мечтами воображенія; и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ: однакожь мы нашли матерію для разговора, и для него и для меня занимательную — а именно, мы говорили о Галлерѣ, который былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смотря на свою болѣзнь и слабость, съ великимъ любопытствомъ читалъ описаніе нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опытовъ, и отчасти повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, которыя любилъ онъ страстно!—Виттенбахъ, путешествуя всякой годъ по самымъ отдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихѣ! «Я успѣю быть въ городахъ и тогда (говоритъ онъ),

когда отъ старости не въ состояніи буду ходить по Альпамъ».

На террасѣ встрѣтился я нынѣ съ Графомъ д'Артуа, который тамъ прогуливался со многими знатными Французами. Онъ не дуренъ собою, и хочетъ показываться веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно стѣсненное сердце. Такія-то перемѣны бываютъ въ жизни человѣческой! — Проживъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдетъ онъ теперь въ Италію, куда отправятся за нимъ и другіе эмигранты. *Щастливый путь!* говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были симъ незваннымъ гостямъ.

Въ трактирѣ *Вѣнца,* гдѣ я живу, не садится за столъ менѣе тридцати человѣкъ, Французовъ и Англичанъ, между которыми бываютъ жаркіе споры о теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи. Сегодни за ужиномъ бѣдный Италіянской музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ, и хотѣли, чтобы онъ разсказалъ намъ свою исторію. *Слушайте,* сказалъ онъ, и запѣлъ:

Я въ бѣдности на свѣтъ родился,
И въ бѣдности воспитанъ былъ;
Отца въ младенчествѣ лишился,
И въ свѣтѣ сиротою жилъ.
Но богъ, искусный въ пѣснопѣньи,
Меня сиротку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣньи,
И арфу съ ласкою вручилъ;
Открылъ за тайну, какъ струною
Съ сердцами можно говорить,
И томной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить.

Я арфу взялъ—ударилъ въ струны;
Смотрю—и въ сердцѣ горя нѣтъ!..
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ!

«Вотъ вамъ моя исторія, государи мои! сказалъ онъ по-Французски *): я странствую по свѣту, и вездѣ нахожу людей, умѣющихъ цѣнить таланты». *Браво! Браво!* закричали Англичане, и бросили ему еще нѣсколько талеровъ.—

Завтра думаю отправиться къ Альпійскимъ горамъ. Чемоданъ свой оставлю здѣсь, а съ собою возьму только теплой сертукъ, половину бѣлья своего, записную книжку и карандашъ.

Тунъ, въ десять часовъ вечера.

Въ два часа пополудни выѣхалъ я изъ Берна, и въ шесть часовъ пріѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большаго озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣтилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подъ бородою превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ трактирѣ *Фрейгофъ;* заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на заднюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтра разбудятъ меня въ четыре часа. Въ это время отходитъ отсюда почтовая лодка, на которой переѣду черезъ озеро.

---

*) Пѣсню пѣлъ онъ на Италіянскомъ языкѣ.

Тунское озеро, 5 часовъ утра.

Темнота ночи мало по малу исчезаетъ. Горы открываются минута отъ минуты яснѣе. Все дымится! Тонкія облака тумана носятся вокругъ нашей лодки. Влага проницаетъ сквозь мое платье, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушный Швейцаръ подаетъ мнѣ черный мѣшокъ, который долженъ служить мнѣ вмѣсто пуховой подушки. Величественная Натура! прости слабому! на нѣсколько часовъ отвращаетъ онъ взоръ свой отъ твоего великолѣпія.

—

Въ семь часовъ. По обѣимъ сторонамъ озера безпрерывно продолжаются горы. Въ иныхъ мѣстахъ покрыты онѣ виноградными садами, въ другихъ елями. Чистые ручьи низпадаютъ съ камней. Внизу дымятся хижины, жилища бѣдности, невѣжества и—можетъ быть—спокойствія. Вѣчная Премудрость! какое разнообразіе въ твоемъ физическомъ и нравственномъ мірѣ!

На сѣверной сторонѣ озера, въ пещерѣ высокой горы, гдѣ журчитъ маленькій ручеекъ, провождалъ дни свои Св. Беатусъ, первѣйшій изъ Христіанъ въ Швейцаріи. Гора сія донынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается старый замокъ Шпицъ, который принадлежалъ нѣкогда Бубенбергской фамиліи, древнѣйшей и знатнѣйшей въ Бернской Республикѣ. Многіе изъ Бубенберговъ оказали отечеству важныя услуги, и пролили кровь свою для славы его. Послѣдними отраслями сего Дому были Леонардъ и Амалія, прекрасный юноша и прекрасная се-

стра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣвицѣ Эрлахъ, а сестра его вышла за брата ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ который два первые Дома соединялись тѣснымъ союзомъ родства; всѣ радовались молодыми супругами, равно юными и равно прекрасными. Утѣхи свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ роскошнаго обѣда новобрачные и всѣ гости гуляли въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и чисто; легкій вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохлаждалъ веселыхъ гребцовъ, и лобызалъ юныхъ красавицъ, играя ихъ волосами: мелкія волны пѣнились подъ лодкою, и журчаніемъ своимъ вливали томность въ сердца супруговъ, которые съ нѣжнымъ трепетомъ другъ ко другу прижимались. Уже наступалъ вечеръ, и плаватели безпрестанно отъ береговъ удалялись. Солнце сѣло—и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада, заревѣла буря; озеро страшно взволновалось, и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу, но берегъ во мракѣ скрывался отъ глазъ его. Весла валились изъ рукъ обезсилѣвшихъ гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ! Сперва старались они ободрять гребцовъ и кормчаго, и сами помогали имъ; но видя, что всѣ усилія ихъ остаются тщетными, и что гибель неизбѣжна, поручили судьбу свою Богу, обтерли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дожидались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на лодку — и всѣ потонули, всѣ, кромѣ одного гребца, который

доплылъ до берега, и принесъ вѣсть о погибели несчастныхъ. Такимъ образомъ пресѣкся древній родъ Бубенберговъ, и замокъ ихъ достался въ наслѣдство Дому Эрлаховъ, который по сіе время считается знатнѣйшимъ въ Бернскомъ Кантонѣ.—Съ печальными мыслями разсматривалъ я сей замокъ, вѣтеръ вѣялъ отъ опустѣвшихъ стѣнъ его.

—

Унтерзеенъ, въ 10 часовъ. Приставъ къ берегу версты за двѣ отсюда, шелъ я до Унтерзеена пріятною долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; крестьянскія избы построены отмѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ лицахъ своихъ что-то особливое. — Я нанялъ теперь проводника, которому извѣстенъ путь по Альпійскимъ горамъ— и черезъ часъ пойду въ деревню Лаутербрунненъ, до которой считается отсюда около десяти верстъ.

Лаутербрунненъ. Дорога отъ Унтерзеена до Лаутербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Литшины, которая течетъ съ ужасною быстротою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Уншпуннена, за которымъ долина становится часъ отъ часу уже, и наконецъ раздѣляется на двое: на лѣво идетъ дорога въ Гринденвальдъ, а на право въ Лаутербрунненъ. Скоро открылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ маленькихъ домиковъ.

Общего

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемый *Штауббахъ*, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семъ отдаленіи кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приближился я къ этому феномену, и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо летитъ внизъ, почти не дотрогиваясь до утеса горы, и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ, падаетъ на землю въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ, разносятся влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое платье. — Потомъ ходилъ я къ другому водопаду, называемому *Триммербахъ*, до котораго будетъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внутренности ея съ шумомъ падаетъ и стремится въ долину, гдѣ мало по малу утишая свою ярость, образуетъ чистую рѣчку. Видъ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *Триммербаха* составляютъ *дикую* красоту, плѣняющую любителей Натуры. Около часа пробылъ я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ—и наконецъ, въ великой усталости, возвратился въ Лаутербрунненъ, гдѣ теперь отдыхаю въ трактирѣ.

—

Въ восемъ часовъ вечера. Свѣтлый мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю, какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ гранитныя скалы, возвышаетъ густую зелень соснъ, и блистаетъ на вершинѣ *Юнгфери*, одной изъ высочайшихъ Аль-

пійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытой. Два снѣжные холма, дѣвическимъ грудямъ подобные, составляютъ ея корону. Ничто смертное къ нимъ не прикасалося, самыя бури не могутъ до нихъ возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызаютъ ихъ нѣжную округлость, вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ—здѣсь конецъ земного творенія!—Я смотрю, и не вижу выхода изъ сей узкой долины.

Пастушьи хижины на Альпійскихъ горахъ, въ 9 часовъ утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею—пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крутизну. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый сюртукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои—и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, который встрѣтится симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна.—Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пла-

менныхъ желаній, и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремивъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія—Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!.. Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему... Языкъ мой не могъ произнести ни слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, унижающія благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ—и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербруннена, не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію минуту увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго *Штауббаха*, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ столѣтія оставляютъ едва примѣтные слѣды *), за-

*) Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ и всякую зиму прибавляются на нихъ новые снѣжные слои. Естьли бы можно

бываетъ онъ время, и мыслію своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.—

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемый Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ которыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу остаться у нихъ вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ.—Теперь лежу на хижинѣ, на которую стоило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашемъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара!—Черезъ полчаса пойду далѣе.

—

было прочесть сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древ*ность міра*, или, по крайней мѣрѣ, древность сихъ горъ.

Гриндельвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши отъ хижинъ около часа по отлогому скату—мимо стадъ, пасущихся на цвѣтной благовонной зелени — начали мы спускаться съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина, гдѣ лежитъ эта деревенька, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ разсѣянныхъ домиковъ, представляется глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній *глетшеръ* или *ледникъ;* а нижній открылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ горою, съ которой мы спускались. Сіи ледники суть магнитъ, влекущій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, который былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хотя и не видалъ я ничего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ тутъ однимъ Французскимъ Писателемъ, но которыя въ самомъ дѣлѣ представляютъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первый уподобилъ сіи ледники бурному морю, котораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились въ ледъ; но могу сказать, что это сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей путешественникъ или Писатель имѣлъ піитическое воображеніе. — Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ вытекаетъ изъ-подъ свода его мутная рѣка Литшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился я взойти выше. Къ нещастію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко всходу мѣста; но какъ мнѣ не

хотѣлось оставить своего намѣренія, то я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими ногами, такъ что я безпрестанно спотыкался и ползъ, хватаясь руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предаетъ меня судьбѣ моей; но я, смотря на него съ презрѣніемъ и не отвѣчая ему ни слова, взбирался выше и выше, и храбро преодолѣвалъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усѣянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезаютъ. Тутъ отдыхалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висящемъ надъ пропастью; спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, естьли не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо, что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хотя мелкой, однакожь отмѣнно сладкой и вкусной, которая прохладила внутренній жаръ мой. Теперь, сидя въ трактирѣ за большимъ столомъ, дожидаюсь ужина.

—

Гора Шейдекъ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, который показался мнѣ еще лучше нижняго, потому что цвѣтъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе четырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою же трудностію, какъ *вчера на* Венгенальпъ. Горныя ласточки пор-

хали надо мною, и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было блеяніе стадъ. Цвѣты и травы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей Альпійской горы, которая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною будетъ въ 2400 саженъ; а теперь возвышается передо мною грозный Веттергорнъ, который часто привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясывается ихъ молніями. За два часа передъ симъ скатились съ вѣнца его двѣ *лавины*, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великій трескъ (который заставилъ меня вздрогнуть)—а потомъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому,—при чемъ на нѣсколько саженъ вверхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекѣ нашелъ я пастуховъ, которые также подчивали меня творогомъ, сыромъ и густыми ароматическими сливками. Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда, сижу теперь на бугрѣ горы, и смотрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу источникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь запасная храмина Натуры, храмина, изъ которой она во время засухи черпаетъ воду для освѣженія жаждущей земли. И естьли бы сіи снѣга могли вдругъ растопиться, то второй потопъ поглотилъ бы все живущее въ нашемъ мірѣ.

Не льзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на сіи концы земнаго творенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни—нѣтъ ни деревъ, ни травъ—гдѣ

Бернъ, 28 Августа.

Нынѣ рано поутру пріѣхалъ я въ Бернъ и съ трудомъ могъ найти для себя комнату въ трактирѣ *Вѣнца:* такъ много здѣсь пріѣзжихъ! Одѣвшись, пошелъ я къ молодому Доктору Ренггеру, который, по Лафатеровой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково; и какъ мнѣ прежде всего хотѣлось побродить по городу, то онъ вызвался быть моимъ путеводителемъ.

Бернъ есть хотя старинный, однакожь красивый городъ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведены глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города, и сверхъ того весьма полезная въ случаѣ пожара. Домы почти всѣ одинакіе: изъ бѣлаго камня, въ три этажа, и представляютъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жителей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая хижина преклоняется къ землѣ подъ тѣнію колоссальныхъ палатъ. Всего болѣе полюбились мнѣ въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобные для пѣшеходцевъ, которые въ сихъ покрытыхъ галлереяхъ никакого ненастья не боятся.

Мы были въ здѣшнемъ Сиротскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не много сиротъ, а болѣе пансіонеровъ, которые за небольшую сумму денегъ учатся и хорошо содержатся въ семъ домѣ. Оттуда пошли мы въ публичную библіотеку. На прекрасномъ маленькомъ лужкѣ, между домовъ, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, которому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ

ѣсть могъ. Докторъ Ренггеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернѣ всегда держатъ живого медвѣдя, который есть гербъ сего Кантона; что имя *Бернъ* произошло отъ Нѣмецкаго слова *Беръ* (то есть *медвѣдь*); что Герцогъ Церингенской, начавъ строить этотъ городъ, поѣхалъ на ловлю, и положилъ назвать его именемъ перваго затравленнаго звѣря; что онъ затравилъ медвѣдя, и потому назвалъ городъ *Беромъ*, имя, которое послѣ превратилось въ *Бернъ*.— Въ библіотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ картинъ; но всего болѣе занималъ меня *рельефъ*, представляющій часть Альпійскихъ горъ, и точно тѣхъ, на которыхъ я дни черезъ три быть надѣюсь. Тутъ видны сіи горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера, деревни, хижины и даже маленькія дорожки. Но *рельефъ* Генерала Пфиффера, Луцернскаго гражданина, долженъ быть еще гораздо превосходнѣе. Сей человѣкъ съ удивительною неутомимостью странствовалъ по горамъ; срисовывалъ ихъ—снималъ мѣры — и все сіе представилъ потомъ въ маломъ видѣ съ величайшею точностью. Два раза былъ онъ захваченъ горными жителями какъ шпіонъ, и наконецъ для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скрываясь отъ людей и водя съ собою двухъ козъ, которыхъ молоко составляло всю его пищу.

Изъ библіотеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище подлѣ каѳедральной церкви, гдѣ, подъ тѣнію древнихъ каштановыхъ деревъ, въ самый жаркой полдень можно наслаждаться прохладою, и откуда видна цѣпь высочайшихъ снѣжныхъ горъ, которыя, будучи

освѣщаемы солнцемъ, представляются въ видѣ тонкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сія терраса, складенная человѣческими руками, вышиною будетъ въ шесть или въ семь сотъ футовъ. Внизу течетъ Ара, и съ великимъ шумомъ низвергается съ высокой плотины. Въ стѣнѣ, которою обведено это гульбище, нашелъ я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ честь всемогущества и чудеснаго Божія провидѣнія, и въ память потомству, положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда Г. Теобольдъ Веинцепфли, Студентъ, 25 мая 1654 года упалъ съ лошади, и потомъ, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви въ Керцерсѣ, въ глубокой старости блаженно скончался 25 Ноября 1694 года.* Хотя иному чудно покажется, что человѣкъ, упавъ съ такой вышины, могъ живъ остаться; однакожь это происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жителей, не подвержено никакому сомнѣнію. Сказываютъ, что на Студентѣ былъ тогда широкой плащъ, который, захвативъ подъ себя много воздуху, удерживалъ его въ паденіи, и не далъ ему сильно удариться объ землю.

Послѣ обѣда былъ я у Проповѣдника Штапфера, самаго добродушнаго Швейцара, и ввечеру ходилъ съ нимъ прогуливаться за городъ. Сидя въ бесѣдкѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣли мы на горы, которыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ:

Und ein Gott ist's der Berge Spitzen röthet mit Blitzen!

(Богъ краситъ молніями вѣнцы горъ). Между тѣмъ Штапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минутъ отвратить глаза свои отъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда

же я опять взглянулъ на горы, увидѣлъ—вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней—ужасную блѣдность. Солнце закатилось. Я былъ пораженъ сею скорою перемѣною, и готовъ былъ воскликнуть: *Такъ проходитъ слава міра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ свѣтильникъ жизни!* Мнѣ стало грустно—и мы тихими шагами возвратились въ городъ.

—

Нынѣ по утру былъ я у Проповѣдника Виттенбаха, ученаго Натуралиста, который перевелъ на Нѣмецкой языкъ *Соссюрово путешествіе по Швейцаріи*, выдалъ *краткое наставленіе для путешествующихъ по Альпійскимъ горамъ*, и сочиняетъ теперь *описаніе естественныхъ произведеній Швейцаріи*. Хотя онъ не одного вкуса со мною, и никогда, по словамъ его, не читаетъ книгъ, наполненныхъ мечтами воображенія; и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ: однакожь мы нашли матерію для разговора, и для него и для меня занимательную -- а именно, мы говорили о Галлерѣ, который былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смотря на свою болѣзнь и слабость, съ великимъ любопытствомъ читалъ описаніе нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опытовъ, и отчасти повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, которыя любилъ онъ страстно!—Виттенбахъ, путешествуя всякой годъ по самымъ отдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихѣ! «Я успѣю быть въ городахъ и тогда (говоритъ онъ),

когда отъ старости не въ состояніи буду ходить по Альпамъ».

На террасѣ встрѣтился я нынѣ съ Графомъ д'Артуа, который тамъ прогуливался со многими знатными Французами. Онъ не дуренъ собою, и хочетъ показываться веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно стѣсненное сердце. Такія-то перемѣны бываютъ въ жизни человѣческой! — Проживъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдетъ онъ теперь въ Италію, куда отправятся за нимъ и другіе эмигранты. *Щастливый путь!* говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были симъ незваннымъ гостямъ.

Въ трактирѣ *Вѣнца*, гдѣ я живу, не садится за столъ менѣе тридцати человѣкъ, Французовъ и Англичанъ, между которыми бываютъ жаркіе споры о теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи. Сегодни за ужиномъ бѣдный Италіянской музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ, и хотѣли, чтобы онъ разсказалъ намъ свою исторію. *Слушайте,* сказалъ онъ, и запѣлъ:

Я въ бѣдности на свѣтъ родился,
И въ бѣдности воспитанъ былъ;
Отца въ младенчествѣ лишился,
И въ свѣтѣ сиротою жилъ.
Но богъ, искусный въ пѣснопѣньи,
Меня сиротку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣньи,
И арфу съ ласкою вручилъ;
Открылъ за тайну, какъ струною
Съ сердцами можно говорить,
И томной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить.

Я арфу взялъ—ударилъ въ струны;
Смотрю—и въ сердцѣ горя нѣтъ!..
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ!

«Вотъ вамъ моя исторія, государи мои! сказалъ онъ по-Французски *): я странствую по свѣту, и вездѣ нахожу людей, умѣющихъ цѣнить таланты». *Браво! Браво!* закричали Англичане, и бросили ему еще нѣсколько талеровъ.—

Завтра думаю отправиться къ Альпійскимъгорамъ. Чемоданъ свой оставлю здѣсь, а съ собою возьму только теплой сертукъ, половину бѣлья своего, записную книжку и карандашъ.

Тунъ, въ десять часовъ вечера.

Въ два часа пополудни выѣхалъ я изъ Берна, и въ шесть часовъ пріѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большаго озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣтилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подъ бородою превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ трактирѣ *Фрейгофъ;* заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на заднюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтра разбудятъ меня въ четыре часа. Въ это время отходитъ отсюда почтовая лодка, на которой переѣду черезъ озеро.

---

*) Пѣсню пѣлъ онъ на Италіянскомъ языкѣ.

пійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытой. Д
снѣжные холма, дѣвическимъ грудямъ подобн
составляютъ ея корону. Ничто смертное къ ни
не прикасалося, самыя бури не могутъ до ни
возноситься; одни солнечные и лунные лу
лобызаютъ ихъ нѣжную округлость, вѣчное б
молвіе царствуетъ вокругъ ихъ—здѣсь коне
земного творенія!—Я смотрю, и не вижу выхо
изъ сей узкой долины.

Пастушьи хижины на Альпійскихъ горахъ, в
часовъ утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводни
мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею
пошелъ—съ благоговѣніемъ ступилъ перв
шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію н
чалъ взбираться на крутизну. Утро было х
лодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и ск
нулъ съ себя теплый сюртукъ. Черезъ четвер
часа усталость подкосила ноги мои—и потом
каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кро
моя волновалась такъ сильно, что мнѣ мож
было слышать біеніе своего пульса. Я прошел
мимо громады большихъ камней, которые
десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершин
горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлы
городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухо
шумъ, происходящій отъ катящагося съ гор
снѣга. Горе тому несчастному страннику, кот
рый встрѣтится симъ падающимъ снѣжным
кучамъ! Смерть его неизбѣжна.—Болѣе четы
рехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой к
менной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пр
падала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пла

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемый *Штауббахъ*, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семъ отдаленіи кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приближился я къ этому феномену, и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо летитъ внизъ, почти не дотрогиваясь до утеса горы, и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ, падаетъ на землю въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ, разносятся влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое платье. — Потомъ ходилъ я къ другому водопаду, называемому *Триммербахъ*, до котораго будетъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внутренности ея съ шумомъ падаетъ и стремится въ долину, гдѣ мало по малу утишая свою ярость, образуетъ чистую рѣчку. Видъ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *Триммербаха* составляютъ *дикую* красоту, плѣняющую любителей Натуры. Около часа пробылъ я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ—и наконецъ, въ великой усталости, возвратился въ Лаутербрунненъ, гдѣ теперь отдыхаю въ трактирѣ.

—

Въ восемъ часовъ вечера. Свѣтлый мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю, какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ гранитныя скалы, возвышаетъ густую зелень соснъ, и блистаетъ на вершинѣ *Юнгферы*, одной изъ высочайшихъ Аль-

бываетъ онъ время, и мыслію своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.—

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемый Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ которыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу остаться у нихъ вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ.—Теперь лежу на хижинѣ, на которую стоило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашемъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара!—Черезъ полчаса пойду далѣе.

—

было прочесть сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древ- міра, или, по крайней мѣрѣ, древность сихъ горъ.

Гриндельвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши отъ хижинъ около часа по отлогому скату—мимо стадъ, пасущихся на цвѣтной благовонной зелени — начали мы спускаться съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина, гдѣ лежитъ эта деревенька, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ разсѣянныхъ домиковъ, представляется глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній *глетшеръ* или *ледникъ;* а нижній открылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ горою, съ которой мы спускались. Сіи ледники суть магнитъ, влекущій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, который былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хотя и не видалъ я ничего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ тутъ однимъ Французскимъ Писателемъ, но которыя въ самомъ дѣлѣ представляютъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первый уподобилъ сіи ледники бурному морю, котораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились въ ледъ; но могу сказать, что это сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей путешественникъ или Писатель имѣлъ піитическое воображеніе. — Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ вытекаетъ изъ-подъ свода его мутная рѣка Литшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился я взойти выше. Къ нещастію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко всходу мѣста; но какъ мнѣ и

хотѣлось оставить своего намѣренія, то я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими ногами, такъ что я безпрестанно спотыкался и ползъ, хватаясь руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предаетъ меня судьбѣ моей; но я, смотря на него съ презрѣніемъ и не отвѣчая ему ни слова, взбирался выше и выше, и храбро преодолѣвалъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усѣянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезаютъ. Тутъ отдыхалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висящемъ надъ пропастью; спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, естьли не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо, что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хотя мелкой, однакожъ отмѣнно сладкой и вкусной, которая прохладила внутренній жаръ мой. Теперь, сидя въ трактирѣ за большимъ столомъ, дожидаюсь ужина.

—

Гора Шейдекъ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, который показался мнѣ еще лучше нижняго, потому что цвѣтъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе четырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою же трудностію, какъ [illegible] *на* Венгенальпъ. Горныя ласточки пор-

хали надо мною, и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было блеяніе стадъ. Цвѣты и травы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей Альпійской горы, которая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною будетъ въ 2400 саженъ; а теперь возвышается передо мною грозный Веттергорнъ, который часто привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясывается ихъ молніями. За два часа передъ симъ скатились съ вѣнца его двѣ *лавины*, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великій трескъ (который заставилъ меня вздрогнуть)—а потомъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому,—при чемъ на нѣсколько саженъ вверхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекѣ нашелъ я пастуховъ, которые также подчивали меня творогомъ, сыромъ и густыми ароматическими сливками. Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда, сижу теперь на бугрѣ горы, и смотрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу источникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь запасная храмина Натуры, храмина, изъ которой она во время засухи черпаетъ воду для освѣженія жаждущей земли. И естьли бы сіи снѣга могли вдругъ растопиться, то второй потопъ поглотилъ бы все живущее въ нашемъ мірѣ.

Не льзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на сіи концы земнаго творенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни—нѣтъ ни деревъ, ни травъ—гдѣ

столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отвсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня томила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодаго пастуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него стакана. Онъ не скоро понялъ меня; но понявъ, тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. *Она чиста*, сказалъ онъ худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее назадъ—посмотрѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ другой разъ, и опять вылилъ—взглянулъ на меня и засмѣялся —почерпнулъ въ третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: *пей, добрый человѣкъ, пей нашу воду!* Я взялъ чашку, — и естьли бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго пастуха, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту!—Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями! *) Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми *истинными* удовольствіями—тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце, и которыя насъ подлинно щастливыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ—болѣе наслаждались они любовію (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: *люблю тебя*, и дарамъ Природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе чело-

*) *Когда же?*

вѣку никакой существенной цѣны),—болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ человѣкъ въ прежнемъ своемъ состояній, терзаютъ нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою тьму непріятностей. — Съ сими мыслями пошелъ я отъ пастуха; нѣсколько разъ оборачивался назадъ, и примѣтилъ, что онъ провожаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было желаніе: *поди и будь щастливъ!* Богъ видѣлъ, что и я отъ всего сердца желалъ ему щастія;—но онъ уже нашелъ его!

Сильный шумъ прервалъ нить моихъ размышленій. Что это значитъ? спросилъ я у проводника моего, остановясь и слушая. «Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*, отвѣчалъ онъ, славнѣйшему Альпійскому водопаду». — Хотя путешествующій по Швейцарскимъ горамъ безпрестанно видитъ каскады, безпрестанно орошается ихъ брызгами, и наконецъ смотритъ на нихъ равнодушно: однакожь мнѣ очень хотѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Отдаленный шумъ обѣщалъ мнѣ нѣчто величественное: воображеніе мое стремилось къ причинѣ его; но тутъ вдругъ открылось мнѣ другое великолѣпіе, которое заставило меня на время забыть *Рейхенбахъ*. Ахъ! для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бумагѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйш цвѣтущаго сада представилась глазамъ *между дикихъ*, каменныхъ, небеса. по

Я всякой день бываю у Лафатера, обѣдаю у него, и хожу съ нимъ по вечерамъ прогуливаться. Онъ, кажется, любитъ меня; ласкаетъ и распрашиваетъ иногда о подробностяхъ жизни моей, дозволяя и мнѣ предлагать ему разные вопросы, а особливо на письмѣ. Въ примѣръ переведу вамъ отвѣтъ его на одинъ изъ моихъ вопросовъ. Вопросъ: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно *достижимая* *) для мудрыхъ и слабоумныхъ?»—Отвѣтъ: «Бытіе «есть цѣль бытія. — Чувство и радость бытія «(Daseynsfrohheit) есть цѣль всего, чего мы «искать можемъ. Мудрый и слабоумный ищутъ «только средствъ наслаждаться бытіемъ своимъ, «или чувствовать его—ищутъ того, черезъ что «они самихъ себя сильнѣе ощутить могутъ.— «Всякое *чувство* и всякой *предметъ*, постигае«мый которымъ нибудь изъ нашихъ чувствъ, «суть прибавленія (Beyträge) нашего самочув«ствованія (Selbstgefühles); чѣмъ болѣе самочув«ствованія, тѣмъ болѣе блаженства.—Какъ раз«личны наши организаціи или образованія, «такъ же различны и наши потребности въ «*средствахъ* и *предметахъ*, которые новымъ «образомъ даютъ намъ чувствовать наше бы«тіе, наши силы, нашу жизнь.—Мудрый отли«чается отъ слабоумнаго только средствами «самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, «всенасладительнѣе, постояннѣе и благодѣтель«нѣе есть средство или предметъ, въ которомъ «или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, «тѣмъ существеннѣе (existenter) мы сами, тѣмъ

*) То есть, до которой достигнуть можно. Я осмѣлился *по аналогіи* употребить это слово.

«вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше—тѣмъ мы «мудрѣе, свободнѣе, любящѣе (liebender), лю-«бимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, «человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія «нашего сообразнѣе.—Изслѣдуйте точно, чрезъ «что и въ чемъ вы пріятнѣе или тверже суще-«ствуете? Что вамъ доставляетъ болѣе наслаж-«денія—разумѣется такого, которое никогда не «можетъ причинить раскаянія—которое всегда «съ спокойствіемъ и внутреннею свободою духа «можетъ и должно быть снова желаемо? Чѣмъ «достойнѣе и существеннѣе избираемое вами «средство, тѣмъ достойнѣе и существеннѣе вы «сами; чѣмъ существеннѣе вы дѣлаетесь, то «есть, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и радостнѣе суще-«ствованіе ваше—тѣмъ болѣе приближаетесь «вы ко всеобщей и особливой цѣли бытія ва-«шего. Отношеніе (Anwendung) и изслѣдованіе «сего положенія (отношеніе и изслѣдованіе есть «одно) покажетъ вамъ истину, или (что опять «все одно) всеотносимость онаго. Цирихъ, въ «Четвертокъ ввечеру, 20 Августа 1789. Іоаннъ «Каспаръ Лафатеръ». Каковъ вамъ кажется сей отвѣтъ, друзья мои? Вы конечно не подумаете, чтобы я въ самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать отъ Лафатера цѣль бытія нашего; мнѣ хотѣлось только узнать, что онъ можетъ о томъ сказать. Такимъ образомъ всякое утро прихожу къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ. Онъ прячетъ мою бумажку въ карманъ, и ввечеру отдаетъ мнѣ отвѣтъ, на ней же написанный,—оставляя у себя копію. Я увѣренъ, что все это будетъ напечатано въ ежемѣсячномъ его сочиненіи, которое съ новаго года

жденія, столь оскорбительнаго для моего самолюбія; но между тѣмъ онъ уже скрылся.

Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣетъ, и дверь кабинета его почти никогда не затворяется; когда уйдетъ нищій, придетъ печальный, требующій утѣшенія, или путешественникъ, не требующій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверхъ того посѣщаетъ онъ больныхъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отправивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ изъ комнаты, и сказалъ мнѣ, что я могу итти съ нимъ вмѣстѣ. Посмотримъ, куда, — думалъ я, и пошелъ за нимъ изъ улицы въ улицу, и наконецъ совсѣмъ вонъ изъ города, въ маленькую деревеньку, и на крестьянской дворъ. *Жива ли она?* спросилъ онъ у пожилой женщины, которая встрѣтила насъ въ сѣняхъ. *Чуть душа держится,* отвѣчала она со слезами, и отворила намъ дверь въ горницу, гдѣ увидѣлъ я старую, изсохшую и блѣдную женщину, лежащую на постелѣ. Два мальчика и двѣ дѣвочки стояли подлѣ постели и плакали; но увидѣвъ Лафатера, бросились къ нему, схватили его за обѣ руки и начали цѣловать ихъ. Онъ подошелъ къ больной, и ласковымъ голосомъ спросилъ у нее, какова она? *Умираю—умираю,* отвѣчала старушка, и болѣе не могла сказать ни слова, устремивъ глаза на грудь свою, которая страшнымъ образомъ вверхъ подымалась. Лафатеръ сѣлъ подлѣ нее, и началъ приготовлять ее къ смерти. «Часъ твой приблизился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не страшись гроба и могилы;

не ты, но только бренное тѣло твое въ нихъ заключится. Въ самую ту минуту, когда глаза твои закроются навѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой старости, — видѣла возростшихъ дѣтей и внучатъ своихъ, возростшихъ въ добронравіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою, и наконецъ съ лицемъ свѣтлымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, тамъ составимъ мы всѣ одно щастливое семейство!»— При сихъ словахъ прервался Лафатеровъ голосъ; онъ утерся бѣлымъ платкомъ, и прочитавъ молитву, благословилъ умирающую, простился съ нею — поцѣловалъ маленькихъ дѣтей — сказалъ, чтобы они не плакали, и давъ имъ по нѣскольку копѣекъ, ушелъ. Мнѣ было очень тяжело, однакожь слезы не хотѣли литься изъ глазъ моихъ; насилу могъ я свободно вздохнуть на чистомъ вечернемъ воздухѣ.

Гдѣ вы берете столько силъ и столько терпѣнія? сказалъ я Лафатеру, удивляясь его дѣятельности. «Другъ мой! отвѣчалъ онъ съ улыбкою: человѣкъ можетъ дѣлать много, естьли захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе находитъ въ себѣ силы и охоты къ дѣйствію».

Не думаете ли вы, друзья мои, что Лафатеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? Нѣтъ, доходы его весьма не велики. Но онъ продаетъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменныя, въ пользу неимущихъ братій; и собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаетъ ее просящимъ. Я купилъ у него два манускрипта: *сто тайныхъ физіогномическихъ*

правилъ (въ заглавіи которыхъ написано: Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern) и *памятникъ для любезныхъ странниковъ* *); за послѣднюю рукопись онъ не взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ отдать ихъ одному бѣдному французу, который пришелъ къ нему просить милостыни.

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться сегодня съ человѣкомъ весьма любезнымъ — съ Архидіакономъ Тоблеромъ, который мнѣ извѣстенъ былъ по своимъ сочиненіямъ, а особливо по переводу Томсоновыхъ временъ года, изданному покойнымъ Геснеромъ, другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ нынѣ по утру съ Господиномъ Т*, и прельстилъ меня простотою своего обхожденія. Вмѣстѣ съ нимъ и съ двумя сестрами дѣвицы Т* поѣхали мы въ большой лодкѣ гулять по озеру. Нельзя было выбрать лучшаго дня: на небѣ не показывалось ни одного облачка и вода едва, едва струилась. На томъ и на другомъ берегу озера видны хорошо выстроенныя деревни, сельскіе домики богатыхъ Цирихскихъ гражданъ, и виноградные сады, которые простираются безпрерывно. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, безсмертный Клопштокъ — съ молодыми своими друзьями и съ любезнѣйшими изъ Цирихскихъ мо-

*) Лафатеръ въ печатномъ своемъ Физіогномическомъ сочиненіи бережется показывать въ лицахъ тѣ черты, которыя означаютъ худое: въ семъ письменномъ (которое, по его словамъ, никогда не должно быть напечатано) говоритъ онъ вольнѣе.—Памятникъ для путешественниковъ есть для меня одно изъ лучшихъ его твореній; онъ напечатанъ въ Hand-Bibliothek für Freunde.

лодыхъ дѣвицъ — катался по озеру. «Я какъ теперь смотрю на Клопштока (сказалъ Г. Тоблеръ). На немъ былъ красный кафтанъ. Въ тотъ день отмѣнно нравилась ему дѣвица Шинцъ. Виртмиллеръ сдѣлалъ изъ ея перчатки кокарду для Клопштоковой шляпы. Божественный пѣвецъ Мессіады разливалъ радость вокругъ себя». Сію эѳирную радость — радость, какую могутъ только чувствовать великія души — воспѣлъ Клопштокъ въ прекрасной одѣ своей Züricher-See, которая осталась вѣчнымъ памятникомъ пребыванія его въ здѣшнихъ мѣстахъ—пребыванія, лаврами и миртами увѣнчаннаго. Г. Тоблеръ—говоря о томъ, какъ уваженъ былъ здѣсь пѣвецъ Мессіады — сказывалъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ Кантона Гларуса пришли въ Цирихъ двѣ молодыя пастушки, единственно затѣмъ, чтобы видѣть Клопштока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Messias, so bin ich ausser mir *(ахъ! читая Клариссу и Мессіаду, я внѣ себя бываю!)* Друзья мои! вообразите, что въ эту райскую минуту чувствовало сердце пѣснопѣвца! — Разговаривая такимъ образомъ съ почтеннымъ Архидіакономъ, не видалъ я, какъ мы отплыли отъ города двѣ мили или около пятнадцати верстъ. Тутъ надлежало намъ вытти на берегъ близь небольшой деревеньки, въ которой Г. Тоблеръ родился, и гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Всѣ крестьянскіе домики въ сей деревнѣ имѣютъ очень хорошій видъ, и подлѣ всякаго есть садикъ, съ плодовитыми деревьями и съ грядами, на которыхъ растутъ благовонные цвѣты и поваренныя травы. Во внутренности домовъ все чисто. Тутъ видѣлъ

главнымъ своимъ упражненіемъ; а какъ и самые богатые изъ Цирихскихъ жителей не держатъ болѣе одной служанки, то всякая хозяйка находитъ для себя много дѣла въ домашней жизни, не угнетается праздностію, матерью многихъ пороковъ, и рѣдко ходитъ въ гости. Театръ, балы, маскарады, клубы, великолѣпные обѣды и ужины! вы здѣсь неизвѣстны. Иногда сходятся двѣ, три, четыре пріятельницы—разговариваютъ дружески—вмѣстѣ работаютъ, или читаютъ Геснера, Клопштока, Томсона и другихъ Писателей и Поэтовъ, которые не приводятъ цѣломудрія въ краску. Рѣдко бываютъ онѣ вмѣстѣ съ посторонними мущинами, а при чужестранцахъ стыдятся говорить, думая, что Цирихскій выговоръ противенъ ихъ ушамъ. Всѣ онѣ одѣваются просто, не думая о Французскихъ модахъ, и совсѣмъ не употребляютъ румянъ. — Мущины отправляютъ по утру дѣла свои: купецъ идетъ въ контору или въ лавку. Ученый садится читать или писать, художникъ берется за свою работу, и такъ далѣе. Въ полдень обѣдаютъ, а ввечеру прогуливаются, или въ пріятельскихъ бесѣдахъ курятъ табакъ, пьютъ чай и кофе — купцы говорятъ о торговыхъ, Ученые объ ученыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ проводятъ время. Не знаю, продаются ли въ Цирихѣ карты; по крайней мѣрѣ въ нихъ здѣсь никогда не играютъ, и не знаютъ сего прекраснаго средства убивать время (простите мнѣ этотъ Галлицизмъ), средства, которое въ другихъ земляхъ сдѣлалось почти необходимымъ.

Мудрые Цирихскіе законодатели знали, что роскошь бываетъ гробомъ вольности и добрыхъ нравовъ, и постарались заградить ей входъ въ

свою республику. Мущины не могутъ носить здѣсь ни шелковаго, ни бархатнаго платья; а женщины ни бриліантовъ, ни кружевъ; и даже въ самую холодную зиму никто не смѣетъ надѣть шубы, для того что мѣха здѣсь очень дороги. Въ городѣ запрещено ѣздить въ каретахъ, и потому здоровыя ноги здѣсь гораздо болѣе уважаются, нежели въ другихъ мѣстахъ. Во внутренности домовъ не увидите вы никакихъ богатыхъ уборовъ — все просто и хорошо. Хотя чужестранныя вина сюда привозятся, однакожь ихъ позволено употреблять не иначе, какъ въ лекарство. Только думаю, что сей законъ не очень строго наблюдается. На прим. у Лафатера за столомъ пили мы Малагу; но онъ взялъ ее, можетъ быть, изъ Аптеки, по предписанію своего Доктора Г*.

Я слыхалъ прежде, будто въ Швейцаріи жить дешево; теперь могу сказать, что это неправда, и что здѣсь все гораздо дороже, нежели въ Германіи: на прим. хлѣбъ, мясо, дрова, платье, обувь и прочія необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство Швейцаровъ. Гдѣ богаты люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи. Обѣдъ въ трактирѣ стоитъ здѣсь восемь гривенъ; то же самое платилъ я въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ. Правда, что въ Швейцарскихъ трактирахъ никогда не подаютъ на столъ менѣе семи или осьми хорошо приготовленныхъ блюдъ, и потомъ десертъ на четырехъ или на пяти тарелкахъ.

—

Я всякой день бываю у Лафатера, обѣдаю у него, и хожу съ нимъ по вечерамъ прогуливаться. Онъ, кажется, любитъ меня; ласкаетъ и распрашиваетъ иногда о подробностяхъ жизни моей, дозволяя и мнѣ предлагать ему разные вопросы, а особливо на письмѣ. Въ примѣръ переведу вамъ отвѣтъ его на одинъ изъ моихъ вопросовъ. Вопросъ: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно *достижимая* *) для мудрыхъ и слабоумныхъ?»—Отвѣтъ: «Бытіе «есть цѣль бытія. — Чувство и радость бытія «(Daseynsfrohheit) есть цѣль всего, чего мы «искать можемъ. Мудрый и слабоумный ищутъ «только средствъ наслаждаться бытіемъ своимъ, «или чувствовать его—ищутъ того, черезъ что «они самихъ себя сильнѣе ощутить могутъ.— «Всякое *чувство* и всякой *предметъ*, постигае«мый которымъ нибудь изъ нашихъ чувствъ, «суть прибавленія (Beyträge) нашего самочув«ствованія (Selbstgefühles); чѣмъ болѣе самочув«ствованія, тѣмъ болѣе блаженства.—Какъ раз«личны наши организаціи или образованія, «такъ же различны и наши потребности въ «*средствахъ* и *предметахъ*, которые новымъ «образомъ даютъ намъ чувствовать наше бы«тіе, наши силы, нашу жизнь.—Мудрый отли«чается отъ слабоумнаго только средствами «самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, «всенасладительнѣе, постояннѣе и благодѣтель«нѣе есть средство или предметъ, въ которомъ «или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, «тѣмъ существеннѣе (existenter) мы сами, тѣмъ

*) То есть, до которой достигнуть можно. Я осмѣлился *по аналогіи* употребить это слово.

«вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше—тѣмъ мы «мудрѣе, свободнѣе, любящѣе (liebender), лю-«бимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, «человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія «нашего сообразнѣе.—Изслѣдуйте точно, чрезъ «что и въ чемъ вы пріятнѣе или тверже суще-«ствуете? Что вамъ доставляетъ болѣе наслаж-«денія—разумѣется такого, которое никогда не «можетъ причинить раскаянія—которое всегда «съ спокойствіемъ и внутреннею свободою духа «можетъ и должно быть снова желаемо? Чѣмъ «достойнѣе и существеннѣе избираемое вами «средство, тѣмъ достойнѣе и существеннѣе вы «сами; чѣмъ существеннѣе вы дѣлаетесь, то «есть, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и радостнѣе суще-«ствованіе ваше—тѣмъ болѣе приближаетесь «вы ко всеобщей и особливой цѣли бытія ва-«шего. Отношеніе (Anwendung) и изслѣдованіе «сего положенія (отношеніе и изслѣдованіе есть «одно) покажетъ вамъ истину, или (что опять «все одно) всеотносимость онаго. Цирихъ, въ «Четвертокъ ввечеру, 20 Августа 1789. Іоаннъ «Каспаръ Лафатеръ». Каковъ вамъ кажется сей отвѣтъ, друзья мои? Вы конечно не подумаете, чтобы я въ самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать отъ Лафатера цѣль бытія нашего; мнѣ хотѣлось только узнать, что онъ можетъ о томъ сказать. Такимъ образомъ всякое утро прихожу къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ. Онъ прячетъ мою бумажку въ карманъ, и ввечеру отдаетъ мнѣ отвѣтъ, на ней же написанный,—оставляя у себя копію. Я увѣренъ, что все это будетъ напечатано въ ежемѣсячномъ его сочиненіи, которое съ новаго года

должно выходить въ Берлинѣ, подъ титуломъ: *отвѣты на вопросы моихъ пріятелей* *).

Лафатеръ намѣренъ еще издавать, также съ будущаго года, *Библіотеку для друзей*, гдѣ будутъ помѣщены такія піесы, которыхъ онъ, по какимъ нибудь причинамъ, не хочетъ сообщить публикѣ. Только пріятели его могутъ получать сію библіотеку; и хотя она будетъ печатная, однакожь они обязываются считать ее за манускриптъ.

По сіе время Лафатеровы сочиненія составляютъ около пятидесяти томовъ; естьли онъ проживетъ еще лѣтъ двадцать, то это число можетъ вдвое умножиться. За всѣмъ тѣмъ, по его словамъ, сочиненіе есть для него не работа, а отдыхъ.

Сверхъ того, что Лафатеръ пишетъ для публики и для пріятелей, ведетъ онъ журналъ жизни своей, который есть тайна и для самыхъ друзей его, и который останется въ наслѣдство его сыну. Тутъ описываетъ онъ всѣ

) Я угадалъ,—и первая піеса, напечатанная въ семъ ежемѣсячномъ сочиненіи, есть отвѣтъ на мой вопросъ о цѣли бытія. Берлинскимъ Рецензентамъ показалось забавно: die constante solideste, sutenabelste existenz—или Daseyn ist der Zwek des Daseyns,— —и проч. «Г. К (говоритъ Рецензентъ во всеобщей Нѣмецкой Библіотекѣ) конечно больше нашего знакомъ съ игрою Лафатеровыхъ мыслей; ему оставляемъ мы разумѣть сіе изъясненіе цѣли бытія нашего».—Мнѣ кажется, что мысли Лафатеровы (не смотря на насмѣшки остроумныхъ Берлинцевъ) и понятны и справедливы, и даже весьма обыкновенны; здѣсь можно назвать новыми только одни выраженія. Но Г. Аделунгъ конечно имѣетъ причину жаловаться, что Лафатеръ не всегда думаетъ о чистотѣ Нѣмецкаго слога.

свои важнѣйшіе опыты, сокровенныя связи съ нѣкоторыми людьми, свои надежды, радости и печали. — Вѣроятно, что въ сихъ запискахъ много любопытнаго—и я почти увѣренъ, что онѣ со временемъ будутъ напечатаны—естьли не для меня и не для васъ, то по крайней мѣрѣ для дѣтей вашихъ, друзья мои. Девятыйнадесять вѣкъ! сколько въ тебѣ откроется такого, что теперь считается тайною!

Раза три былъ я у почтеннаго старика Тоблера, и провелъ у него часовъ пять или шесть, весьма пріятныхъ. Онъ такъ много разсказывалъ мнѣ о покойномъ Бодмерѣ и Швейцарскомъ Теокритѣ: «Геснеръ украсилъ весну «жизни моей (говоритъ онъ) — и во всѣхъ «пріятныхъ сценахъ моей юности, о которыхъ «теперь съ удовольствіемъ вспоминаю, вижу «его передъ собою. Часто проводили мы вмѣстѣ «длинные зимніе вечера въ чтеніи Поэтовъ; и «почти всегда, когда я приходилъ къ нему, «встрѣчалъ онъ меня съ какою нибудь пріят«ною новостію, имъ сочиненною. Домъ его былъ «Академіею изящной Литтературы и Искусства— «Академіею, какой Государи основать не мо«гутъ». Вы знаете, что Геснеръ посвятилъ своего Дафниса одной дѣвицѣ; но не знаете, можетъ быть, что эта дѣвица была дочь Г. Гейдеггера, Цирихскаго Сенатора, и что творецъ Дафниса скоро послѣ того женился на ней, и жилъ съ нею всегда какъ любовникъ съ любовницею.—По любви къ человѣчеству прискорбно было мнѣ слышать, что Геснеръ не могъ терпѣть Лафатера, и не смотря на всѣ старанія общихъ друзей ихъ, никогда не хотѣлъ съ нимъ помириться. Тѣмъ болѣе чести

Лафатеру, что онъ, по смерти Геснеровой, сочинилъ ему похвальные стихи!

Съ Профессоромъ Мейстеромъ,—братомъ того Мейстера, который написалъ на Французскомъ языкѣ извѣстную книгу о *естественномъ нравоученіи*, и который, будучи выгнанъ изъ Цириха за одно смѣлое сочиненіе, живетъ теперь въ Парижѣ—видѣлся я только одинъ разъ. Наружность его не очень привлекательна, однакожь обхожденіе его весьма пріятно. Онъ говоритъ почти такъ же хорошо, какъ пишетъ. Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій (Kleine Reisen и Characteristik Deutscher Dichter), и поблагодарилъ за это удовольствіе.

Въ нынѣшній вечеръ наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Естьли бы вы видѣли, какъ пурпуровыя и золотыя молніи вились по хребтамъ горъ, при страшной канонадѣ неба! Казалось, что небесный Громовержецъ хотѣлъ превратить въ пепелъ сіи гордыя вышины: но онѣ стояли, и рука Его утомилась — громы умолкли, и тихая луна сквозь облака проглянула.

Въ Цирихскомъ Кантонѣ считается около 180,000 жителей, а въ городѣ около 10,000; но только двѣ тысячи имѣютъ право гражданства, избираютъ судей, участвуютъ въ правленіи и производятъ торгъ; всѣ прочіе лишены сей выгоды. Изъ тридцати цеховъ, на которые раздѣлены граждане, одинъ называется главнымъ *или дворянскимъ*, имѣя передъ другими то пре-

изъ нихъ составляется Большой Совѣтъ и Сенатъ (изъ которыхъ первый имѣетъ законодательную, а послѣдній исполнительную власть); изъ нихъ выбираются судьи, такъ называемые Ландфохты или правители въ округахъ, на которые раздѣленъ Бернской Кантонъ; всѣ прочіе жители не имѣютъ участія въ правленіи. Число сихъ аристократическихъ или господствующихъ фамилій безпрестанно уменьшается; онѣ могутъ сообщать свои права другимъ фамиліямъ, но это рѣдко бываетъ.—

По вечерамъ обыкновенно выходилъ я на террасу, и гулялъ при свѣтѣ лунномъ подъ вѣтьвями каштановыхъ деревъ, будучи углубленъ въ пріятную задумчивость. Ахъ, любезные друзья мои! только на горахъ сердце мое не было сиротою! Тамъ казалось мнѣ, что я къ вамъ ближе.

Завтра поѣду въ Лозану, и простился уже со всѣми своими знакомыми, кромѣ Проповѣдника Штапфера. Сей добрый Швейцаръ полюбилъ меня и мнѣ полюбился. Всякой день проводилъ я въ его кабинетѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Все семейство его очень мило. Онъ запретилъ мнѣ сказывать, когда я выѣду изъ Берна, и не хочетъ прощаться со мною. Чувствительный человѣкъ!

Здѣсь разстаюсь съ Нѣмецкимъ языкомъ, и не безъ сожалѣнія.

Простите, мои друзья! Пакетъ свой отнесу я на почту. Естьли бы вы съ такимъ удовольствіемъ читали мои письма, съ какимъ я пишу ихъ!

—

рилъ просто, и трогалъ сердце—мое и ваше. Видъ, съ какимъ проповѣдуетъ Лафатеръ, мнѣ полюбился.

Цирихскіе проповѣдники являются на каѳедрахъ въ какихъ-то странныхъ черныхъ *шушунахъ*, съ большими бѣлыми и жестко-накрахмаленными крагенами. Обыкновенно же ходятъ они въ черныхъ или темныхъ кафтанахъ. Лафатеръ носитъ на головѣ черную бархатную скуфейку—но только онъ одинъ. Не для того ли почли его тайнымъ Католикомъ?

Когда въ церкви поютъ псалмы, мущины стоятъ безъ шляпъ; когда же начинается проповѣдь, всѣ садятся, надѣваютъ шляпы, молчатъ и слушаютъ.——

Я познакомился на сихъ дняхъ съ двумя молодыми соотечественниками моего пріятеля Б*: съ Графомъ М* и Господиномъ Баг*. Сей послѣдній сочинилъ на Датскомъ языкѣ двѣ большія Оперы, которыя отмѣнно полюбились Копенгагенской Публикѣ, а наконецъ были причиною того, что Авторъ лишился спокойствія и здоровья. Вы удивитесь; но тутъ нѣтъ ничего чуднаго. Зависть вооружила противъ него многихъ писателей; они вздумали увѣрять публику, что Оперы Господина Баг* ни къ чему не годятся. Молодой Авторъ защищался съ жаромъ; но онъ былъ одинъ въ толпѣ непріятелей. Въ газетахъ, въ журналахъ, въ комедіяхъ—однимъ словомъ, вездѣ его бранили. Нѣсколько мѣсяцовъ онъ отбранивался; наконецъ почувствовалъ истощеніе силъ своихъ, съ больною грудью оставилъ мѣсто боя, и уѣхалъ въ Пирмонтъ къ водамъ, откуда Докторъ прислалъ его въ Швейцарію лечиться горнымъ возду-

хомъ. Молодой Графъ М*, учившійся въ Геттингенѣ, согласился вмѣстѣ съ нимъ путешествовать. Оба они познакомились съ Лафатеромъ и полюбились ему своею живостію. И тотъ и другой любитъ аханье и восклицанія. Графъ бьетъ себя по лбу и стучитъ ногами, а Поэтъ Баг* складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо, когда Лафатеръ говоритъ о чемъ нибудь съ жаромъ. Нынѣ или завтра уѣдутъ они въ Луцернъ: любезный мой пріятель Б* ѣдетъ съ ними же.

Цирихъ, 26 Августа.

Наконецъ думаю ѣхать изъ Цириха, проживъ здѣсь 16 дней. Нынѣ въ послѣдній разъ обѣдалъ я у Лафатера, и въ послѣдній разъ писалъ подъ его диктатурою (вы удивитесь; но учтивый Лафатеръ хотѣлъ увѣрить меня, будто я пишу по-Нѣмецки не худо). Въ послѣдній разъ ходилъ по берегу Лимматы—и шумное теченіе сей рѣки никогда не приводило меня въ такую меланхолію, какъ нынѣ. Я сѣлъ на лавкѣ подъ высокою липою, противъ самаго того мѣста, гдѣ скоро поставленъ будетъ монументъ Геснеру. Томъ его сочиненій былъ у меня въ карманѣ (какъ пріятно читать здѣсь всѣ его несравненныя Идилліи и Поэмы, читать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ ихъ!)—я вынулъ его, развернулъ, и слѣдующія строки попались мнѣ въ глаза. «Потомство справедливо чтитъ «урну съ пепломъ Пѣснопѣвца, котораго Музы «себѣ посвятили, да учитъ онъ смертныхъ до«бродѣтели и невинности. Слава его, вѣчно

«юная, живетъ и тогда, когда трофеи завоева-«теля гніютъ во прахѣ, и великолѣпный памят-«никъ недостойнагс Владѣтеля среди пустыни «заростаетъ дикимъ терновымъ кустарникомъ «и сѣдымъ мхомъ, на которомъ иногда отды-«хаетъ заблуждшійся странникъ. Хотя, по за-«кону Натуры, не многіе могутъ достигнуть до «сего величія, однакожь похвально стремиться «къ оному. Уединенная прогулка моя и каждый «уединенный часъ мой да будутъ посвящены «сему стремленію!» Вообразите, друзья мои, съ какимъ чувствомъ я долженъ былъ читать сіе, въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ Натура и Поэзія въ вѣчномъ безмолвіи будутъ лить слезы на урну незабвеннаго Геснера*)! Не его ли посвятили музы въ учители невинности и добродѣтели? Не его ли слава, вѣчно юная, жить будетъ и тогда, когда трофеи завоевателей изтлѣютъ во прахѣ? Предчувствіемъ безсмертія наполнялось сердце его, когда онъ магическимъ перомъ своимъ писалъ сіи строки.

Рука времени, все разрушающая, разрушитъ нѣкогда и городъ, въ которомъ жилъ Пѣснопѣвецъ; и въ теченіе столѣтій загладитъ развалины Цириха, но цвѣты Геснеровыхъ твореній не увянутъ до вѣчности, и благовоніе ихъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переливаться, услаждая всякое сердце.

Друзья мои! Писателямъ открыты многіе пути ко славѣ, и безчисленны вѣнцы безсмертія; мно-

---

*) На монументѣ Геснеровымъ изображены Поэзія и Натура въ видѣ двухъ прекрасныхъ женщинъ, плачущихъ надъ урною.

гихъ хвалитъ потомство—но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ.

О вы, одаренные отъ Природы творческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будетъ незабвенно; но естьли хотите заслужить любовь потомства, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ—да будетъ перо ваше посвящено добродѣтели и невинности.

—

Баденъ.

Нынѣ по утру выѣхалъ я изъ Цириха. Лафатеръ не хотѣлъ прощаться со мною навсегда, говоря, что я непремѣнно долженъ въ другой разъ пріѣхать на берегъ Лимматы. Онъ далъ мнѣ одиннадцать рекомендательныхъ писемъ въ разные города Швейцаріи, и увѣрилъ меня въ непремѣнности своего дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Старикъ Тоблеръ простился со мною до радостнаго свиданія въ поляхъ вѣчности, которая есть любимый предметъ утреннихъ и вечернихъ его размышленій.—

На каждой верстѣ отъ Цириха до Бадена встрѣчались мнѣ коляски и кареты, изъ которыхъ выглядывали Англійскія, Нѣмецкія и Французскія лица. Отъ Іюня до Октября мѣсяца Швейцарія бываетъ наполнена путешественниками, которые пріѣзжаютъ сюда наслаждаться Природою.

Наконецъ видѣлъ я въ Швейцаріи нѣчто такое, что мнѣ не полюбилось. Почти безпрестанно подбѣгали къ коляскѣ моей ребятишки и требовали подаянія. Не слушая отказа, бѣжали они за мною, кричали и разнымъ образомъ дурачились: одинъ становился вверхъ но-

гами, другой кривлялся, третій игралъ на дудкѣ, четвертый прыгалъ на одной ногѣ, пятый надѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заставляетъ просить ихъ милостыни; имъ нравится только сей легкой способъ получать деньги.— Жаль, что отцы и матери не унимаютъ ихъ! Маленькіе шалуны могутъ со временемъ сдѣлаться большими — могутъ распространить въ своемъ отечествѣ опасную нравственную болѣзнь, отъ которой рано или поздно умираетъ свобода въ Республикахъ. Тогда, любезные Швейцары, не поможетъ вамъ бальзамическій воздухъ горъ и долинъ вашихъ—увянетъ красота нѣжной богини, и слезы ваши не оживятъ хладнаго трупа.

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормить лошадей. Сей городокъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ высокими горами, находится подъ начальствомъ Цирихскаго, Бернскаго и Гларисскаго Кантоновъ, и славенъ своими цѣлебными теплицами, которыя были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ *Гельветскихъ водъ* (Aquae Helveticae). Отъ города будетъ до нихъ не болѣе 300 шаговъ, и я тотчасъ пошелъ туда. Два колодезя — самые ближайшіе къ главному источнику, и потому самые дѣйствительнѣйшіе—бываютъ всегда открыты для бѣдныхъ. Въ нихъ сидѣло при мнѣ человѣхъ двадцать, опустясь въ воду по горло; блѣдныя и желтыя лицъ ихъ показывали, что они не для забавы пользуются водами. Въ трактирахъ, которыхъ тутъ очень много, сдѣланы разныя бани, гдѣ моются больные и здоровые, платя за то бездѣлку. Вода сносно горяча, и пахнетъ сѣрою. Она прове-

дена съ другой стороны Лимматы (которая течетъ здѣсь между горъ съ ужасною быстротой) и труба идетъ подъ рѣкою. — Мнѣ сказывали, что иногда бываетъ у водъ до осьми сотъ пріѣзжихъ.

Женщины носятъ здѣсь на головахъ предлинные рога, отъ чего всѣ онѣ кажутся похожими на Сатировъ.—Въ Швейцарскихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ я былъ), почти на всякомъ домѣ видите вы надписи, иногда отмѣнно глупыя и смѣшныя. На прим. надъ домомъ одного Баденскаго горшечника написано: Dies Haus der liebe Gott behüt; hier ist Hafner Geschir aufs Feuer, und glüht *(сей домъ Господь да сохранитъ! здѣсь глиняная посуда на огнѣ горитъ)* — а надъ другимъ: Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum geduldigen Schaat genannt *(сохрани насъ Господь отъ пожара ночною порою: ибо сей домъ называется терпѣливою овцою)*. Но что скажете вы о слѣдующихъ двухъ надписяхъ, замѣченныхъ однимъ Нѣмецкимъ путешественникомъ въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ? Первая: ihr Menschen thut Buss, denn dies Haus heist zum Rindsfuss *(о человѣки! покайтеся душою, ибо сей домъ называется бычачьею ногою)*—а вторая: Auf Gott diene Hoffnung bau, denn dies Haus heist zur schwarzen Sau *(на Бога уповай ты мыслію своею, ибо сей домъ называется черною свиньею)*. Друзья мои! въ вольной землѣ всякой воленъ дурачиться, и писать, что ему угодно. Всякой желаетъ оставлять по себѣ памятники—и сочинители сихъ надписей, конечно ничего болѣе въ жизнь свою не сочинявшіе, хотѣли въ риѳмахъ своихъ наслаждаться безсмертіемъ. Внукъ чтитъ произведе-

Бернъ, 28 Августа.

Нынѣ рано поутру пріѣхалъ я въ Бернъ, и съ трудомъ могъ найти для себя комнату въ трактирѣ *Вѣнца:* такъ много здѣсь пріѣзжихъ! Одѣвшись, пошелъ я къ молодому Доктору Ренггеру, который, по Лафатеровой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково; и какъ мнѣ прежде всего хотѣлось побродить по городу, то онъ вызвался быть моимъ путеводителемъ.

Бернъ есть хотя старинный, однакожъ красивый городъ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведены глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города, и сверхъ того весьма полезная въ случаѣ пожара. Домы почти всѣ одинакіе: изъ бѣлаго камня, въ три этажа, и представляютъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жителей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая хижина преклоняется къ землѣ подъ тѣнію колоссальныхъ палатъ. Всего болѣе полюбились мнѣ въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобные для пѣшеходцевъ, которые въ сихъ покрытыхъ галлереяхъ никакого ненастья не боятся.

Мы были въ здѣшнемъ Сиротскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не много сиротъ, а болѣе пансіонеровъ, которые за небольшую сумму денегъ учатся и хорошо содержатся въ семъ домѣ. Оттуда пошли мы въ публичную библіотеку. На прекрасномъ маленькомъ лужкѣ, между домовъ, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, которому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ

ѣсть могъ. Докторъ Ренгтеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернѣ всегда держатъ живого медвѣдя, который есть гербъ сего Кантона; что имя *Бернъ* произошло отъ Нѣмецкаго слова *Беръ* (то есть *медвѣдь*); что Герцогъ Церингенской, начавъ строить этотъ городъ, поѣхалъ на ловлю, и положилъ назвать его именемъ перваго затравленнаго звѣря; что онъ затравилъ медвѣдя, и потому назвалъ городъ *Беромъ*, имя, которое послѣ превратилось въ *Бернъ*.— Въ библіотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ картинъ; но всего болѣе занималъ меня *рельефъ*, представляющій часть Альпійскихъ горъ, и точно тѣхъ, на которыхъ я дни черезъ три быть надѣюсь. Тутъ видны сіи горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера, деревни, хижины и даже маленькія дорожки. Но *рельефъ* Генерала Пфиффера, Луцернскаго гражданина, долженъ быть еще гораздо превосходнѣе. Сей человѣкъ съ удивительною неутомимостью странствовалъ по горамъ; срисовывалъ ихъ—снималъ мѣры — и все сіе представилъ потомъ въ маломъ видѣ съ величайшею точностью. Два раза былъ онъ захваченъ горными жителями какъ шпіонъ, и наконецъ для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скрываясь отъ людей и водя съ собою двухъ козъ, которыхъ молоко составляло всю его пищу.

Изъ библіотеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище подлѣ каѳедральной церкви, гдѣ, подъ тѣнію древнихъ каштановыхъ деревъ, въ самый жаркой полдень можно наслаждаться прохладою, и откуда видна цѣпь высочайшихъ снѣжныхъ горъ, которыя, будучи

освѣщаемы солнцемъ, представляются въ видѣ тонкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сія терраса, складенная человѣческими руками, вышиною будетъ въ шесть или въ семь сотъ футовъ. Внизу течетъ Ара, и съ великимъ шумомъ низвергается съ высокой плотины. Въ стѣнѣ, которою обведено это гульбище, нашелъ я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ честь всемогущества и чудеснаго Божія провидѣнія, и въ память потомству, положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда Г. Теобольдъ Веинцепфли, Студентъ, 25 мая 1654 года упалъ съ лошади, и потомъ, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви въ Керцерсѣ, въ глубокой старости блаженно скончался 25 Ноября 1694 года.* Хотя иному чудно покажется, что человѣкъ, упавъ съ такой вышины, могъ живъ остаться; однакожь это происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жителей, не подвержено никакому сомнѣнію. Сказываютъ, что на Студентѣ былъ тогда широкой плащъ, который, захвативъ подъ себя много воздуху, удерживалъ его въ паденіи, и не далъ ему сильно удариться объ землю.

Послѣ обѣда былъ я у Проповѣдника Штапфера, самаго добродушнаго Швейцара, и ввечеру ходилъ съ нимъ прогуливаться за городъ. Сидя въ бесѣдкѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣли мы на горы, которыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ:

Und ein Gott ist's der Berge Spitzen röthet mit Blitzen!

(Богъ краситъ молніями вѣнцы горъ). Между тѣмъ Штапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минутъ отвратить глаза свои отъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда

же я опять взглянулъ на горы, увидѣлъ—вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней—ужасную блѣдность. Солнце закатилось. Я былъ пораженъ сею скорою перемѣною, и готовъ былъ воскликнуть: *Такъ проходитъ слава міра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ свѣтильникъ жизни!* Мнѣ стало грустно—и мы тихими шагами возвратились въ городъ.

—

Нынѣ по утру былъ я у Проповѣдника Виттенбаха, ученаго Натуралиста, который перевелъ на Нѣмецкой языкъ *Соссюрово путешествіе по Швейцаріи*, выдалъ *краткое наставленіе для путешествующихъ по Альпійскимъ горамъ*, и сочиняетъ теперь *описаніе естественныхъ произведеній Швейцаріи*. Хотя онъ не одного вкуса со мною, и никогда, по словамъ его, не читаетъ книгъ, наполненныхъ мечтами воображенія; и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ: однакожь мы нашли матерію для разговора, и для него и для меня занимательную — а именно, мы говорили о Галлерѣ, который былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смотря на свою болѣзнь и слабость, съ великимъ любопытствомъ читалъ описаніе нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опытовъ, и отчасти повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, которыя любилъ онъ страстно!—Виттенбахъ, путешествуя всякой годъ по самымъ отдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихѣ! «Я успѣю быть въ городахъ и тогда (говоритъ онъ),

когда отъ старости не въ состояніи буду ходить по Альпамъ».

На террасѣ встрѣтился я нынѣ съ Графомъ д'Артуа, который тамъ прогуливался со многими знатными Французами. Онъ не дуренъ собою, и хочетъ показываться веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно стѣсненное сердце. Такія-то перемѣны бываютъ въ жизни человѣческой! — Проживъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдетъ онъ теперь въ Италію, куда отправятся за нимъ и другіе эмигранты. *Щастливый путь!* говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были симъ незваннымъ гостямъ.

Въ трактирѣ *Вѣнца*, гдѣ я живу, не садится за столъ менѣе тридцати человѣкъ, Французовъ и Англичанъ, между которыми бываютъ жаркіе споры о теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи. Сегодни за ужиномъ бѣдный Италіянской музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ, и хотѣли, чтобы онъ разсказалъ намъ свою исторію. *Слушайте*, сказалъ онъ, и запѣлъ:

Я въ бѣдности на свѣтъ родился,
И въ бѣдности воспитанъ былъ;
Отца въ младенчествѣ лишился,
И въ свѣтѣ сиротою жилъ.
Но богъ, искусный въ пѣснопѣньи,
Меня сиротку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣньи,
И арфу съ ласкою вручилъ;
Открылъ за тайну, какъ струною
Съ сердцами можно говорить,
И томной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить.

Я арфу взялъ—ударилъ въ струны;
Смотрю—и въ сердцѣ горя нѣтъ!..
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ!

«Вотъ вамъ моя исторія, государи мои! сказалъ онъ по-Французски *): я странствую по свѣту, и вездѣ нахожу людей, умѣющихъ цѣнить таланты». *Браво! Браво!* закричали Англичане, и бросили ему еще нѣсколько талеровъ.—

Завтра думаю отправиться къ Альпійскимъ горамъ. Чемоданъ свой оставлю здѣсь, а съ собою возьму только теплой сертукъ, половину бѣлья своего, записную книжку и карандашъ.

Тунъ, въ десять часовъ вечера.

Въ два часа пополудни выѣхалъ я изъ Берна, и въ шесть часовъ пріѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большаго озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣтилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подъ бородою превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ трактирѣ *Фрейгофъ;* заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на заднюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтра разбудятъ меня въ четыре часа. Въ это время отходитъ отсюда почтовая лодка, на которой переѣду черезъ озеро.

---

*) Пѣсню пѣлъ онъ на Италіянскомъ языкѣ.

доплылъ до берега, и принесъ вѣсть о погибели несчастныхъ. Такимъ образомъ пресѣкся древній родъ Бубенберговъ, и замокъ ихъ достался въ наслѣдство Дому Эрлаховъ, который по сіе время считается знатнѣйшимъ въ Бернскомъ Кантонѣ.—Съ печальными мыслями разсматривалъ я сей замокъ, вѣтеръ вѣялъ отъ опустѣвшихъ стѣнъ его.

—

Унтерзеенъ, въ 10 часовъ. Приставъ къ берегу версты за двѣ отсюда, шелъ я до Унтерзеена пріятною долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; крестьянскія избы построены отмѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ лицахъ своихъ что-то особливое. — Я нанялъ теперь проводника, которому извѣстенъ путь по Альпійскимъ горамъ— и черезъ часъ пойду въ деревню Лаутербрунненъ, до которой считается отсюда около десяти верстъ.

Лаутербрунненъ. Дорога отъ Унтерзеена до Лаутербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Литшины, которая течетъ съ ужасною быстротою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Уншпуннена, за которымъ долина становится часъ отъ часу уже, и наконецъ раздѣляется на двое: на лѣво идетъ дорога въ Гринденвальдъ, а на право въ Лаутербрунненъ. Скоро открылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ *маленькихъ* домиковъ.

0,0990

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемый *Штауббахъ*, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семъ отдаленіи кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приближился я къ этому феномену, и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо летитъ внизъ, почти не дотрогиваясь до утеса горы, и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ, падаетъ на землю въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ, разносятся влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое платье. — Потомъ ходилъ я къ другому водопаду, называемому *Триммербахъ*, до котораго будетъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внутренности ея съ шумомъ падаетъ и стремится въ долину, гдѣ мало по малу утишая свою ярость, образуетъ чистую рѣчку. Видъ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *Триммербаха* составляютъ *дикую* красоту, плѣняющую любителей Натуры. Около часа пробылъ я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ—и наконецъ, въ великой усталости, возвратился въ Лаутербрунненъ, гдѣ теперь отдыхаю въ трактирѣ.

—

Въ восемъ часовъ вечера. Свѣтлый мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю, какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ гранитныя скалы, возвышаетъ густую зелень соснъ, и блистаетъ на вершинѣ *Юнгферы*, одной изъ высочайшихъ Ал

вышло нѣчто порядочное. Судите сами — вотъ сей отрывокъ:

«*Темпераментъ* есть основаніе нравственнаго «существа нашего, а *характеръ* случайная форма «его. Мы родимся съ темпераментомъ, но безъ «характера, который образуется мало по малу «отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Характеръ зависитъ конечно отъ темперамента, но только отчасти, завися впрочемъ отъ рода дѣйствующихъ на насъ предметовъ. Особливая способность принимать впечатлѣнія есть темпераментъ; форма, которую даютъ сіи впечатлѣнія «нравственному существу, есть характеръ. Одинъ «предметъ производитъ разныя дѣйствія въ людяхъ—отъ чего? отъ разности темпераментовъ «или отъ разнаго свойства *нравственной массы*, которая есть младенецъ.»

Вы мнѣ повѣрите, что я не прибавилъ и не убавилъ, а написалъ слова точно такъ, какъ сновидѣнье впечатлѣло ихъ въ моей памяти. Кто изъяснитъ связь идей, во снѣ намъ представляющихся? и какимъ образомъ онѣ возбуждаются? Я совсѣмъ не думалъ наяву о темпераментахъ и характерахъ: отъ чего же мечталъ объ нихъ?

Я завтракалъ нынѣ у Г. Левада съ двумя Французскими Маркизами, пріѣхавшими изъ Парижа. Они сообщили мнѣ весьма худое понятіе о Парижскихъ дамахъ, сказавъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, видя нагой трупъ нещастнаго дю-Фулона, терзаемый на улицѣ бѣшенымъ народомъ, восклицали: *какъ же онъ былъ нѣженъ и бѣлъ!* И Маркизы разсказывали объ этомъ съ такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ!! У меня *сердце поворотилось*.

—

Лозанскія общества отличаются отъ Бернскихъ вопервыхъ тѣмъ, что въ нихъ всегда играютъ въ карты, а во вторыхъ и большею свободою въ обращеніи. Мнѣ кажется, что здѣшніе жители переняли не только языкъ, но и самые нравы у Французовъ, по крайней мѣрѣ отчасти, то есть, удержавъ въ себѣ нѣкоторую жестокость и холодность, свойственную Швейцарамъ. Сіе смѣшеніе для меня противно. Цѣлость, оригинальность! вы во всемъ драгоцѣнны; вы занимаете, питаете мою душу—всякое подражаніе мнѣ непріятно.

Я слышалъ нынѣ проповѣдь въ каѳедральной церкви. Проповѣдникъ былъ распудренъ и разряженъ; въ тѣлодвиженіяхъ и въ голосѣ актерствовалъ до крайности. Все поученіе состояло въ высокопарномъ пустословіи, а комплиментъ начальникамъ и всему красному городу Лозанѣ былъ заключеніемъ. Я посматривалъ то на проповѣдника, то на слушателей, вообразилъ себѣ нашего П., Знам. Священника, Лафатера—пожалъ плечами, и вышелъ вонъ. Кстати или не кстати скажу вамъ, что изъ всѣхъ церковныхъ Риторовъ, которыхъ мнѣ удалось читать или слышать, нравится мнѣ болѣе—Йорикъ.

На здѣшнемъ загородномъ гульбищѣ, называемомъ Mont-Benon, нашелъ я нынѣ ввечеру множество людей. Какое смѣшеніе націй! Швейцары, Французы, Англичане, Нѣмцы, Италіянцы, толпились вмѣстѣ. Я сѣлъ на уединенной лавкѣ, и дождался захожденія солнца, которое, спускаясь къ озеру, освѣщало на сторонѣ Савоіи дичь, пустоту, бѣдность, а на берегу Лозанскомъ плодоносные сады, изобиліе и бо-

бываетъ онъ время, и мыслію своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.—

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемый Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ которыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу остаться у нихъ вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ.—Теперь лежу на хижинѣ, на которую стоило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашемъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара!—Черезъ полчаса пойду далѣе.

—

было прочесть сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра, или, по крайней мѣрѣ, древность сихъ горъ.

Гриндельвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши отъ хижинъ около часа по отлогому скату—мимо стадъ, пасущихся на цвѣтной благовонной зелени — начали мы спускаться съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина, гдѣ лежитъ эта деревенька, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ разсѣянныхъ домиковъ, представляется глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній *гletшеръ* или *ледникъ;* а нижній открылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ горою, съ которой мы спускались. Сіи ледники суть магнитъ, влекущій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, который былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хотя и не видалъ я ничего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ тутъ однимъ Французскимъ Писателемъ, но которыя въ самомъ дѣлѣ представляютъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первый уподобилъ сіи ледники бурному морю, котораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились въ ледъ; но могу сказать, что это сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей путешественникъ или Писатель имѣлъ піитическое воображеніе. — Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ вытекаетъ изъ-подъ свода его мутная рѣка Литшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился я взойти выше. Къ нещастію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко всходу мѣста; но какъ мнѣ не

пьютъ кофе, чай и ѣдятъ бисквиты; садятся играть въ карты, по большей части въ Вистъ, и проигрываютъ или выигрываютъ рубли два, три; въ десятомъ часу всѣ расходятся, кромѣ трехъ или четырехъ короткихъ хозяину пріятелей, которые остаются у него ужинать. На сихъ *вечеринкахъ* сбирается человѣкъ по шестидесяти; тутъ видите вы знатныхъ Французовъ, оставившихъ свое отечество—Нѣмецкихъ Принцовъ, Англичанъ, и всего менѣе Женевцовъ. Обѣдать или ужинать зовутъ рѣдко. Г. Кела, одинъ изъ Начальниковъ или Синдиковъ здѣшней республики, пригласилъ меня однажды къ обѣду въ загородный домъ свой. Столъ былъ очень хорошъ. Тутъ познакомился я съ Гишпанцомъ, который десять лѣтъ жилъ въ Петербургѣ, отправляя должность Совѣтника при Гишпанскомъ Посольствѣ, и который, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить свое отечество; зиму проводитъ онъ въ Ліонѣ, а лѣто въ Швейцаріи.— Баронъ де Лю, Лафатеровъ пріятель, познакомилъ меня съ Готскими молодыми Принцами, которые учатся здѣсь *свѣтской наукѣ*, или *пріятному обхожденію*. Я у нихъ обѣдалъ; меньшой гораздо живѣе и остроумнѣе большаго, Наслѣдника высокаго Готскаго трона. Вы наслышались о Баронѣ Г*: я улыбнулся, вспомнивъ, что имѣю честь сидѣть подлѣ его будущаго повелителя, который можетъ безъ всякаго суда — отъ чего Боже сохрани!— снять съ него шляпу... и голову.— Вчера позвалъ меня ужинать Г. Конклеръ. Я пришелъ въ девять часовъ, но хозяинъ совсѣмъ еще не готовъ былъ принимать гостей, и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Черезъ полчаса вошла хозяй-

ка, и начали сбираться гости. Между прочими былъ тутъ одинъ глухой Баронъ, надъ которымъ Женевскія Дамы весьма забавлялись. Онѣ загадывали ему загадки: Баронъ брался всѣ отгадывать, но къ нещастію не отгадалъ ни одной. На примѣръ; *для чего Генрихъ IV, врагъ всякой пышности, имѣлъ золотыя шпоры?* Баронъ пять разъ улыбался; пять разъ отвѣчалъ, но все не въ попадъ. Наконецъ вывели его изъ недоумѣнія, сказавъ: pour piquer son cheval (чтобы шпорить свою лошадь). *О! я это думалъ!* закричалъ Баронъ: c'est tout clair! *ничто не можетъ быть яснѣе!*—Еще: *что находится* au milieu de Paris (въ серединѣ Парижа)? Баронъ, который недавно пріѣхалъ изъ Парижа, отвѣчалъ: *городъ — люди — камни — грязь.* Надъ каждымъ отвѣтомъ смѣялись, и наконецъ объявили, что au milieu de Paris находится г. *Я только лишь хотѣлъ это сказать!* закричалъ Баронъ и всѣ захохотали. Хозяйка, которая почитается одною изъ разумнѣйшихъ женщинъ Женевской Республики, разспрашивала меня о Московскихъ дамахъ. Вопросъ: *хороши ли онѣ?* Отвѣтъ: *прекрасны.* Вопросъ: *умны ли онѣ?* Отвѣтъ: *безпримѣрно.* Вопросъ: *сочиняютъ ли онѣ стихи?* Отвѣтъ: *безподобные.* Вопросъ: *какого роду?* Отвѣтъ: *молитвы.*—Vous badinez, Monsieur! *Вы шутите!*—«Извините, сударыня; я говорю точную правду».—*Да развѣ онѣ очень много грѣшатъ?*—«Нѣтъ, сударыня, онѣ молятся о томъ, чтобы не грѣшить.» — *А! это другое дѣло!* — Госпожа Конклеръ подала мнѣ руку, и мы пошли ужинать.—

—

Въ полночь. Нынѣ ввечеру чувствовалъ я въ душѣ своей великую тягость и скуку: каждая мысль, которая приходила ко мнѣ въ голову, давила мозгъ мой; мнѣ не ловко было ни стоять, ни ходить. Я пошелъ въ Бастіонъ, здѣшнее гульбище—легъ на углу вала, и далъ глазамъ своимъ волю перебѣгать отъ предмета къ предмету. Мало по малу голова моя облегчалась вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ. Вечеръ былъ самый теплый и пріятный. На обѣихъ сторонахъ представились мнѣ горы, окруженныя облаками, которыя носились выше и ниже ихъ вершинъ: видъ величественный и грозный! Прямо передо мною простиралась большая равнина, усѣянная рощицами, деревеньками и уединенными домиками. Все было тихо. Отъ времени до времени—по большой дорогѣ, идущей вдоль равнины—мчались въ коляскахъ молодые Англичане, которые, боясь слѣдствія скоплявшихся облаковъ, погоняли кургузыхъ коней своихъ, чтобы скорѣе возвратиться въ городъ. Вѣтерокъ какъ птичка прилетѣлъ отъ Юры и шепталъ мнѣ на ухо—не знаю, что. Тутъ вдругъ ударили въ барабанъ. Боясь, чтобы меня не заперли въ Бастіонѣ, я вскочилъ и вышелъ оттуда; но не желая разстаться съ вечеромъ, пошелъ на *Трель*, другое гульбище подлѣ Ратуши, и сѣлъ на лавкѣ подъ орѣховыми деревьями, гдѣ представились мнѣ тѣ же виды, которыми веселился я въ Бастіонѣ. Темнота сгущалась; вѣтеръ усиливался, и шумѣлъ ужасно между деревами, облака неслись быстро, натекли на городъ, и пошелъ дождь. Обративъ глаза на долину, вдругъ увидѣлъ я множество огней, которые въ *темнотѣ* представляли романическое зрѣлище.

Мнѣ казалось, что я вижу тамъ замки благодѣтельныхъ Фей — и всѣ сказки, которыя воспаляли младенческое мое воображеніе, и дѣлали меня въ ребячествѣ маленькимъ Донъ-Кишотомъ, оживились въ моей памяти. Между прочими тогдашними подвигами моими вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачный и бурный, въ который, ощутивъ вдохновеніе божественныхъ Фей, украдся я отъ своего, впрочемъ весьма бдительнаго дядьки, забрался въ ту горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрытыя почтенною ржавчиною—схватилъ саблю, которая пришлась мнѣ по рукѣ, и заткнувъ ее за кушакъ тулупа своего, отправился на гумно *) искать приключеній и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувствуя въ себѣ на каждомъ шагу умноженіе страха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху, и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ. Лѣта младенчества! кто помышляетъ объ васъ безъ удовольствія? И чѣмъ старѣе мы становимся, тѣмъ пріятнѣе вы намъ кажетесь.

Кто, будучи въ Женевской Республикѣ, не почтетъ за пріятную должность быть въ Фернеѣ, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ Писателей нашего вѣка?

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ Нѣмцомъ. Бывшій Вольтеровъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Ферней, откуда

*) Я жилъ тогда въ деревнѣ.

идетъ къ нему прекрасная алея. Передъ домомъ, на лѣвой сторонѣ, увидѣли мы маленькую церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу.*

«Вольтеръ былъ одинъ изъ ревностныхъ по-«читателей Божества (говоритъ Лагарпъ въ «похвальномъ Словѣ Фернейскому мудрецу). Si «Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer *(естьли бы «не существовалъ Богъ, то надлежало бы Его вы-«думать)*—сей прекрасный стихъ написанъ имъ «въ старости, и показываетъ его Философію.»—

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ-было вести насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, которому извѣстная наслѣдница Вольтерова продала сей замокъ, не велѣлъ никого пускать туда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минуту отворилась намъ дверь во святилище, въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ Вольтеръ, и гдѣ все осталось такъ, какъ при немъ было. Комнатные приборы хороши и довольно богаты. Въ той горницѣ, гдѣ стоитъ Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое Госпожа Денисъ увезла съ собой въ Парижъ. Остался одинъ черный монументъ, съ надписью: son ésprit est partout et son coeur est ici *(духъ его вездѣ, сердце его здѣсь)*, а выше: mes manes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous *(тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васъ).* На стѣнахъ висятъ портреты: первый нашей Императрицы (шитый на шелковой матеріи, съ надписью: presenté à Mr. Voltaire par l'Auteur, — и на сей портретъ смотрѣлъ я съ бо́льшимъ примѣчаніемъ и съ бо́льшимъ удовольствіемъ, нежели на другіе);—второй покойнаго Прусскаго Короля; третій Ликея, славнаго Парижскаго Актера; четвертый

самаго Вольтера, и (пятый) Маркизы де Шатле, которая была ему другомъ, и болѣе нежели другомъ. Между гравированными изображеніями замѣтилъ я портретъ Невтона, Буало, Мармонтеля, д'Аламберта, Франклина, Гельвеція, Климента XIV, Дидрота и Делиля. Прочіе эстампы и картины не важны. — Спальня Вольтерова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ научалъ, трогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ Авторовъ осьмагонадесять вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ Вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣріе, которому еще въ началѣ осьмагонадесять вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ *).—Вольтеръ писалъ для читателей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ; всѣ понимали его, и всѣ плѣнялись имъ. Никто не умѣлъ столь искусно показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ, и никакая Философія не могла устоять противъ Вольтеровой ироніи. Публика всегда была на его сторонѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться!— Вообще въ сочиненіяхъ Вольтеровыхъ не найдемъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя Геній Натуры, такъ сказать, непосредственно вды-

*) Но я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суевѣрія не отличалъ истинной Христіанской Религіи, которая, по словамъ одного изъ его соотечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ.

хаетъ въ избранныхъ смертныхъ; но сіи идеи и понятны бываютъ только немногимъ людямъ, и потому самому кругъ дѣйствія ихъ весьма ограниченъ. Всякой любуется пареніемъ весенняго жаворонка; но чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красотъ *Заиры?* но многіе ли удивляются *Отеллу?* *).

Положеніе Фернейскаго замка такъ прекрасно, что я позавидовалъ Вольтеру. Онъ могъ изъ оконъ своихъ видѣть *Бѣлую* Савойскую *гору*, высочайшую въ Европѣ, и прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ съ зелеными равнинами, садами и другими пріятными предметами. Фернейской садъ разведенъ имъ самимъ, и показываетъ его вкусъ. Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея: при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ.—Большой, чистый прудъ служитъ зеркаломъ для высокихъ деревъ, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольтерово твердятъ всѣ жители Фернея. Тамъ, сѣвъ подъ вѣтьвями каштановаго дерева, прочиталъ я съ чувствомъ сіе мѣсто въ Лагарповомъ похвальномъ Словѣ:

«Подданные, лишенные отца и господина свое«го, и дѣти ихъ, наслѣдники его благодѣяній, «скажутъ страннику, который уклонился отъ «пути своего, чтобы видѣть Ферней: *Вотъ домы, «имъ построенные — убѣжище, которое далъ онъ «полезнымъ искусствамъ* **) — *поля, которыя обога«тилъ онъ плодами. Сіе многолюдное и цвѣтущее*

*) Тогда я такъ думалъ!

**) Извѣстно, что Вольтеръ принялъ къ себѣ въ Ферней многихъ художниковъ, которые принуждены были оставить *Женеву*.

«селеніе родилось подъ его смотрѣніемъ, родилось «среди пустыни. Вотъ рощи, дороги и тропинки, «гдѣ мы столь часто его видали. Здѣсь горестное «Каласово семейство окружило своего покровите«ля; здѣсь сіи нещастные обнимали колѣна его. «Сіе дерево посвящено благодарностію, и сѣкира «никогда не отдѣлитъ его отъ корня. Онъ сидѣлъ «подъ его тѣнію, когда разоренные поселяне при«шли требовать его помощи; тутъ проливалъ «онъ слезы сожалѣнія, и скорбь бѣдныхъ превра«тилъ въ радость. Въ семъ мѣстѣ видѣли его въ «послѣдній разъ — — и внимающій странникъ, «который при чтеніи Заиры не могъ удержать «слезъ своихъ, прольетъ, можетъ быть, еще «пріятнѣйшія въ память благотворителя».

Мы обѣдали въ Фернейскомъ трактирѣ съ двумя молодыми Англичанами, и пили очень хорошее Французское вино, желая блаженства душѣ Вольтеровой.

Отъ Женевы до Фернея не болѣе шести верстъ, и я въ семь часовъ былъ уже дома.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ гражданъ ввели меня въ свои такъ называемые *Серкли*, которыхъ здѣсь очень много, и въ которыхъ Женевцы послѣ обѣда пьютъ кофе и курятъ табакъ. Тутъ не бываетъ женщинъ; говорятъ же болѣе всего о Парижскихъ новостяхъ. Здѣшніе богачи повѣрили Франціи милліоны, и до сего времени получали съ нихъ большіе проценты; но теперь боятся, чтобы Французы не сказались банкрутами: отъ чего могутъ разориться въ Женевѣ первые домы. Но тебя, бѣдный Сѣверъ, тебя не удостоиваетъ Женевецъ своего вниманія! Тотъ, кто знаетъ всѣ подробности Парижскихъ происшествій, едва ли знаетъ, что у Россіи со Шве-

ціею война. Визирь два раза разбитъ, Бѣлградъ взятъ—никто объ этомъ не говоритъ, никто не радуется. Любезная Германія! въ нѣдрахъ твоихъ звучатъ рюмки и стаканы, когда Слава протрубитъ щастливый подвигъ сыновъ твоихъ; Реинвейнъ и вино Токайское пѣнятся въ кубкахъ; раздаются торжественныя пѣсни вдохновенныхъ Бардовъ. Германія! для чего я оставилъ тебя такъ скоро?

На сихъ дняхъ обѣдалъ я за городомъ въ сельскомъ домикѣ, вмѣстѣ со многими Женевцами и чужестранными. Обѣдъ былъ самый веселый; всѣ мы сидѣли въ шляпахъ и пѣли пѣсни. Послѣ стола одни катались въ лодкѣ по озеру, другіе играли *въ шары*, или, сидя на крыльцѣ, спокойно курили свои трубки.—Пробывъ тамъ до вечера, пошелъ я назадъ въ городъ — и могъ ли думать, чтобы на семъ пути ожидала меня опасность? Вы конечно не угадаете, какая? Я шелъ задумавшись; наступилъ на змѣю, и видѣлъ ее только тогда, какъ она начинала уже обвиваться вокругъ ноги моей и подымала вверхъ голову, чтобы сквозь чулокъ ужалить меня... Но не бойтесь! я сбросилъ ее съ ноги, прежде нежели она могла влить въ нее ядъ свой. *Злобная тварь!* думалъ я, смотря, какъ она ползла отъ меня по желтому песку: *злобная тварь! жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ; но естьли Натура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то я не хочу прекращать бѣднаго бытія твоего—пресмыкайся!*

Не помню, писалъ ли я къ вамъ, чтобы вы адресовали письма свои à la grande rue № 17. На сей разъ простите!

—

Женева, Ноября 1, 1789.

Послѣ письма, пересланнаго черезъ Лафатера, не получалъ я отъ васъ ни одной строки. Не совѣстно ли вамъ такъ долго молчать? Вы знаете, что я только посредствомъ васъ сообщаюсь съ любезнымъ моимъ отечествомъ.

Здѣшняя жизнь моя довольно единообразна. Прогуливаюсь и читаю Французскихъ Авторовъ, и старыхъ и новыхъ, чтобы имѣть полное понятіе о Французской Литтературѣ; бываю на Женевскихъ вечеринкахъ и въ Оперѣ. Строгій, любезный Руссо! соотечественники твои не послушались тебя, построили Театръ и любятъ его страстно*). Здѣсь играютъ двѣ Дижонскія Трупы: одна лѣтомъ и осенью, а другая зимою и весною; первая оперы, а вторая комедіи и трагедіи. Двѣ или три актрисы, два или три актера, играютъ и поютъ очень изрядно. Недавно представляли Атиса, большую оперу, которой музыку сочинялъ славный Пичини. Въ композиціи есть нѣчто великое, возвышающее душу. Арія: Vivre ou mourir, которую поютъ нещастные любовники, гонимые судьбою и ревностію жестокой Цибеллы, прекрасна, несравненна. Изъ маленькихъ Французскихъ *оперетокъ* полюбилась мнѣ болѣе всѣхъ les petits Savoyards (маленькіе Савояры); есть трогательныя мѣста, и почти всѣ голоса очень хороши.

Въ Пансіонѣ вмѣстѣ со мною обѣдаетъ человѣкъ двѣнадцать. Датскій Баронъ, Французскій Маркизъ, недавно пріѣхавшій изъ Парижа, и

*) Руссо съ великимъ жаромъ утверждалъ, что Театръ вреденъ для нравовъ.

Капитанъ Женевскаго полку, играютъ за столомъ первыя роли. Баронъ путешествовалъ въ Германіи, Франціи и Англіи, говоритъ хорошо по Нѣмецки, и увѣряетъ всѣхъ Французовъ, что онъ лучше ихъ знаетъ Французскій языкъ, хотя не всѣ ему въ томъ вѣрятъ. По крайней мѣрѣ онъ бранится по Французски не хуже площадныхъ Парижскихъ рыцарей. Г. Баронъ не терпитъ никакихъ противорѣчій, и готовъ драться всякую минуту; съ презрѣніемъ говоритъ о Женевцахъ, и весьма строго судитъ бѣдныхъ здѣшнихъ актеровъ.—Маркизъ сказываетъ, что онъ пріѣхалъ въ Женеву отдыхать, и никакъ не хочетъ заводить знакомствъ, находя въ уединеніи несказанное удовольствіе; хвалитъ Ж. Жака, и *увѣряетъ*, что онъ писалъ электрическимъ перомъ; а Корнель, по его мнѣнію, есть величайшій изъ мужей, когда-либо произведенныхъ Натурою. Вольтеръ, говоритъ онъ, былъ человѣкъ умный, но разсуждалъ очень худо. Однакожь Г. Маркизъ собирается ѣхать въ Ферней, думая, что въ Вольтеровскомъ кабинетѣ крылатое вдохновеніе спустится на его голову.—Женевскій Капитанъ, служившій нѣсколько лѣтъ Королю Прусскому, говоритъ весьма охотно, и по временамъ осмѣливается противорѣчить Барону; но всегда принужденъ бываетъ *ретироваться*, когда загремятъ громы изъ устъ Баронскихъ. Всѣ піесы, играемыя на здѣшнемъ театрѣ, хвалитъ онъ одинакимъ образомъ. *Эдипъ*, по его словамъ, est rempli de sentiment (исполненъ чувства) и опера *Кузнецъ* est rempli de sentiment (исполненъ чувства). Простосердечіе и невѣжество его часто заставляютъ насъ смѣяться.—Между прочими есть еще одинъ примѣчанія до-

стойный человѣкъ, родомъ Женевецъ, который объѣздилъ всѣ четыре части свѣта, присвоилъ себѣ право лгать немилосердо, и хотѣлъ увѣрить меня, что многіе изъ жителей Патагоніи бываютъ ростомъ въ четыре аршина.

Докторъ Беккеръ пріѣхалъ въ Женеву. Мы встрѣтились на улицѣ и бросились обнимать другъ друга, какъ старинные друзья обнимаются послѣ долгой разлуки. Съ того времени мы всякой день видимся, иногда вмѣстѣ гуляемъ и пьемъ чай передъ каминомъ; онъ нанялъ себѣ комнату въ той же улицѣ, гдѣ я живу. Единоземцы его, Графъ Молтке и Поэтъ Багзенъ, остались въ Бернѣ. Послѣдній скоро женится, и самымъ романическимъ образомъ. Я писалъ къ вамъ, что Беккеръ поѣхалъ съ ними въ Луцернъ. Оттуда пробрались они черезъ горы въ Унтерзеенъ, и пришедши въ великомъ изнеможеніи на берегъ озера, сѣли въ лодку, чтобы плыть въ городъ Тунъ. Въ самую ту минуту, какъ лодошникъ хотѣлъ уже отвалить отъ берега, явилась молодая дѣвушка съ пожилымъ мущиною, — дѣвушка лѣтъ въ двадцать, пріятная, миловидная, въ зеленой шляпкѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ тростью въ рукахъ, — приближалась къ лодкѣ, порхнула въ нее какъ птичка, и съ улыбкою сказала нашимъ путешественникамъ (которые, какъ *рыцари печальнаго образа*, сидѣли повѣся головы): Bonjour, Messieurs! Они изумились отъ сего нечаяннаго явленія, пристально посмотрѣли на дѣвушку, взглянули другъ на друга, и насилу вспомнили, что имъ надлежало отвѣчать на привѣтствіе миловидной незнакомки. Докторъ Беккеръ увѣряетъ меня— а онъ человѣкъ правдивой—Беккеръ увѣряетъ,

что они отвѣчали ей весьма хорошо, хотя Графъ на второмъ словѣ заикнулся, а Багзенъ и онъ Докторъ ничего не сказали. Уже волны Тунскаго озера помчали лодку на влажныхъ хребтахъ своихъ—или, просто сказать, они плыли и начинали мало по малу разговаривать. Дѣвушка сказала Датчанамъ, что она съ дядею своимъ посѣщала въ Унтерзеенѣ больную, добрую свою кормилицу, и возвращается въ Бернъ. Какъ же вы оставили ее? спросили чувствительные путешественники съ видомъ заботливости. «Славу Богу! ей стало гораздо легче»— отвѣчала незнакомка. Потомъ она захотѣла знать отечество и фамилію своихъ сопутниковъ; узнавъ же, что Графъ есть внукъ бывшаго Датскаго Министра, начала говорить о семъ почтенномъ мужѣ, объ исторіи его времени, и показала, что ей извѣстны Европейскія происшествія. Въ Тунѣ пристали къ берегу. Графъ подалъ ей руку, и вмѣстѣ съ товарищами своими проводилъ ее до трактира, гдѣ и для нихъ нашлась комната. Тутъ свѣдали они отъ трактирщика, что прелестная сопутница ихъ есть дѣвица Галлеръ, внука великаго Философа и Поэта сего имени. Багзенъ вспрыгнулъ отъ радости, и побѣжалъ къ ней снова представляться, и увѣрять ее въ своемъ неограниченномъ почтеніи къ твореніямъ покойнаго ея дѣдушки. «Ахъ, естьли бы вы знали его лично!» сказала она съ чувствомъ: «въ самой старости плѣнялъ онъ любезностію своею и большихъ и малыхъ. Я не могу удержаться отъ слезъ, воображая, какъ онъ въ свободные часы,—послѣ важныхъ, для человѣчества полезныхъ трудовъ—безпечно и весело игрывалъ съ нами, малыми дѣтьми;

Bonjour, Messieurs! (т. I, 302).

бралъ меня въ колѣни, цѣловалъ и называлъ своею милою Софьею». — — Тутъ милая Софія бѣлымъ платкомъ обтерла слезы свои. Багзенъ плакалъ вмѣстѣ съ нею, и въ восторгѣ чувствительности осмѣлился поцѣловать ея руку.— Наши путешественники забыли свою усталость, просидѣли весь вечеръ съ дѣвицею Галлеръ и ужинали вмѣстѣ съ нею. На другой день имъ надлежало рано ѣхать въ Бернъ; а Софія и дядя ея оставались еще въ Тунѣ. «Не ужели мы на всегда простимся?» сказалъ молодой Графъ, смотря въ глаза Софіи. Багзенъ также смотрѣлъ ей въ глаза, и еще съ живѣйшимъ выраженіемъ нѣжности. Докторъ Беккеръ протянулъ голову впередъ, въ ожиданіи отвѣта ея. Она улыбнулась, и подала Графу карточку: *вотъ адресъ нашей фамиліи, которая почтетъ за великое удовольствіе угостить любезныхъ путешественниковъ.* Датчане изъявили ей благодарность свою, и пошли въ отведенную имъ комнату.—На другой день по пріѣздѣ своемъ въ Бернъ сочли они за пріятную должность явиться съ почтеніемъ къ дѣвицѣ Галлеръ. Ее не было дома; однакожь дядя и тетка ея приняли ихъ очень ласково. *Скоро ли будетъ домой дѣвица Галлеръ? скоро ли возвратится дѣвица Софія? скоро ли увидимъ пріятную нашу сопутницу?* вотъ вопросы, на которые этотъ дядя и эта тетка принуждены были отвѣчать всякую минуту. Наконецъ пришла дѣвица Галлеръ, возвратилась дѣвица Софія; Датчане увидѣли свою пріятную сопутницу, и не могли удержаться отъ радостнаго восклицанія при ея входѣ. Она обошлась съ ними какъ съ знакомыми, и показалась имъ еще прелестнѣе, еще милѣе. Графъ, Багзенъ, Беккеръ,

хотѣли говорить съ нею вдругъ, и вдругъ дѣлали ей вопросы. Одному отвѣчала она словами, другому улыбкою, третьему движеніемъ руки— и всѣ были довольны. Ввечеру предложили гулянье; собрались пріятели и пріятельницы—но Датчане никого не видали, никого не слыхали, кромѣ Софіи. Разстались съ тѣмъ, чтобы на другой день опять видѣться. Другой, третій и четвертый день были проведены почти такъ же. Въ сіе время Беккеръ примѣтилъ, что онъ не можетъ быть *первымъ* для Софіи, умѣрилъ жаръ свой въ обхожденіи съ нею, и оставилъ всѣ требованія на отличную благосклонность ея. Графъ примѣтилъ, можетъ быть, то же, сдѣлался пасмуренъ, скоро совсѣмъ пересталъ ходить къ Софіи, и началъ искать разсѣянія въ Бернскихъ обществахъ. Что принадлежитъ до Багзена, то едва ли Лезбійская Пѣснопѣвица могла такъ страстно любить своего Фаона, какъ онъ полюбилъ Софію; и никогда жрица Аполлонова, сидя на златомъ треножникѣ, не трепетала такъ сильно въ святыхъ восторгахъ своихъ, какъ трепеталъ нашъ молодой Поэтъ, прикасаясь устами къ Софіиной рукѣ. Всякое слово его одушевлялось чувствомъ, когда онъ говорилъ съ нею, и чувства его были — пламя. Онъ не осмѣливался сказать ей: *я люблю тебя!* но нѣжная Софія понимала его, и не могла быть равнодушна къ такому любовнику. Она стала не такъ жива и весела, какъ прежде — иногда задумывалась, и глаза ея блистали какъ молнія. Часто по вечерамъ гуляли они двое въ алеяхъ Бернской террасы; густыя тѣни каштановыхъ деревъ и лучи свѣтлаго мѣсяца были свидѣтелями ихъ непорочнаго обхожденія, до самаго того време-

ни, какъ платоническій любовникъ, въ одинъ изъ сихъ пріятныхъ вечеровъ упавъ на колѣни передъ Софіею и схвативъ ея руку, сказалъ: *она моя! твое сердце образовано для моего сердца! мы будемъ щастливы!..* «Она твоя» — отвѣчала Софія, посмотрѣвъ на него съ нѣжностію: «она твоя! и я надѣюсь быть съ тобою щастлива!»— Пусть другой, а не я, опишетъ сію минуту!— Въ тотъ же самый вечеръ всѣ родственники дѣвицы Галлеръ обняли Багзена какъ ея жениха и своего друга, и черезъ нѣсколько недѣль положили быть свадьбѣ. — Теперь Поэтъ нашъ наслаждается прекрасною зарею того щастія, которое ожидаетъ его въ объятіяхъ милой супруги, и въ восторгѣ своемъ прославляетъ берегъ Тунскаго озера, гдѣ глаза его увидѣли, и гдѣ душа его полюбила Софію.—Между тѣмъ Графъ Молтке совершенно успокоился и радуется щастію своего друга; Беккеръ также радуется — и разсказалъ мнѣ все то, что вы теперь читали.

Осень дѣлаетъ меня меланхоликомъ. Вершина Юры покрылась снѣгомъ; дерева желтѣютъ, и трава сохнетъ. Брожу sur la Treille, съ уныніемъ смотрю на развалины лѣта; слушаю, какъ шумитъ вѣтеръ—и горесть мѣшается въ сердцѣ моемъ съ какимъ-то сладкимъ удовольствіемъ. Ахъ, никогда еще не чувствовалъ я столь живо, что теченіе Натуры есть образъ нашего жизненнаго теченія!.. Гдѣ ты, весна жизни моей? Скоро, скоро проходитъ лѣто—и въ сію минуту сердце мое чувствуетъ холодъ осенній. Простите, друзья мои!

Гора Юра, 8 Ноября 1789.

Тавернье, который объѣздилъ большую часть свѣта, — Тавернье говоритъ, что онъ, кромѣ одного мѣста въ Арменіи, нигдѣ не находилъ такого прекраснаго вида, какъ въ Обонѣ. Сей городокъ лежитъ на скатѣ высокой Юры, недалеко отъ Моржа, верстахъ въ тридцати отъ Женевы: и такъ, взявъ въ руки Діогенской посохъ, отправился я въ путь, чтобы собственными глазами видѣть ту картину, которою восхищался славный Французской путешественникъ.

Теперь, любезные друзья мои, сижу я на голубой Юрѣ, повыше городка Обоня—смотрю, и взоръ мой теряется въ безчисленныхъ красотахъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣтлое озеро какъ зеркало представляется глазамъ моимъ—по сю сторону множество городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, которыя одна другую пересѣкаютъ, расходятся и опять соединяются, и на которыхъ движутся люди какъ дѣятельные муравьи — а по ту сторону, на Савойскомъ берегу, страшныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая *Бѣлая гора* въ снѣжной своей мантіи, въ алоцвѣтной коронѣ, красимой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ... Вознося къ небесамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: *что выше меня?* и Европа отвѣтствуетъ ей почтительнымъ молчаніемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! я долженъ оставить

сію землю... Для чего же, когда она столь прекрасна? Построю хижину на голубой Юрѣ, и жизнь моя протечетъ какъ восхитительный сонъ!.. Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный *рельефъ* Натуры! впечатлѣйся въ моей памяти! Увижу ли тебя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но естьли огнедышущіе Вулканы не превратятъ въ пепелъ красотъ твоихъ— естьли земля не разступится подъ тобою, не осушитъ сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его — ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можетъ быть, дѣти друзей моихъ придутъ на сіе мѣсто: да чувствуютъ они, что я теперь чувствую, и Юра будетъ для нихъ незабвенна!—

Солнце закатилось; но горы блистаютъ. Темнѣетъ синяя твердь—еще сіяютъ три холма *Бѣлой* горы. Шумитъ вѣтеръ—облака показываются на западѣ, разливаются по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ глазъ моихъ великолѣпную картину.

Обонь, 11 часовъ вечера.

Тавернье, возвратясь изъ Индіи съ великимъ богатствомъ, купилъ Обонское Баронство, и хотѣлъ здѣсь провести остатокъ дней своихъ. Но страсть къ путешествіямъ снова пробудилась въ душѣ его—будучи осьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, поѣхалъ онъ на край сѣвера, и скончалъ многотрудную жизнь свою въ столицѣ нашего государства, въ 1689 году. Возвратясь въ Москву, я постараюсь найти гробъ сего достопамятнаго человѣка, который объѣздилъ всю Европу и Азію, шесть разъ былъ въ Турецій,

Персіи, Индіи, и все еще не насытился путешествіями.—Отецъ его торговалъ географическими картами; сынъ любилъ ихъ разсматривать, и часто говорилъ отцу: *Ахъ, батюшка! какъ бы хорошо было видѣть всѣ тѣ земли, которыя изображены здѣсь на бумагѣ!* Вотъ начало его страсти! —

Какое различіе въ судьбѣ человѣческой! Одинъ родится и умираетъ въ отцевской своей хижинѣ, не зная, что дѣлается за полями его; другой хочетъ все знать, все видѣть—и необразимые Океаны не могутъ ограничить его любопытства.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ *новымъ* предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ *старымъ;* одну называютъ *непостоянствомъ, любовію къ новостямъ,* а другую *привычкою.* Мы скучаемъ одинообразіемъ и желаемъ перемѣнъ; однакожъ, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Щастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равносильны! но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ, и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша всегда *то же да то же,* грубѣетъ въ чувствахъ, и наконецъ засыпаетъ душею. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, потому что и та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія. — Читайте Тавернье, Павла Люкаса, Шарденя и прочихъ славныхъ путешественниковъ, которые почти всю

жизнь свою провели въ странствіяхъ: найдете ли въ нихъ нѣжное, чувствительное сердце? Тронутъ ли они душу вашу?—Ахъ, друзья мои! человѣкъ, который десять, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ *чужихъ* земляхъ, между *чужими* людьми, не тоскуя о тѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, питался однимъ воздухомъ, учился произносить первые звуки, игралъ въ младенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался—сей человѣкъ никогда не будетъ мнѣ другомъ!—

Простите! Перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ, и мягкая постеля манитъ меня въ свои объятія.

—

Женева, 26 Ноября 1789.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья мои, для того что не могъ писать. Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я отъ роду не чувствовалъ, и которая не только не давала мнѣ за перо приняться, но даже и спать мѣшала. Опершись на столъ, просиживалъ я дни и ночи, почти безъ всякаго движенія, и закрывъ глаза. Добродушная хозяйка моя, Мадамъ Лажье, приводила ко мнѣ Доктора; но лекарства его не помогали.

Наконецъ благодѣтельная Натура сжалилась надъ бѣднымъ страдальцемъ, и сняла съ головы моей свинцовую тягость. Вчера я въ первый разъ вздохнулъ свободно, и первый разъ, вышедши на чистый воздухъ, поднялъ на небо глаза свои. Мнѣ казалось, что вся Природа радовалась со мною—я плакалъ какъ младенецъ, и узналъ, что болѣзнь не ожесточила моего

сердца—оно не разучилось наслаждаться,—чувствуетъ такъ же, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сіяетъ въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сію минуту исчезло раздѣляющее насъ пространство—я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Натурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу быть злопамятенъ противъ матери моей, Природы, и забуду все, кромѣ того, чѣмъ она услаждаетъ чашу дней моихъ.

Женева, Декабря 1, 1789.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать три года! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевскаго озера, и устремивъ глаза на голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой.

Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда хочетъ! — Довѣренность къ Провидѣнію—довѣренность къ той невидимой Рукѣ, которая бережетъ и червя и человѣка—должна быть основаніемъ нашего спокойствія.

Этотъ день хотѣлъ бы я провести съ вами: но какъ быть!—Стану хотя въ мысляхъ вами радоваться. И вы конечно вспомните нынѣ своего друга.

Вмѣстѣ съ Беккеромъ намѣренъ я обѣдать у Барона де-Лю, а ужинать въ трактирѣ *Золотыхъ вѣсовъ,* гдѣ у насъ будетъ веселый концертъ.

Женева.

Вы можетъ быть удивляетесь, друзья мои, что я по сіе время ничего не говорилъ вамъ о великомъ Боннетѣ, который живетъ верстахъ въ четырехъ отъ Женевы, въ деревнѣ Жанту. Мнѣ сказали, что онъ весьма нездоровъ, глухъ и слѣпъ, и никого кромѣ ближнихъ родственниковъ не принимаетъ; почему я не имѣлъ надежды видѣть сего славнаго Философа и Натуралиста. Но третьяго-дни Г. Кела, свойственникъ его, вызвался самъ ѣхать къ нему со мною, увѣривъ меня, что посѣщеніе мое не будетъ ему въ тягость. Мы пріѣхали къ нему по утру, но не застали его дома: онъ прогуливался. Г. Кела вѣлѣлъ ему сказать, что одинъ Русской путешественникъ желаетъ быть у него — и на другой день Боннетъ прислалъ звать меня. Въ назначенное время постучался я у дверей сельскаго его домика, былъ введенъ въ кабинетъ Философа, увидѣлъ Боннета, и удивился. Я думалъ найти слабаго старца, угнетеннаго бременемъ лѣтъ—обветшалую скинію, которой временный обитатель, небесный гражданинъ, утомленный безпокойствомъ тѣлесной жизни, ежедневно собирается летѣть обратно въ свою отчизну—однимъ словомъ, развалины великаго Боннета. Что же нашелъ? хотя старца, но весьма бодраго — старца, въ глазахъ котораго блистаетъ огонь жизни— старца, котораго голосъ еще твердъ и пріятенъ— однимъ словомъ, Боннета, отъ котораго можно ожидать второй *Палингенезіи**). Онъ

*) Титулъ одного изъ его сочиненій.

встрѣтилъ меня почти у самыхъ дверей, и съ ласковымъ взоромъ подалъ мнѣ руку. «Вы видите передъ собою такого человѣка, сказалъ я, который съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно.» *Я всегда радуюсь,* отвѣчалъ онъ, *когда слышу, что сочиненія мои приносятъ пользу или удовольствіе благороднымъ душамъ.*

Мы сѣли передъ каминомъ, Боннетъ на большихъ своихъ креслахъ, а я на стулѣ подлѣ него. *Подвиньтесь ближе,* сказалъ онъ, приставляя къ уху длинную мѣдную трубку, чтобы лучше слышать: *чувства мои тупѣютъ.* Я не могу отъ слова до слова описать вамъ разговора нашего, который продолжался около трехъ часовъ. Довольствуйтесь нѣкоторыми отрывками.

Боннетъ очаровалъ меня своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Нѣтъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною какъ съ равнымъ себѣ; и всякій комплиментъ мой принималъ съ чувствительностію. Душа его столь хороша, столь чиста и неподозрительна, что всѣ учтивыя слова кажутся ему языкомъ сердца: онъ не сомнѣвается въ ихъ искренности. Ахъ! какая разница между Нѣмецкимъ ученымъ и Боннетомъ! Первый съ гордою улыбкою принимаетъ всякую похвалу какъ должную дань, и мало думаетъ о томъ человѣкѣ, который хвалитъ его; но Боннетъ за всякую учтивость старается платить учтивостію. Правда, что бой между нами не могъ быть ровенъ; я говорилъ съ Философомъ, всему свѣту извѣстнымъ, и всѣми превозносимымъ, а онъ говорилъ съ молодымъ, обыкновеннымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ.

Боннетъ позволилъ мнѣ переводить его сочиненія на Русской языкъ. «Съ чего же вы думаете начать?» спросилъ онъ: Съ *Созерцанія Природы* (Contemplation de la Nature) отвѣчалъ я, которое по справедливости можетъ быть названо магазиномъ любопытнѣйшихъ знаній для человѣка.— «Никогда не приходило мнѣ на мысль, сказалъ онъ, чтобы это сочиненіе было такъ благосклонно принято публикою и переведено на столько языковъ. Вы знаете (изъ предисловія къ Contemplation), что я хотѣлъ бросить его въ каминъ. Но переводя *Палингенезію*, вы переведете лучшее и полезнѣйшее мое сочиненіе. Ахъ, государь мой! въ нашемъ вѣкѣ много невѣрующихъ!» — Ему непріятно, что на Англійской и Нѣмецкой языкъ переведено *Созерцаніе Натуры* безъ его вѣдома. *Когда Авторъ еще живъ*, сказалъ онъ, *то надлежало бы у него спроситься*.— Боннетъ хвалитъ одинъ Спаланцаніевъ переводъ, а Нѣмецкимъ Переводчикомъ, Профессоромъ Тиціусомъ, весьма не доволенъ потому, что сей ученый Германецъ думалъ поправлять его, и собственныя свои мнѣнія сообщалъ за мнѣнія Сочинителевы. Я сказалъ Боннету, что Тиціусъ, не смотря на свою ученость, во многихъ мѣстахъ не понималъ его. Напримѣръ, начало: je m'élève à la Raison Eternelle, перевелъ онъ: ich erhebe mich zu der ewigen Vernunft: грубая ошибка! Вмѣсто Vernunft надлежало бы сказать Ursache; подъ словомъ raison разумѣлъ Авторъ *причину*, а не *разумъ*. Боннетъ пожалъ плечами, услышавъ отъ меня о сей ошибкѣ.

Онъ любитъ Лафатера, хвалитъ его сердце и таланты, но не совѣтуетъ никому учиться у него Философіи.—Лафатеръ будучи не давно въ

гостяхъ у Боннета, вдругъ схватилъ съ него парикъ и сказалъ сыну своему, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: *смотри, Генрихъ! гдѣ ты увидишь такую голову, тамъ учись мудрости.*

Говоря о честолюбіи Авторскомъ, Боннетъ сказалъ: «Пусть Сочинители ищутъ славы! Трудяся для собственной своей выгоды, они приносятъ пользу человѣчеству, ибо премудрый Творецъ неразрывнымъ союзомъ соединилъ частное благо съ общимъ».

Жанъ-Жака называетъ онъ великимъ Риторомъ, слогъ его музыкою, а Философію—воздушнымъ замкомъ. Будучи усерднымъ патріотомъ, Боннетъ не можетъ простить согражданину своему, что онъ въ Lettres écrites de la Montagne не пощадилъ Женевскаго правительства.

«Въ цѣлой Европѣ, говоритъ Боннетъ, не найдете вы такого просвѣщеннаго города какъ Женева; наши художники, ремесленники, купцы, женщины и дѣвушки, имѣютъ свои библіотеки, и читаютъ не только романы и стихи, но и философическія книги.»— И я могу сказать, что Женевскіе парикмахеры твердятъ наизусть цѣлыя тирады изъ Вольтера, и что Женевскія Дамы, въ домѣ у Господина К*, слушаютъ съ великимъ вниманіемъ одного молодого Графа, Мартенева друга, когда онъ изъясняетъ имъ тайну творенія.

Боннетъ вызвался словесно или письменно объяснить для меня тѣ мѣста въ своихъ сочиненіяхъ, которыя покажутся мнѣ темными; но я избавлю его отъ сего труда.

Почтенный старецъ проводилъ меня до крыльца.—Знаете ли, какъ въ просвѣщенной Женевѣ обыкновенно зовутъ его? *Инсектомъ* — для того, что онъ писалъ о насѣкомыхъ.

—

Женева, Января 23, 1790.

Въ здѣшней маленькой Республикѣ начинаются несогласія. Странные люди! живутъ въ спокойствіи, въ довольствѣ, и все еще хотятъ чего-то. Нынѣ слышалъ я пышную проповѣдь, на текстъ: *естьли забуду тебя, о Іерусалимъ! то да забудетъ седя рука моя, и да прилипнетъ языкъ къ гортани моей, естьли ты не будешь главнымъ предметомъ моей радости* *)! Разумѣется, что Іерусалимъ значилъ Женеву. Проповѣдникъ говорилъ о любви къ отечеству; доказывалъ, что Республика ихъ щастлива со всѣхъ сторонъ; что для соблюденія сего благополучія всѣмъ гражданамъ должно жить въ согласіи, и что на семъ общемъ согласіи основывается личная безопасность каждаго. Въ церкви было множество людей, а особливо женщинъ, хотя Риторъ обращался всегда къ братьямъ, а не къ сестрамъ. Всѣ вокругъ меня вздыхали, всѣ плакали—я самъ несказанно былъ тронутъ, видя слезы красавицъ, матерей и супругъ.

—

Вотъ письмо къ Боннету, писанное мною вчера поутру.

Monsieur.

Je prends la liberté de Vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en mauvais françois,

*) По Французскому переводу.

Vous importunera moins qu'une visite qui pourroit interrompre Vos occupations quelques moments de plus.

J'ai relu encore une fois Votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui, Monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet excellent ouvrage sans le défigurer, ni même affoiblir beaucoup l'énergie de Votre style; mais pour conserver toute la fraicheur des beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudroit être un second *Bonnet*, ou doué de son génie. D'ailleurs notre langue, quoique fort riche, n'est pas assez cultivée, et nous avons encore très peu de livres de philosophie et de physique écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions, et même créer de nouveaux noms, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils ont commencé à écrire en leur langue; mais sans être injuste envers cette dernière, dont je connois toute l'énergie et la richesse, je dirai que la notre a plus de souplesse et d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force necessaire pour en surmonter les difficultés.

Vous êtes toujours si clair, et Vos expressions sont si precises, que pour aprésent je n'ai qu'à Vous remercier de la permission, que Vous avez bien voulu me donner, de m'adresser à Vous, en cas que quelque chose dans Votre ouvrage m'embarassât. Si j'ai de la peine, ce sera de rendre clairement en russe ce qui est très clair en françois, pour peu que l'on sache ce dernier.

Je me propose aussi de traduire Votre *Palingénésie*. J'ai un ami (Mr. N. N. à Moscou), qui s'éstime heureux, ainsi que moi, d'avoir lu et medité Vos ouvrages, et qui m'aidera dans mon agréable travail; et peut être que dans l'instant même où j'ai l'honneur de Vous écrire, il s'occupe à traduire un chapitre de Votre *Contemplation* ou de Votre *Palingénésie*, pour en faire un present à son ami, à son retour dans sa patrie.

En presentant au Public ma traduction, je dirai: *je l'ai vu lui-même*, et le lecteur m'enviera dans son coeur.

Daignez agréer mes remercimens de l'accueil favorable

que Vous avez eu la bonté de me faire, et le respect profond, avec lequel je suis *),

Monsieur,

Votre très-humble
et très-obeissant serviteur

N. N.

Вотъ отвѣтъ:

Genthod, Vendredi au soir, 22 Janvier, 1790.

Si je n'avois pas su, Monsieur, que vous êtes Russe de naissance, je ne m'en serois pas douté à la lecture de votre obligeante lettre. Vous maniez notre langue comme un François qui l'a cultivée et je ne puis trop me féliciter d'avoir rencontré un Traducteur aussi capable que vous l'êtes de rendre bien son original. Vous ne rendrez sûrement pas moins bien la *Palingénésie* que la *Contemplation*, et ces deux ouvrages vous devront un honneur auquel l'Auteur sera extremement sensible,

---

*) «Я осмѣливаюсь писать къ вамъ, думая, что письмо «мое обезпокоитъ васъ менѣе, нежели посѣщеніе, которое «могло бы на нѣсколько минутъ перервать ваши упражненія.

«Съ величайшимъ вниманіемъ читалъ я снова ваше Созер«цаніе Природы, и могу сказать безъ тщеславія, что надѣюсь перевести его съ довольною точностію; надѣюсь, что «не совсѣмъ ослаблю слогъ вашъ. Но для того, чтобы со«хранить всю свѣжесть красотъ, находящихся въ подлин«никѣ, мнѣ надлежало бы имѣть Боннетовъ духъ. Сверхъ «того языкъ нашъ хотя и богатъ, однакожь не такъ обра«ботанъ, какъ другіе, и по сіе время еще весьма немногія «философическія и физическія книги переведены на Русской. «Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, «подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, на«чавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая «всю справедливость сему послѣднему, котораго богатство

celui d'être connu d'une Nation que votre patriotisme désire d'éclairer, et qui est très susceptible d'instruction.

J'ai, Monsieur, un plaisir à vous demander; ce seroit d'accepter pour lundi prochain, 25 du courant, un petit dîner philosophique dans ma retraite champêtre. Si ce jour peut vous convenir, je vous attendrois sur le midi, et nous nous entretiendrions ensemble d'un travail dont je vous suis si redevable. Veuillez me donner un mot de réponse.

Je suis charmé d'apprendre que vous ayez à Moscow un Ami inspiré pas les mêmes vues qui vous animent, et la satisfaction qu'il goûte à me lirre et à me méditer, m'en donne beaucoup à moi-même.

Agréez les assurances bien vraies des sentimens

«и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по се-«бѣ гораздо пріятнѣе. Переводъ мой можетъ быть поле-«зенъ—и сія мысль послужитъ мнѣ одобреніемъ къ преодо-«лѣнію всѣхъ трудностей.

«Вы пишете такъ ясно, что на сей разъ я долженъ толь-«ко благодарить васъ за данное мнѣ позволеніе требовать у «васъ изъясненія въ такомъ случаѣ, естьли бы что нибудь «показалось для меня непонятнымъ въ *Созерцаніи*. Можетъ «быть, трудно будетъ мнѣ выражать ясно на Русскомъ язы-«кѣ то, что на французскомъ весьма понятно для всякаго, «кто хотя немного знаетъ сей языкъ.

«Я намѣренъ переводить и вашу *Палингенезію*. Одинъ «пріятель мой, живущій въ Москвѣ, такъ же какъ и я лю-«битъ читать ваши сочиненія и будетъ моимъ сотрудни-«комъ; можетъ быть въ самую сію минуту, когда имѣю честь «писать къ вамъ, онъ переводитъ главу изъ *Созерцанія* «или *Палингенезіи*.

«Предлагая публикѣ переводъ мой, скажу: *я видѣлъ его «самого*, и читатель позавидуетъ мнѣ въ сердцѣ своемъ.

«Изъявляя признательность мою за благосклонный пріемъ, «съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть»—и проч.

pleins d'estime et de considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur,

Votre très-humble
et trés obéissant serviteur,

Le Contemplateur d. l. Nature *).

Женева, 26 Января, 1790.

День вчера былъ очень хорошъ, и я отправился въ Жанту пѣшкомъ; но скоро небо помрачилось, и сильный дождь принудилъ меня искать убѣжища. Я зашелъ въ крестьянскій домикъ, гдѣ многочисленное семейство сидѣло за обѣдомъ. Хозяинъ, узнавъ причину нечаян-

---

*) Начало письма есть не что иное, какъ одна французская учтивость.—«Я радуюсь, нашедши такого переводчика: вы конечно хорошо переведете и *Палингенезію* и *Созерцаніе*. Авторъ будетъ вамъ весьма благодаренъ за то, что вы познакомите съ его сочиненіями такую націю, которую онъ уважаетъ.

«Не можно ли вамъ въ Понедѣльникъ, то есть 25 числа сего мѣсяца, отобѣдать со мною *по-философски* въ сельскомъ моемъ уединеніи. Естьли можно, то около двѣнадцати часовъ буду ожидать васъ, и мы поговоримъ о томъ трудѣ, которымъ вы намѣрены обязать меня. Прошу объ отвѣтѣ.

«Мнѣ пріятно слышать, что у васъ есть пріятель, который вмѣстѣ съ вами любитъ просвѣщеніе, и находитъ удовольствіе въ чтеніи моихъ сочиненій.

«Увѣряя васъ въ моемъ уваженіи, имѣю честь быть,

«Государь мой.
«Васъ покорный слуга,
«*Созерцатель Природы.*

наго посѣщенія моего, принесъ мнѣ стулъ изъ другой горницы, и просилъ меня отвѣдать картофелей, сваренныхъ его женою. Я отвѣдалъ, похвалилъ, и положилъ вилку. — «Что же вы не ѣдите?»—Я иду обѣдать въ Жанту, къ Г. Боннету.—«Къ Господину Боннету? И такъ вы съ нимъ знакомы?»—Знакомъ, хотя очень недавно.—«Какой добрый человѣкъ! Всѣ поселяне любятъ его сердечно, а бѣдные называютъ отцомъ и благодѣтелемъ.» Онъ помогаетъ имъ?—«Конечно; никто еще не уходилъ отъ него съ печальнымъ лицемъ.» И такъ онъ много раздаетъ денегъ?—«Очень много; и сверхъ того говоритъ всегда такъ ласково, такъ умно, такъ хорошо, что у всякаго слезы на глазахъ навертываются, и всякому хочется схватить и поцѣловать руку его.»—*Правда, правда, батюшка!* сказалъ большой сынъ моего хозяина. *Правда,* повторила молодая жена его, взглянувъ на мужа и на меня.—Дождь пересталъ, и я пошелъ, изъявивъ благодарность мою гостепріимному и добросердечному поселянину. И такъ Женевскій мудрецъ не только по сочиненіямъ, но и по дѣламъ своимъ есть другъ человѣчества!

Я нашелъ его въ саду, но онъ тотчасъ повелъ меня въ домъ, примѣтивъ на кафтанѣ моемъ слѣды дождевыхъ капель,—посадилъ въ кабинетѣ своемъ передъ каминомъ, и велѣлъ мнѣ грѣть ноги, боясь, чтобы я не простудился. Судите по сему объ искусствѣ его плѣнять людей! Но душа его родилась съ симъ искусствомъ—и естьли, по словамъ Валандовымъ, сочиненія Боннетовы заставляютъ читателей любить Автора, то милое обхожденіе его еще увеличиваетъ эту любовь.—Ни съ кѣмъ не говорю

я такъ смѣло, такъ охотно, какъ съ нимъ. И слова и взоры его ободряютъ меня. Онъ все выслушиваетъ до конца, во все входитъ, на все отвѣчаетъ. Какой человѣкъ!

«Вы рѣшились переводить *Созерцаніе природы*, сказалъ онъ: начните же переводить его въ глазахъ Автора, и на томъ столѣ, на которомъ оно было сочиняемо. Вотъ книга, бумага, чернилица, перо.»—Съ радостію исполнилъ я волю его; съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ приближился къ письменному столу великаго философа, сѣлъ на его кресла, взялъ перо его—и рука моя не дрожала, хотя онъ стоялъ за мною. Я перевелъ титулъ—первый параграфъ—и прочиталъ вслухъ. *Слышу и не понимаю*, сказалъ любезный Боннетъ съ усмѣшкою: *но соотечественники ваши будутъ конечно умнѣе меня.—Эта бумага останется здѣсь въ память нашего знакомства.*

Онъ хотѣлъ знать, во сколько времени могу перевести Contemplation, въ какой форматъ буду печатать эту книгу, и самъ ли стану читать корректуру? Мнѣ очень пріятно было, что великой Боннетъ входилъ въ такія подробности; но еще пріятнѣе то, что онъ обѣщалъ мнѣ дать новыя, и самой Французской Публикѣ неизвѣстныя примѣчанія къ *Созерцанію*, которыя написаны у него на карточкахъ, и въ которыхъ сообщаетъ онъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ, дополняетъ, объясняетъ, поправляетъ нѣкоторыя невѣрности, и проч. и проч. «Я человѣкъ (сказалъ онъ), и потому ошибался; не могъ самъ дѣлать всѣхъ опытовъ, вѣрилъ другимъ наблюдателямъ, и послѣ узнавалъ ихъ заблужденія. Стараясь о возможномъ совершенствѣ моихъ сочиненій, поправляю всякую

ошибку, которую нахожу въ нихъ.»—Онъ хочетъ, чтобы я прислалъ къ нему два экземпляра перевода моего: одинъ для его собственной, а другой для Женевской публичной библіотеки.

Почтенный старецъ бережетъ слабые свои глаза, и почти ничего самъ не пишетъ, а все диктуетъ Секретарю.

На вопросъ, чью Философію преподаютъ у насъ въ Московскомъ Университетѣ? отвѣчалъ я: Вольфову — отвѣчалъ наугадъ, не зная того вѣрно. *Вольфъ есть хорошій Философъ*, сказалъ Боннетъ: *но только онъ слишкомъ любитъ демонстрацію; я предпочелъ его методъ аналитическую, которая гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе.*

Въ часъ мы сошли въ залу нижняго этажа, гдѣ готовъ былъ обѣдъ, и гдѣ ждала насъ Госпожа Боннетъ, которая лѣтами моложе своего мужа, но здоровьемъ гораздо его слабѣе. Она также обласкала меня; и между тѣмъ, какъ Боннетъ ѣлъ супъ, хвалила мнѣ *тихонько* доброту его сердца. «О его разумѣ, о его знаніяхъ «пусть судитъ публика; но я знаю то, что любовь его, добронравіе и нѣжныя попеченія со«ставляютъ мое щастіе. Мнѣ кажется, что безъ «него я давно бы лишилась жизни, будучи такъ «слаба и не здорова; видя же его подлѣ себя, «терпѣливо переношу всѣ припадки, всякую «болѣзнь, и вмѣсто роптанія изъявляю Небу «благодарность мою за такого супруга»—О чемъ вы говорите? спросилъ Боннетъ, перемѣнивъ тарелку. *О хорошей погодѣ*, отвѣчала Госпожа Боннетъ, и утерла платкомъ глаза свои.

Я сидѣлъ между ими, какъ между Филемономъ *и Бавкидою*. Обѣдъ былъ очень хорошъ, и такъ *изобиленъ*, какъ Природа, описанная хозяи-

номъ.—Когда мы пили кофе, пришелъ тотъ датчанинъ, живописецъ, о которомъ говоритъ Боннетъ въ Contemplation, и который живетъ у него въ домѣ. Онъ началъ разсказывать о болѣзни Г-жи Соссюръ, племянницы Боннетовой, и говоря по-Французски не очень хорошо, на третьемъ словѣ остановился, и нѣсколько времени не могъ сыскать выраженія. Почтенный старецъ сидѣлъ, приставя къ уху мѣдную трубку, и съ величайшимъ терпѣніемъ дожидался, пока живописецъ могъ изъясниться. Эта черта для меня характерна, и показываетъ кротость Боннетовой души, которая никого и ничѣмъ оскорбить не хочетъ.

Онъ вздумалъ проводить меня до Женевы, призвалъ кучера и велѣлъ ему закладывать карету. Естьли бы вы видѣли какими глазами смотрѣлъ на него этотъ кучеръ! и какимъ голосомъ отвѣчалъ ему: *слышу, добрый, любезный господинъ мой, слышу!* Всѣ домашніе любятъ его какъ отца.

Жалѣть ли о томъ, что онъ не имѣетъ дѣтей, которыя могли бы развеселить мрачную осень дней его? Но мудрецъ, дружелюбно бесѣдующій съ Геніемъ Натуры—мудрецъ, почитающій весь родъ человѣческой однимъ семействомъ, и трудами своими споспѣшествующій его просвѣщенію и благополучію—можетъ быть щастливъ и безъ сего удовольствія.

Г-жа Боннетъ любитъ и держитъ у себя птицъ всякаго рода; попугаевъ, чижей, горлицъ, и проч. «Не удивляюсь вашему вкусу, сказалъ, я: кто не любитъ того, что описано вашимъ супругомъ?» Боннетъ вслушался, и пожалъ руку мою.—«Однакожь знаете ли, сказалъ онъ, что

я часто ссорюсь съ моею женою за книги? Вчера, на примѣръ, былъ у насъ великой споръ о Письмахъ дю-Паши *); слогъ ихъ кажется ей прекраснымъ, а мнѣ фигурнымъ и принужденнымъ; она находитъ въ нихъ сердечное краснорѣчіе, а я — однѣ антитезы.» — Г-жа Боннетъ смѣялась, и говорила, что Сочинитель *Аналитическаго опыта* **), не всегда чувствуетъ красоты піитическія. — Они довезли меня въ своей каретѣ до самыхъ городскихъ воротъ. —

По сіе время здѣсь нѣтъ зимы, и дни бываютъ такъ ясны и теплы, какъ у насъ въ исходѣ Августа или въ началѣ Сентября, хотя во всей Женевѣ безпрестанно пылаетъ огонь въ каминахъ. Только одинъ разъ шелъ снѣгъ, и черезъ нѣсколько часовъ растаялъ: но всѣ вершины горъ имъ покрыты. Видъ странный! Вверху сѣдая зима со всѣми своими ужасами, а внизу ясная осень.

На сихъ дняхъ познакомился я съ Господиномъ Ульрихомъ, Цирихскимъ уроженцомъ, который природно-глухихъ и нѣмыхъ учитъ говорить, читать и писать. Онъ живетъ здѣсь въ домѣ одного богатаго человѣка, у котораго есть нѣмая дочь, дѣвушка лѣтъ тринадцати, прекрасная собою. Посредствомъ его искусства и стараній начинаетъ она уже изъясняться и разумѣть другихъ. Сперва — показывая ей какъ для всякаго слова надобно растворять ротъ, двигать языкъ и губы — научаетъ онъ ее произношенію тоновъ, а потомъ знаками изъясняетъ ей смыслъ ихъ. Когда другіе люди говорятъ не

---

*) *Lettres* sur l'Italie.
**) *Essai* analytique sur l'ame.

скоро и произносятъ извѣстныя ей слова, то она по движенію губъ понимаетъ ихъ. Все это чудно. Сколько есть отвлеченныхъ идей, которыхъ, кажется, никакъ не льзя изъяснить знаками! Третьяго-дни былъ я въ гостяхъ у сего Ульриха. При мнѣ говорилъ онъ съ своею ученицею, и такъ свободно, какъ со всякимъ другимъ. Она разумѣла и нѣкоторыя изъ моихъ словъ, и отвѣчала мнѣ довольно хорошо; только въ голосѣ ея есть нѣчто дикое и непріятное, чего уже никакъ нельзя поправить. Она пишетъ чисто, и съ наблюденіемъ орѳографіи. Мать ея велитъ ей записывать, что съ нею всякой день случается. Ульрихъ показывалъ мнѣ этотъ журналъ, писанный складно, но только слишкомъ отрывисто. Она чрезвычайно любитъ своего учителя, и ласкается къ нему болѣе, нежели къ отцу и къ матери. Въ журналѣ ея между прочимъ замѣтилъ я слѣдующее: *Госпожа N. N. звала меня къ себѣ въ гости—я не пошла къ ней—она не звала моего учителя.* — Ульрихъ ѣздилъ въ Парижъ затѣмъ только, чтобы видѣться съ Аббатомъ л'Епе, который завелъ тамъ особливое училище для нѣмыхъ. Чему дивиться болѣе: разуму ли учителя, или понятію учениковъ? Конечно сему послѣднему; но все вмѣстѣ заставляетъ меня удивляться способностямъ души человѣческой.

На сихъ же дняхъ я узналъ и молодаго Верна. Вамъ извѣстны его *Франсіада*, и Voyageur sentimental, въ которомъ много хорошаго и трогательнаго. Онъ обѣдаетъ иногда въ нашемъ пансіонѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S JUN 30 1998

OCT 2 6 2007

MAR 0 7 2000

JUN 3 0 2000

Stanford University Libraries
3 6105 014 866 128
D
917
K3
1900
V.1
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305